

**ТАДЖИКСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ СОТИМА УЛУГЗАДЕ**

На правах рукописи

УДК 804.0+809.155.0

ББК 81.2 фран+81.2 тадж

С- 22

САФЯЛОЕВА ЛОЛА СУБХОНОВНА

**ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И
ТАДЖИКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Научный руководитель:

доктор филологических наук

Турсунов Фаёзджон Мелибоевич

Душанбе – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.....	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА.....	13-47
1.1.Эмоции как объект исследования.....	13
1.2.Природа эмоций и их классификационные признаки	21
1.3.Эмоциональная картина мира.....	44
Выводы по первой главе.....	46
ГЛАВА II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	48-73
2.1.Исследование эмоций в лингвистике.....	48
2.2.Способы репрезентации эмоций в художественном тексте.....	66
Выводы по второй главе.....	73
ГЛАВА III. ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ).....	74-144
3.1.Вербальные средства реализации базовых эмоций: лексико-синтаксический аспект.....	74
3.2.Эмоциональные кинемы во французском и таджикском языках.....	107
3.3.Эмотивный текст и его признаки во французском и таджикском языках.....	131
Выводы по третьей главе.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	151
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	153
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Диссертационная работа посвящена исследованию особенностей языковой и неязыковой репрезентации базовой эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира.

Главной характеристикой художественной литературы, отличающей ее от других произведений, является выражение эмоций. Одним из основных аспектов эмотивного текста является область нерационального восприятия с целью оказать на реципиентов определенное эмоциональное воздействие, то есть психологический резонанс. Используя чувственное сообщение эмотивный текст предоставляет реципиенту яркую картину, разумную сторону литературного произведения. Эмотивность текста позволяет также не только донести до читателя концептуальный замысел авторов, но также идеологический и эстетический замысли в живой и духовной форме. Следовательно, прагматическое влияние на реципиента выступает как основная функция категории эмотивности.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется антропоцентричностью. Фокус исследования направлен на человека – носителя языка, а также на разные направления человеческой деятельности, а именно: внутренний мир, психоэмоциональное состояние. Эмоции выступают как идентификатор внутреннего мира человека, пронизывая все стороны человеческой жизни, что не может не отразиться на всех языковых уровнях того или иного языка. Исходя из этого, актуальность приобретает исследование эмоций, репрезентация эмоций (лингвоэмотивный), а также эмотивные концепты, выступающие репрезентантами эмоционального опыта определенной лингвокультуры.

Степень изученности темы. Изучению эмотивной лексики и категории эмотивности посвящены работы многих исследователей. Так, соотношение категорий эмотивности и эмоциональности, их специфика и отличительные особенности рассматриваются в работах В.И. Шаховского [158], В.Н. Телии

[146], К. Изард [81] и др. Реализация категории эмотивности рассматривается исследователями на разных языковых уровнях: на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, а также на уровне пунктуации. Различным аспектам функционирования категории эмотивной лексики в различных типах дискурса посвящены работы Л.Г. Бабенко [20], Б.И. Додонова [67], И.А. Солодиловой [139] и мн. др.

В отечественном языкознании среди диссертационных исследований, посвященных изучению природы эмоций, следует отметить работы Мамадназаров Абдусалом [109], М.М. Хакимова [153], С.А. Файзиевой [150], Ш.Б. Рахимовой [129], З.К. Халиковой [154], З.А. Чоршанбиевой [157], М. Назировой [121] и др.

Значительный интерес представляет исследование Мамадназарова Абдусалома. В сопоставительном аспекте автором проведен анализ грамматической системы двух контактирующих языков (а именно: таджикского и английского языков) на примере грамматической категории наклонения, в частности сослагательного наклонения, чьи формы, категории и функциональные особенности определяются, соотносятся и противопоставляются с позиции коммуникативной маркированности [109].

Исследование М.М. Хакимовой посвящено табу и эвфемизмам в таджикском и английском языках. По справедливому замечанию М.М. Хакимовой явление эвфемизации наблюдается в различных сферах социальной жизни народа. У каждого эвфемизма своя история, свои черты. Эвфемизмы тесно связаны с разными элементами культуры любого народа, поэтому можно утверждать, что, эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, выявляя явления, стигматизированные в данной культуре [153, с. 5].

На сегодняшний день можно выявить следующие направления исследований: изучение отдельных эмотивных лексем; исследование лексико-семантических групп эмотивной лексики; изучение синонимических и

антонимических отношений эмотивной лексики; рассмотрение семантических/тематических полей, охватывающих эмотивную лексику; анализ роли метафоры в семантическом представлении эмоций и др. Широкую известность приобрело рассмотрение эмоциональной лексики и роли метафоры в семантическом представлении эмоций, проводимые Ю.Д. Апресяном [11] и В.Ю. Апресян [10]. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению языкового выражения эмоций и категории эмотивности в языке, тем не менее, основные проблемы эмотиологии изучены недостаточно, а работы, посвященные особенностям языковых и неязыковых средств репрезентации эмоций в таджикском и французском языках отсутствуют.

Связь исследования с программами (проектами) и научными темами. Диссертация выполнена в рамках научно-исследовательской темы кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде на тему «Актуальные проблемы языкознания и перевода на период 2023-2027 гг.».

Выводы, полученные в результате исследования, могут способствовать дальнейшему развитию образовательных программ в области переводоведения и сравнительного языкознания.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Целью исследования является системное сравнительно-сопоставительное описание разноуровневых языковых и неязыковых средств, репрезентирующих базовые эмоции на материале таджикского и французского языков с последующим выявлением его инвариантных и этноспецифических характеристик.

Задачи исследования. Исходя из цели диссертационного исследования, были выдвинуты следующие задачи:

1) анализ современных трактовок терминов «языковая картина мира» и «эмоциональная языковая картина мира»;

2) выявление лексико-грамматических и параязыковых актуализаторов эмоций в художественном тексте;

3) определение ассоциативных связей лексических единиц с другими эмоциями, чувствами и состояниями и выявление особенностей их языковой репрезентации;

4) определить общее и специфическое в употреблении лексико-грамматических и параязыковых средств реализации базовых эмоций в системе двух языков;

5) описать семантику кинетических средств, участвующих в передаче эмоциональной информации в художественных произведениях таджикских и французских писателей;

6) определить основные факторы, способствующие широкому использованию кинетических средств в художественных произведениях таджикских и французских писателей;

7) исследовать особенности языковой и неязыковой репрезентации эмоций в художественной литературе.

Объектом исследования являются прямые и косвенные номинации эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира.

Предметом исследования выступает взаимодействие вербальных и невербальных средств репрезентации эмоций во французской и таджикской языковых картинах мира.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды известных учёных в следующих направлениях:

- современная семантика – В.Ю. Апресян [2005], Н.Д. Арутюнова [1994], Н.А. Багдасарова [2004], Е.Ю. Балашова [2004];

- психология эмоции – Кэррол Э. Изард [1999], С.Ю. Головин [2018], Е.П. Ильин [2001], П. Экман [2011];

- лингвистика эмоций – В.И. Шаховский [2012], О.Е. Филимонова [2007], С.В. ИONOва [1998], Л.А. Калимуллина [2006], Е.Я. Кедрова [1980], Г.А. Копнина [2003], Ю.В. Крылов [2007], Т.В. Матвеева [1986];

- когнитивная лингвистика – А.П. Чудинов [1995], И.Н. Терентьева [2009], К.В. Шмугурова [2011], Т.А. Эмих [2005];

- лингвокультурология – Ю.Ф. Айданова [2012], Н.Н. Германова [2014], А.А. В.И. Карасик [2013], Т.А. Комова [2010], М.В. Пименова [2011], А.С. Савенко [2012], А.Н. Соболев [2013];

- прагматилистика – А.Ю. Маслова [2010], М. Томассело [2011], И.М. Магидова [1985], В.И. Лагутин, А.С. Диденко [2007], Г.Г. Матвеева [2014], Джioева [2014], В.И. Заботкина [2012], М.А. Лаппо [2013].

Источники исследования. Языковой узус, который демонстрирует стереотипы таджикского и французского сознания единиц и конструкций получен в результате тематической и статистической выборки из словарей: Фарҳанги забони тоҷикӣ / Под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошим, Н.А. Маъсуми [1969]; Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова [2006]; Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / Под ред. М. Фозилова [1963]; Словарь синонимов французского языка; Толковый словарь французского языка; Фактический материал исследования составил 4000 отдельных высказываний с семантикой базовых эмоций человека из произведений Саттор Турсун, Сатым Улугзаде, Фазлиддина Мухаммадиева, Оноре де Бальзак, Ги де Мопассана, Ф. Саган, Р. Роллана, Э. Базена, В. Гюго, А. Дюма, Ж. Друэ, а также из Национального корпуса таджикского и французского языков. В работе был использован синхронный подход к анализу материала.

Научная новизна исследования. Впервые было проведено комплексное и системное исследование не только межъязыковых, но и кинетических средств концептуализации эмоций на материале художественных произведений в таджикском и французском языках.

Исследована базовая смысловая структура языковых единиц, репрезентирующих эмоции, определены синтагматические связи анализируемых языковых единиц: исследована синонимичные парадигмы данных единиц: описана специфика репрезентаций эмоций во фразеологических единицах, в художественных произведениях, включающих оригинальные и переводные тексты.

Научная новизна также обусловлена фактологической базой исследования, позволившей сравнить разноструктурные языки (таджикский и французский) в различных аспектах с учетом национально-культурной специфики каждого языка, связанной как со спецификой культуры, так и особенностями менталитета носителей таджикского и французского языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эмоциональная языковая картина мира в таджикском и французском языках представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят эмоциональные представления, эмоциональные понятия. Вербализуясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование. Эмоциональная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности.

2. Языковые средства репрезентации эмоций взаимодействуют с неязыковыми; при этом за языковыми средствами сохраняется ведущая роль и большая функциональная значимость при всем многообразии форм и способов их взаимодействия с мимико-жестовым речевым комплексом. В контексте эмотивные лексические единицы двух языков приобретают контекстуальное значение. Расхождение проявляется при сопоставлении моделей синтаксической сочетаемости тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных эмотивных лексем таджикского и французского языков.

3. Эмоции могут находить выражение в психофизиологических признаках и в этом случае находиться за пределами паралингвизмов. При включении в коммуникативный акт в виде подчеркивающих, ритмических жестов и телодвижений эмоции могут находить выражение в паралингвизмах незнакомой подгруппы.

4. Необходим комплексный подход анализа эмоций с учетом кода культуры, а также различных источников культурной дефиниции, позволяющих понять культурные предпочтения, выступающих доминантами конкретного языкового социума, главным образом в области ассоциативно-образных экспликаций смыслов.

5. Анализ в прагматическом аспекте необходим для адекватного представления о функционировании базовых эмоций в разных жанрах и стилях (в частности, художественном), оно обнаруживает в таджикском и французском языках не только системные сходства, но и специфические расхождения. Фрагменты художественного текста характеризуются широким употреблением наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что на обширном фактическом материале однозначно доказана правомерность некоторых гипотез, выдвинутых учеными разных областей знаний относительно природы эмоций. В частности, подтверждается связь между эмоциями и психофизиологическим состоянием человека. Упорядочены знания о структуре семантической группы слов, связанных с эмоциями. Выявлены как этно-культурные особенности репрезентации эмоций в национальных языках, так и универсальные характеристики.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании таджикского и французского языков, при выработке стратегии и тактики разных видов межкультурной коммуникации, при написании учебных пособий лингвокультурологического

характера. Результаты проведенного исследования также могут найти применение при чтении лекции по лингвистике текста, стилистике, при написании курсовых и дипломных работ.

Степень достоверности результатов диссертации. Степень достоверности и надёжности результатов исследования базируется на научно-методологическом обосновании важнейших теоретических положений исследования, соответствии методов исследования его цели и задачам, взаимосвязанности цели и задач исследования, достаточности количества исследуемых материалов, точности сведений, объеме публикации соискателя, полученных научно обоснованных результатах и представленных практических рекомендациях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данная диссертация соответствует паспорту специальности и ее содержанию, установленному порядку написания диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20. - Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Личный вклад соискателя учёной степени. Личный вклад соискателя ученой степени в исследование заключается в том, что впервые в современной таджикской лингвистике на основе изучения научно-методических материалов и исследовательских источников языковые и неязыковые средства репрезентации базовых эмоций человека во французской и таджикской языковых картинах мира (на материале художественной литературы) стали предметом специального исследования.

В процессе исследования темы соискателем изучены многочисленные научные, художественные, учебные и методические труды и на их основе научно обоснованы цели и задачи темы.

В то же время еще одним вкладом соискателя ученой степени является то, что она впервые определяет отражение эмоций в лингвистических и литературных текстах на примере таджикских и французских текстов с

этимологической, лексико-грамматической и глобальной лингвистической точек зрения.

На протяжении многих лет соискатель изучает различные особенности французского и таджикского языков, пишет научные статьи в этой области и представляет научные доклады на университетских, национальных и международных конференциях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и результаты исследования прошли апробацию в форме докладов и сообщений на заседаниях кафедры сопоставительного языкознания и теории перевода ТМУИЯ имени Сотима Улугзаде и были представлены на следующих научных конференциях:

- Международная научно-практическая конференция на тему «Восточная филология: Лингвистические исследования, литературные связи и переводоведение» (Душанбе, декабрь 2023 г.);

- Конференция профессорско-преподавательского состава, докторантов, магистрантов и студентов Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзаде на тему «Приоритетные направления исследований в области гуманитарных и точных наук в условиях глобализации», посвящённая дню таджикской науки (22.04.2024-27.04.2024) (Душанбе, апрель 2024 г.);

- Республиканская научно-практическая конференция на тему «Актуальные вопросы сравнительного языкознания европейских языков и их изучение в современных условиях» (Душанбе, май 2024 г.);

- Международная научно-практическая конференция на тему «Актуальность изучения романо-германских языков в процессе глобализации и состояние их изучения в Таджикистане» (Душанбе, февраль 2025).

Также диссертация обсуждена и представлена к защите на кафедры языкознания и теории перевода Таджикского международного университета

иностранных языков имени Сотима Улугзаде (Протокол №9, от «25» апреля соли 2025 г.).

Публикации по теме диссертации. Основные положения работы нашли отражение в 9 научных статьях, в том числе в 5 статьях в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, а её общий объем включает 177 страниц, распечатанных на компьютере.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

1.1. Эмоции как объект исследования

Эмоции занимают ведущую позицию в коммуникативном пространстве, так как данный класс психического состояния, связанный с инстинктами, мотивами индивида, реализуется не только в устном общении, но и в различных дискурсах (политический, художественный и т.д.). Независимо от принадлежности личности к той или иной лингвокультуре, эмоции всегда будут выступать основным компонентом разума и языкового сознания носителей языка. Воспринимая окружающий мир, человек накапливает субъективный опыт, который также включает чувства, эмоции и настроения [35, с. 173]. Важную роль эмоции подчеркивали такие выдающиеся ученые, как: [К. Бюлер, Э. Сепир, Ш. Балли, С.В. Маслечкина и др.]. Согласно точке зрения С.В. Маслечкиной, эмоции способны регулировать человеческое поведение, контролируют восприятие, мышление и помогают расширить кругозор, получать новые знания, умения [110, с. 230].

Психологи рассматривают эмоцию как особую категорию психического состояния, как человека, так и животного, которая тесно связана с инстинктами. Эмоции репрезентируются в виде таких переживаний как: печаль, горе, страх или радость [202, с. 561].

Согласно позиции философов – любые человеческие реакции на внешние и внутренние раздражения являются эмоциями. Эмоции, охватывая чувствительно и переживания, оюладают яркой субъективной оценкой [206, с. 589].

Толковые словари таджикского и французского языков дают следующее определение данного понятия:

Эҳсос – ба воситаи яке аз ҳисҳои панҷгона даръёфт намудани чизе, ҳис кардан, пай бурдани чизе ба воситаи бўиш, шунид, соиш, чашиш ва ё биниш;

хис, фаҳм [199, с. 621] – эмоция – испытывать, чувствовать, замечать что-то через обоняние, слух, вкус или зрение; чувствовать, понимать.

Trouble subit, agitation passagère causés par un sentiment vif de peur, de surprise, de joie, etc. : Parler avec émotion de quelqu'un.

Synonymes: *émoi (littéraire) - exaltation – fièvre*.

Réaction affective transitoire d'assez grande intensité, habituellement provoquée par une stimulation venue de l'environnement.

Synonymes: *commotion - ébranlement - saisissement – secousse*.

Sous l'Ancien Régime, révolte populaire non organisée et généralement de courte durée (208).

Synonyme: *fureur* – внезапное расстройство, мимолетное волнение, вызванное острым чувством страха, удивления, радости и т. д.; эмоционально поговорить с кем-то.

Синонимы: *волнение* (литературное) – *экзальтация-лихорадка*.

Переходная аффективная реакция довольно высокой интенсивности, обычно вызванная стимуляцией, исходящей из окружающей среды.

Синоним: *сотрясение*.

При старом режиме неорганизованное и, как правило, недолговечное народное восстание.

Синоним: *ярость* (205).

Таким образом, можно отметить, что эмоции являются объектом исследования разных дисциплин – психологии, физиологии, философии и т.д. Несмотря на тот факт, что проблема исследования эмоций не является в лингвистике первостепенной, нельзя отрицать связь эмоций и лингвистики. По справедливому замечанию В.И. Шаховского, в любой лингвокультуре многие слова имеют эмоциональную составляющую [159, с. 116].

Однако следует заметить, что относительно место эмоции в языке существовали две противоречивые позиции. Согласно первой, эмоции занимают в лингвистике минимальное место [110, с.231]. Согласно второй

позиции, исходя из того факта, что основная функция языка – это передача актуальной информации, рациональная обработка знаний и их трансляция, то данные процессы не могут быть сопровождаемы без учета чувств, переживаний и желаний (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом). Существует также точка зрения, согласно которой, исследования эмоций являются центральной функцией языка (Ш. Балли, М. Бреаль).

Французский лингвист К. Кербрат-Ореккьони, в частности, отмечает: «несмотря на то, что многие слова во многих языках обладают эмоциональной составляющей, эмоция не входит в семантическую структуру слова, а является своего рода «наростом», ассоциацией, образующей концептуальное ядро» [174, с. 45]. Однако данной точки зрения не придерживаются многие лингвисты, отмечая, что нельзя делить словарный состав языка на эмоциональный и нейтральный, так как каждое слово, будучи дискурсивным, может нести определенный эмоциональный заряд [86, с. 71; 156, с. 186].

Данной позиции придерживаются также такие лингвисты, как: [Ш. Балли, Д. Гоулман, Э. Стивенсон и др.]. Здесь нельзя не согласиться с К. Кербрат-Ореккьони, которая считала, что эмоции можно также выразить телом, эмоции имеют субъективную окраску. Но, продолжает автор, эмоции, язык и тело – это формы демонстрации инстинкта и свойственны животным. Следовательно, рассматривать эмоции как культурный концепт языка не является целесообразным [174, с. 56]. С данной точкой зрения не согласны представители лингвокультурологической и психолингвистической школ (В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.А. Маслова, И.А. Стернин, В.Н. Телия).

В зарубежной лингвистике ушли в далекое прошлое такие заявления, как: «эмоционально-окрашенных слов в языке нет» [162], «эмоции не являются элементом языка» [75, с. 388] и др. С момента зарождения новой лингвистической парадигмы (антропоцентризм), эмоции стали основным объектом исследования в лингвистике, как сам человеческий фактор в языке. Особого внимания заслуживает мнение Ш. Балли, утверждавшего, что всё в

языке движимо эмоциями [24, с. 23]. Именно Ш. Балли провозгласил «первенство» аффективного в структуре языка.

Согласно точке зрения Ш. Балли, эмоции пронизывают все уровни языка [24, с. 124]. В результате проблема языкового и коммуникативного выражения эмоций становится центральной в лингвистической науке.

Немецкие ученые, плодотворно разработавшие проблемы текстологии, отмечали, что каждый художественный текст способен воспроизвести эмоциональную жизнь человека. При этом замечают, что эмоции в художественных произведениях прослеживаются не прямо, а опосредованно, посредством специфических языковых знаков, служащих манифестацией эмоций [179, с. 189].

В настоящее время многие лингвисты связывают эмоции с когнитивными процессами, образом мышления, а также рассматривают эмоции как основные компоненты сознания и мышления. Согласно точке зрения В.И. Шаховского, каждая эмоция обладает своей, свойственной ей характерными знаками, образующих семиотику эмоционального восприятия [160, с. 17]. Эмоции и знания тесно взаимосвязаны: изменение знаний приводит к изменению эмоций.

Значительный интерес в современной лингвистике вызывает позиция, согласно которой «эмоционально нагруженный знак менее лингвистичен» [24, с. 45]. Данное мнение Ш. Балли оспаривает В.И. Шаховский: «Эмотивно-речевые акты, включающие эмотивные знаки, передают вершинные смыслы именно потому, что они являются лингвистическими (например, междометия, эмоциональные наречия, прилагательные-эмотивы и т.д.)» [161, с. 20]. Как отмечает В.И. Шаховский, чтобы убедиться в заявлениях Ш. Балли, нужно провести экспериментальную проверку, исходя из того факта, что выражение эмоции зависит не только от типа дискурса, но и от эмоционального состояния участников общения. С Ш. Балли, продолжает В.И. Шаховский, можно согласиться лишь в том случае, если он разделяет индивидуальное

употребление языкового знака от дискурсивного использования языкового знака [161, с. 24].

Важно заметить, что Р. Якобсон также разграничивает индивидуальное употребление языкового знака и его дискурсивное употребление. При этом Р. Якобсон разделяет языковые знаки на два вида: 1) знаки, выполняющие экспрессивную функцию, например, междометия; 2) языковые знаки, выполняющие репрезентативную функцию [164, с. 67]. Согласно В.И. Шаховскому, такая классификация является условной, исходя из того, что репрезентативный знак в речевых условиях может реализовать эмоциональную функцию [159, с. 45].

Следует заметить, что заслуживает внимания точка зрения Р. Якобсона, который справедливо отмечал, что речевой акт необходим не только при описании, повествований, посредством речи мы можем выразить свои желания, предписания, которые невозможны без эмоциональных составляющих [164, с.67]. Тот факт, что семантическая структура слова включает не только эмоциональный компонент, но и рациональный, в настоящее время признается многими лингвистами и они соглашались с тем, что разные виды дискурса (бытовой, художественный и др.) задаются эмоциональным выбором коммуниканта.

Также установлено, что эмоции меняются во времени – каждый возрастной период характеризуется своими эмоциональными особенностями. Как часть естественного развития человеческой расы, эмоции универсальны и свойственны всем культурам. Однако нормы реализации эмоций являются нестабильными и различны как в разных культурах, так и в разных эпохах. Следовательно, языковые и неязыковые средства выражения эмоций в разных культурах и эпохах различны. Так, например, в XVIII в. западная литература характеризовалась тем, что было запрещено говорить или печатать инвективы, «носовой платок» был символом «горя», «разлуки» [158, с. 118].

Было установлено, что эмоции обладают разными формами физиологической эстериоризации, например: **смех, слезы, тремор** и др.:

Tant de larmes le surprenaient, une honte lui venait de sa rudesse; et il se tut, embarrassé, il la laissa se calmer un peu; ensuite, il recommença, d'une voix très douce: «Voyons, puisque ça vous contrarie, n'en parlons plus (242, с. 56). – Ее слезы тронули его. Ему стало стыдно своей грубости, и он смущенно замолчал, давая ей время успокоиться, потом снова начал мягким голосом: - Ну, раз это вам так неприятно, не будем об этом говорить... Mais, Eau-douce, féroce comme il l'est dans le combat, impassible comme il le semble parmi les feuilles, – ici Pathfinder appuya légèrement un doigt sur le bras de son compagnon, – je l'ai vu verser des larmes comme une pluie (219, с. 45). – Но, Пресная Вода, как ни свирепо горят они в бою и как ни тускло мерцают, выглядывая из-за листьев, — тут Следопыт легонько, но выразительно коснулся пальцем рукава собеседника, — мне случалось видеть, как из них градом катились слезы. Il répétait d'une voix très douce: «Tenez, tenez, je souffre trop», et tout à coup, gagnée par cette douleur, par la contagion des larmes, elle sanglota, les nerfs affolés, les bras frémissants, prêts à s'ouvrir (229, с. 34). – Она повторяла очень нежным голосом: «Держи, держи, я слишком страдаю и внезапно залилась слезами, она зарыдала, нервы ее были расстроены, руки дрожали, готовые раскрыться. – Bien... c'est déjà mieux, n'est-ce pas? dit Coconnas en se retournant vers La Mole, qui fit de la tête un signe affirmatif (220, с. 23). – Вот-вот... Так-то лучше, не правда ли? – спросил Коконнас, оборачиваясь к Ла Молю, который утвердительно кивнул головой. Elle sortit de la torpeur où la plongeait la vue de la malle, toute pleine du parfum gâté de son ancien amour; et elle montra les verres aux trois hommes (242, с. 56). – Она вышла из оцепенения, в которое ее поверг вид сундука, наполненного неприятным ароматом ее прежней любви; и она показала бокалы троим мужчинам.

Приведем примеры на материале таджикского языка:

*Вагарна чаро? Аз бозе ки ҳақиқати ҳолро фаҳмидам, ҳамин зан аҳъён-аҳъён ба хобам даромада, Фирӯзҷон, писарам, мегӯяд. Гоҳо лабонаш пир-пир парида, **гирья** мекунад. Либосаи ҳама вақт сафед...»*

Фирӯз ҳайрон шуд, ки чаро вай ба ӯ наъл дод (207). – Почему? С того момента, как узнал истинное положение «вещей», эта женщина иногда приходит ко мне во сне: «Дорогой Фируз. – Иногда ее губы дрожат и она плачет. И постоянно в белой одежде.

*Умуман порсол боз Қамчин пай мебурд, ки Хадича ба вай меҳрубон аст. Ҳар гоҳ ки дар кори калхоз бошанд, ба гаппарони якта-нимта бадгумон дар **ханда** ҷавоб гардонда, илоҷе меёфт аз Қамчин дур наафтад. Пас ба хоҳиши худӣ ӯ дар миёни онҳо амале ба монанди мусобиқа оғоз меёфт – ку бинед, кӣ чанд бағал алаф медаравад, кӣ чӣ қадар бел мезанад, кӣ чанд сатил ангур меканад...(207). – Вообще, в прошлом году Камчин заметил, что Хадиджа была к нему добра. Всякий раз, когда они были на работе в колхозе, на разговоры о подозреваемом они отвечали смехом и находили способ держаться подальше от Камчина. Тогда, по его же просьбе, среди них началась акция вроде «соревнования - посмотрите, кто сколько тюков травы накосит, кто сколько сгребет, кто сколько ведер винограда наберет...*

Однако, несмотря на различные средства реализации эмоций в разных лингвокультурах, ученые отмечают семантическую универсалию – лексику эмоций всех языков свойственна дихотомия оценочного знака. Эмотивная лексика с данной позиции обнаруживает во всех языках эмотивы с отрицательной коннотации, превосходящую в количественном отношении эмотивы с положительной коннотацией. Данное положение позволяет констатировать, что эмоциональная система разных лингвокультур универсальна: негативность превалирует в лексической системе языков, уступая позитивности, как в употреблении, так и в синтагматическом комбинировании (*Heureux et triste – радость и печаль*).

*Et la vie me reprit, avec ses hauts, ses bas, ses changements de visage, ses liaisons finies aussitôt que commencées... et ses sautes brusques des intérieurs opulents dans la rue... comme toujours (234, с. 23). – И я попала в водоворот жизни с ее **радостями и печальми**, с этой постоянной сменой лиц, новыми знакомыми, с неожиданными вылетаниями на улицу из роскошных домов... как всегда...*

J'y veux partager vos peines et vos joies, reprit Consuelo, et je ne désire pas d'autre satisfaction que d'y être associée par votre confiance et votre amitié (241. с. 156). – Я хочу разделить с вами ваши печали и радости, - продолжала Консуэло, - и не желаю другого удовлетворения, кроме как быть связанной с вашим доверием и дружбой.

Сходство также проявляется в том, что в разных языковых культурах положительные эмоции реализуются более однообразно и диффузно, чем отрицательные эмоции. Отрицательные эмоции характеризуются конкретностью, многообразием и отчетливостью [158, с. 119].

Приведем примеры:

Agenouillé devant un grand Christ en carton peint, pleurant les larmes qu'il avait laissées sur ses joues, comme tant d'autres joies, le prêtre murmura: - mon Dieu, ce n'est pas vrai que tu es impitoyable (243, с. 45). – Стоя на коленях перед большим расписным картонным Христом, плача слезами, которые он пускал по щекам, как и многие другие радости, священник шептал: - О Боже, неправда, что ты безжалостен.

*Cette modeste épigramme redoubla sa fureur, elle trouva des larmes de dépit (217, с. 56). – Эта скромная насмешка удвоила ее **ярость**; даже слезы выступили у нее на глазах.*

Leur temple de Garizim, désigné par Moïse pour être le centre d'Israël, n'existait plus depuis le roi Hyrcan; et celui de Jérusalem les mettait dans la fureur d'un outrage et d'une injustice permanente (222, с. 23) – Их храм в Гаризиме, названного Моисеем центром Израиля, больше не существовало со времен царя

Гиркана; а храм в Иерусалиме привел их в ярость из-за постоянного возмущения и несправедливости.

Основные теоретические подходы к изучению эмоций в лингвистике XX века в настоящее время получают дальнейшее развитие и обоснование. В фокусе внимания современной лингвистики – динамика языкового кода, его развитие, реализация скрытых возможностей; проблемы, связанные с эмоциональным своеобразием речи в различных условиях коммуникации. Современная эмотиология также исследует механизмы распознавания чужих эмоций и контролирования собственных эмоций в процессе высказывания; процессы декодирования как личностных, так и эмоциональных доминант чужих текстов, отражающих иные концептосферы и другие культуры.

1.2. Природа эмоций и их классификационные признаки

Исследования природы эмоций показали, что человек способен выражать своё эмоциональное отношение к окружающей действительности и к себе. Эмотивность свойственна любому естественному языку и каждый язык имеет свои специфические эмотивные средства выражения, которые входят в эмотивную структуру его культурно-языкового кода.

Следует заметить, что эмотивность свойственна всем естественным языкам, несмотря на определенное различие. Категория эмотивности характерна всем языковым единицам на всех уровнях: от фонетического до стилистического, включая текстовой и межтекстовые уровни.

В коллективной монографии «Эмотивный код и его реализация» (2003) обобщаются главные выводы анализа эмоции сферы человека.

Фокус исследования перемещен не только на речевую коммуникацию, но и на неречевую, которая опосредована эмоциями. Речевая и неречевая коммуникация, согласно авторам, является не только предметом семантики и формы, они выступают также способом эмоционального мировидения, отражающиеся в эмотивном коде определенного языка. Авторы также

отмечают, что нельзя противопоставить рациональное и эмоциональное интеллектуальному, основываясь на том, что значение слова, а также синтаксические депозиты эмоционально опосредованы.

Также отмечается, что процессы функционирования слов разных частей речи в речевых актах эмоционально мотивированны.

Согласно точке зрения психологов, все уровни языка эмотивны, нет слов эмотивно нейтральных. Отсюда, любое высказывание эмотивно маркировано: эксплицитно или имплицитно, исходя из конкретной ситуации общения. В зависимости от определенной ситуации высказывания, они могут быть репрезентированы эксплицитно и имплицитно. Совокупность вербем выступает доказательством эмотивного кода в каждом языке. Языковой процесс опосредования способствует трансформированию эмоциональности, являющееся психическим явлением в эмотивность, представляющее собой языковое явление. Следовательно, эмотивность – это не аномалия или регрессия языковых норм, а сама природа языка. Описать языковую личность или эмотивно-дискурсивные контексты человеческого поведения без эмотивности невозможно.

Исходя из того факта, что тот или иной лингвосоциум, согласно национально-специфической особенности, а также культурным нормам, выражает различные эмоции, когнитологи рассматривают эмоциональную природу человека как психологическую универсалию [172, с. 223].

Когнитивная и эмотивно-речевая деятельность «Я» говорящий включает следующие аспекты: эмотивную фасцинацию языка, эмотивную интерпретацию лингвокультуры, глобализацию правил эмотивного общения и смысловую деривацию. Этим объясняется важность его эмоционального дейксиса, который эксплицируется при помощи дейктивов: интенцией, тональностью, модальностью и направленностью, варьирующие картину мира «Я». Трансформация языковой картины мира связана с адресатом, объектом, субъектом и хронотопом. Разнообразие эмотивных смысловых валентностей

языковых и речевых единиц, а также плодотворность комбинирования эмотивных смыслов в речевом акте обусловлено огромным количеством варьирующих стимулов. Следовательно, лингвистическое исследование эмоций невозможно без антропоцентрического подхода. При данном подходе эмоциональность получает ситуативно-личностное звучание.

1. Эмотивности свойственны две парадигмы: внутрисловная и межсловная. Внутрисловная парадигма представляет собой следующий процесс: каждой эмотивной единице свойственна не только эмотивная семантика, эмотивная коннотация, но также эмотивный потенциал в том или ином варианте. При этом следует заметить, что если один из элементов отсутствует, то в семантическую структуру обязательно входит эмоциональная составляющая или экспрессивный компонент, либо обе составляющие одновременно. Данная парадигма не обладает обратным соотношением: то есть оценка и экспрессия могут не иметь эмотивного составляющего. Основываясь на том, какая составляющая в семантической структуре слова выступает главным, в лингвистике дифференцируются следующие эмотивные модели: экспрессивно-эмотивно-оценочная, эмотивно-экспрессивно-оценочная и оценочно-эмотивно-экспрессивная. Данная модель строится следующим образом. Оценочная составляющая может быть не только автосемантической или экспрессивной, но и эмотивной, если выступает основным компонентом в семантической структуре слова.

2. Экспрессивная составляющая также может быть автосемантической, экспрессивно-оценочной или эмотивной, если также выступает основным компонентом.

3. Эмотивная составляющая, если является основной, всегда синсемантична, так как сочетается не только с оценочным компонентом, но и экспрессивным.

Проиллюстрируем данные положения примерами на материале таджикского и французского языков:

- **Бачам**, Нозимино аз туфайли занаш аз кор пеш кардӣ, мегӯянд рост? - пурсид аз Мавлонзода холаи Зевармоҳ. – Ҳа, хола. – Эҳа, кори нохуб кардӣ **бачам**, одамҳо зан сар медиҳанд, зан мегиранд, ин таомул аз як як қадӣ дунё омадааст... Ина, худӣ ман ҳам аз шӯям баромада будам. О, хайр худат як фикр бикун, хӯроке, ки нафорад, ба даҳонат маза надиҳад, чӣ гуна мехӯрияш? Баъд, **бачам**, як чизи дигарро ба ҳисоб бигир, ки пои ҳеҷ зану шӯйро ба якдигар баста намондаанд.... (210, с. 62). – Сынoк, Нозим ты уволил из-за жены? – спросила у Мавлонзаде тетя Зевармах. – Да, тетя. – Некрасиво поступил. Люди женятся, разводятся, это прописная истина. Ведь я тоже развелась с мужем. Сам подумай, можно есть то, что тебе не нравится? Сынoк, также запомни, нельзя держать в привязи мужа и жену... Дар остонаи тарабхона Шариф Шараф истод. – Чӣ шуд? – **хавотиромез** пурсид додситон. Вай ба ҷои ҷавоб ҳафт қадам пас рафта, ба навиштаҷоти тарабхона зеҳн монд. Додситон аввал эътино ба рафтори ӯ накард, аммо баъд чӣ фикре ба сараш зад, ки қафо гашта, наздаш омад. Чанде бетафовут ба ӯ нигарист, **неиҳанде** гирди лабонаш нақш баст. Ин қадар бодикқат зеҳн мондӣ, хайр аст? Ӯ эътино надода баланд хонд: - Тарабхонаи “келес” – Дар деҳа ин хел чизҳо нест. Зебо-а? Ба серӣ тамошо кун. Дар хонаи дили ӯ **аламолуд** нишаст (213, с. 30). – Шариф Шараф останoвился на пороге кафе. – Что случилось? Спросил тревожно судья. Вместо ответа он отошел на несколько шагов и стал пристально смотреть на надписи кафе. Судья вначале не обратил внимание на его поведение, но вдруг его осенила странная мысль, он подошел к нему. Равнодушно посмотрел на него и сказал с ухмылкой. – Странно, что ты так странно смотришь на надписи. Не обращая внимание, громко сказал: кафе “Келес”. В кишлаке нт таких мест. Наслаждайся. Ему вдруг стало горестно.

Ce vieux coquin de Porpora nous donne de toutes nouvelles bases qui traînent aux intersections! (240, с. 23). – Этот старый плут из Порпоры дает нам совершенно новые основания, которые болтаются на перекрестках!.

Le serpent que tu es, s'écria la Corella, où tu as sucé le poison de la flatterie que ta langue et tes yeux dégagent? (241, с. 69). – Змея, что ты, - воскликнула Ла Корилла, - где ты высосал яд лести, который источают твой язык и твои глаза?

В настоящее время в семантике одним из перспективных направлений является исследование связей лексических единиц относительно друг друга. При этом отмечается, что исследование использования лексических единиц в различных текстах может выявить разные трансформации в семантике лексических единиц, при этом отчетливо виден механизм функционирования конкретного языка в его непосредственной репрезентации при номинации разных сторон денотата, которые «выделяет» сознание коммуниканта, не входящие в семантическую структуру слова при его первичной номинации. Спецификой исследований такого рода является то, что за основу берется понятийная сема, выступающая не только фактором динамичности, но и адаптивности лексической системы определенного языка [160, с. 134].

Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной литературы:

Elle était allongée, trop grande, souple comme un serpent, avec des rondeurs douces, une extension voluptueuse des lignes, toute la grâce d'un corps naissant encore rempli d'enfance, déjà gonflé à la puberté (243, с. 34). – Она лежала, слишком большая, гибкая, как змея, с мягкими округлостями, сладострастным расширением линий, всем изяществом зарождающегося тела, еще наполненного детством.

Quand j'ai ouvert les yeux, il faisait noir; Mon pauvre enfant, allongé sur moi, se tordait de sanglots au point de me briser le cœur, il ne restait que le sang de mon mari sur la route et les traces des roues de la voiture qui l'avait emmené (240, с. 167). – Когда я открыла глаза, было темно; мое бедное дитя, лежащее на мне, корчилось от рыданий так, что разрывалось сердце, на дороге не осталось ничего, кроме крови моего мужа и следов колес машины, которая его увезла.

À ce moment-là, elle tremblait de nouveau plus fort qu'elle-même ; c'était ce qui l'effrayait: la conscience de son impuissance au milieu du silence riant de ce salon, la peur d'éclater soudainement avec des mots passionnés (243, с. 123) – В эту минуту она снова дрожала сильнее, чем Жульен; это было то, что ее пугало: сознание своей беспомощности среди смеющейся тишины этой гостиной, страх внезапно разразиться страстными словами.

В последние годы особый интерес вызывает у лингвистов семантическая структура слова. Разработаны новые методы анализа структуры слова. Если одни ученые при анализе семантики слова за основу берут аналитический метод и выводят семантические элементы, исходя из сравнения лексических единиц, другие ученые придерживаются синтетического метода, с учетом априорно установленных семантических категорий, определяющих семантическую структуру слов [48, с. 178-183].

Следует заметить, что различные методы, которые используются при анализе семантики слов, имеют общие черты: элементом лексической системы любого языка является семантика слова – не речь и не конкретная речевая репрезентация лексической единицы. Однако, как показал анализ языкового материала, при исследовании эмоции необходимо учитывать все три стороны: семантическую структуру слова, его реализацию в речи и конкретную репрезентацию, в совокупности, показывающие связь между сигнификатом и денотатом.

Анализ семантической структуры слова как языкового элемента может ограничиваться лишь отношением значения, то есть отношением означающего к сигнификату. Однако анализ семантической структуры слова в речи на первый план выступают отношения между знаком и денотатом. Данные отношения непостоянны, так как при выражении мысли один и тот же денотат может подводиться под самые различные понятия и, как результат, получить разное вербальное обозначение.

Общеизвестно, что контекст – это необходимое условие снятия языковой многозначности лексических единиц. Здесь необходимо затронуть вопрос языковой многозначности слова, представляющий собой результат взаимодействия семантики слова с разными контекстами. То есть дистрибуцией, которая способствует или препятствует репрезентации разных языковых потенций лексических единиц. Такая трактовка речевой многозначности позволяет рассматривать ее не как аномалия, которая снимается контекстом, а как лингвистический факт, входящий в систему речевой коммуникации.

Рассмотрим взаимообусловленность процесса реализации речевого значения многозначных лексических единиц с изменением их семантического потенциала и определим влияние контекста на семантическую структуру слов.

Discrètement, ses émotions sont devenues plus profondes et la peur de perdre ces plaisirs étranges lui a donné envie de les prolonger (241, с. 234). – Незаметно его эмоции стали глубже, и страх потерять эти странные наслаждения заставил его желать продлить их.

– *Comment, vous quitteriez mon service, monsieur? dit Louis avec un mouvement qui décelait plus que de la surprise* (224, с. 347). – Как! Вы хотите оставить службу? – спросил Людовик голосом, выражавшим не только удивление.

Sa surprise, sa franchise et sa confiance ont immédiatement désarmé la bonne cavalerie, qui, de toute sa vie, n'a pas pu résister à l'expression de la franchise ou de l'affection sincère (241, с. 189). – Его удивление, его откровенность и уверенность сразу обезоружили добрую каноницу, которая за всю свою жизнь не смогла устоять перед выражением откровенности или сердечной ласки.

Moi-même, quand je voulus savoir quel si grand plaisir j'éprouvais à aller chez Mme de Montmorency, je fus un peu désappointé (233, с. 45). – Постаравшись осознать, почему мне доставляют такое большое удовольствие поездки к герцогине де Монморанси, я тоже испытал разочарование.

Как видно из приведенных выше предложений, контексту принадлежить важная роль в формировании и выявлении различных значений слова.

Следующая парадигматика – межсловная эмотивная. Специфика данной парадигмы следующая:

1. Каждое эмотивное слово имеет неэмотивный коррелят;
2. Языковые единицы дескриптивной семантики вступают в системные связи с эмотивными единицами через синонимические ряды, антонимические ряды, лексико-семантические группы и лексико-семантические поля. В данных полях эмотивные единицы образуют его периферию;
3. Возможно выделение лексико-семантического поля эмотивов.

Проиллюстрируем данные положения на примерах:

Le vieux finaud de Tabaret gardait la mine contrite d'un sacristain surpris à faire gras le vendredi, mais, au fond, il riait, il jubilait (223, с. 12). – Старый **хитрец** скроил сокрушённую мину, словно пономарь, уличённый в том, что ест скоромное в пятницу, но в душе он веселился, он торжествовал.

Le petit, pourtant, lui parut drôle, tout en blanc comme une fille qui va communier, le museau rusé et gourmand (243, с.67). – Однако мальчишка в белой, как у причастницы, одежде, с мордочкой **хитреца** и лакомки, показался ей занятным.

*Sors, **compère** du diable, me dit un maréchal des logis aux épaisses moustaches.* – Выходи, бесов кум! - сказал мне усастьный вахмистр.

*C'est un beau travail que tu as fait là, mon **compère** ! s'écria Robert ébloui* (224, с. 90). – Ты, я вижу, куманек, здорово потрудился! - восхищенно крикнул Робер.

Как мы уже отмечали, текст представляет собой результат следующих процессов: во-первых, необходимо выбрать адекватную лексическую единицу из данной парадигмы; во-вторых, учитывать связь данной лексической единицы с другими единицами. Следовательно, основным экспрессивным средством в тексте выступает речевая многозначность слова. Речевую многозначность

также рассматривают как один из способов передачи «информации второго ряда», выступающей дополнительной к предметно-логической [72, с.145]. Под речевой многозначностью слова мы понимаем совмещение в лексической единице нескольких значений одновременно в художественном тексте. Такое совмещение значений слов в художественном тексте дает возможность сказать больше, чем в обычном тексте.

Покажем на конкретных примерах речевую многозначность эмоционального слова, которая в художественном тексте выступает средством определенного эффекта.

Où que vous soyez dans une Europe civilisée, si vous êtes pauvre et sans défense, si vous avez du pouvoir ou du talent, vous êtes trompé ou maltraité par ces personnes (240, с. 89). – В каком бы месте цивилизованной Европы вы ни ступили, если вы бедны и беззащитны, если у вас есть какая-то сила или талант, вы подвергаетесь обману или насилию со стороны этих людей.

J'appellerai le jardinier, et ses deux garçons et moi nous occuperons facilement de ces coquins qui n'ont pu pénétrer que par les murs; car j'ai moi-même fermé toutes les portes (241, с. 190). – Я позвоню садовнику, и мы с его двумя мальчиками легко разберемся с этими негодяями, которые смогли проникнуть только через стены; ведь я сам запер все двери.

Quoi! cet homme est assez habile pour ne laisser que des indices si faibles qu'ils échappent à l'œil exercé de Gévrol, et vous voulez qu'il ait comme à plaisir préparé sa perte en disparaissant une nuit entière! (223, с.45). – Вы хотите, чтобы **ловкач**, оставивший настолько незаметные следы, что они ускользнули даже от наметанного глаза Жевроля, запросто обрёл себя на провал, исчезнув на целую ночь!

Il était revenu scandalisé d'une représentation de Gluck: ces ingénieux Parisiens ne s'étaient-ils pas avisés de maquiller le terrible vieux! (241, с. 40). – Однажды он вернулся с постановки оперы Глюка возмущенный: эти **ловкачи-французы** ухитрились поддурманить грозного старца!

Quand je lui eus compté l'argent : «Cézanne se croit malin, me dit-il, mais il s'est foutu dedans quand il m'a fait cadeau de ça» (241, с. 208). - Когда я отсчитал ему деньги, он сказал: — Сезанн воображает себя ловкачом, но он здорово сел в калошу, сделав мне этот подарок!

Внутрисловная и межсловная эмотивные парадигмы свидетельствуют об эмоциональном виде коммуникации, как одной из основных форм коммуникации. Именно в эмоциональном типе коммуникации наиболее чётко проявляется субъективный фактор в языке.

Отсутствие в лингвистической науке универсальной классификации эмоций объясняется тем, что эмоции – это сложное, многоаспектное явление, характеризующееся не только устойчивостью / неопределенностью, но и фразденностью и приобретенностью [158, с. 189].

Проявление различных эмоций связывают не только с опытом, но и воспитанием и индивидуальными особенностями человека. Речевой фактор является основным фактором, так как категории эмоции тесно с ним связаны.

Среди всех классификаций эмоций, известным является типология К. Изарда. С учетом следующих критериев, К. Изард выделяет десять основных базовых эмоций (*гнев, презрение, отвращение, дистресс (горе-страдание), страх, вину, интерес, радость, стыд, удивление*).

Основные критерии:

1. Базовые эмоции характеризуются четким и специфическим нервным субстратом;
2. Базовые эмоции могут проявляться при помощи выразительных и специфических конфигураций мышечных движений лица;
3. Базовые эмоции влекут за собой определенные специфические переживания, осознаваемые индивидом;
4. Базовые эмоции являются результатом эволюционно-биологических процессов;

5. Базовые эмоции оказывают доминирующее и организующее влияние на человека, служат его адаптации [81].

В современной психологии существует следующая классификация эмоций, с учетом психологических потребностей индивида в эмоциях [67, с 23]:

1. Альтруистические эмоции. Альтруизм как форма эмоционального поведения. Данный вид эмоции представляет собой содействие в помощи, покровительстве другим людям.

Примеры эмоций:

Ташвиш – парешонӣ, ошуфтагӣ, изтироб, беоромӣ, ҳаяҷон – рассеянный, обеспокоянный, встревоженный:

Ё ба ташвишу ғусса розӣ шав.

Ё чигарбанд пеши зог бинех. –

Либо согласись на беспокойство и тревогу.

Либо смирись.

Фалочарам (умарои давлат) аз давлат ҳаззи вофӣ набурданд ва худро ба ташвиш ва халқро дар азоб андозанд (199, с. 345). – Правители подвергли опасности как государство, так и народ.

Après le dîner, elle s'approcha de la fenêtre avec une certaine excitation, mais l'ingénieur n'était plus dans la rue. Elle a cessé d'y penser. После ужина она с некоторым волнением подошла к окну, но инженера на улице уже не было. Она перестала думать об этом.

Donnez-le aux pauvres, cela apportera le bonheur à notre pauvre Angèle (241, с. 56). – Раздайте его бедным, это принесет счастье нашей бедной Анжель.

2. Коммуникативная эмоция, возникающая как необходимость в общении. Следует заметить, что не любая эмоция, которая возникает при общении, можно рассматривать как коммуникативную эмоцию. Коммуникативными являются те эмоции, возникающие как реакция на удовлетворение / неудовлетворение.

*Имрӯз равшан аст, ки арзиши асосӣ ҳаёт ва амнияти шахрвандон аст. Ханӯз маълум нест, ки барои офаридани вакцина ва доруҳо чӣ қадар вақт лозим мешавад, вирус чӣ гуна таъсир мерасонад, оё ба он иммунитет пайдо мешавад, аммо як чиз равшан аст: бо оқибатҳои паҳншавии коронавирус, аз ҷумла дар ҷанбаи таҳкими арзишҳои оилавӣ, фалсафаи гуманистӣ ҳамаҷониба мубориза бояд бурд. Дар ҳоле ки бисёр лоиҳаҳои мақсаднок ба дастгирии ҳамаҷонибаи ҷавонон — аз фиристодан ба таҳсил ба донишгоҳҳои хориҷӣ сар карда то бо кор таъминкунӣ нигаронда шудаанд — бояд ба бозгашти он ба давлат барои **таваҷҷуҳ ва ғамхори** хоса эътибор дод. Инро метавон дар корҳои оид ба баланд бардоштани масъулияти шахрвандӣ ва иҷтимоии ҷавонон баён кард. Бо назардошти он, ки донишҷӯён бо даъвати волонтерӣ дар call-маркази Маркази ягонаи ҳамоҳангсозӣ бо чӣ гуна дилгармӣ дар ҷамъоварӣ ва расонидани кӯмаки башардӯстона ба собиқадорон, пиронсолон, оилаҳои камбизоат, ки дар карантин ниёз ба дастгирӣ доштанд, кор карданд, татбиқи лоиҳаҳои иҷтимоӣ ва ҳавасмандкунӣ дар сатҳи давлатӣ мувофиқи мақсад мебошад (207).*

— Сегодня ясно, что главная ценность — это жизнь и безопасность граждан. Пока неизвестно, сколько времени потребуется на создание вакцины и лекарств, как вирус будет действовать, выработается ли к нему иммунитет, но ясно одно: с последствиями распространения коронавируса, в том числе и в аспекте укрепления семейных ценностей, необходимо всесторонне бороться гуманистической философией. В то время как многие целевые проекты сосредоточены на всесторонней поддержке молодежи — от отправки ее на учебу в зарубежные университеты до трудоустройства — следует отдать должное ее возвращению в государство за внимание и заботу. Это может быть выражено в работах по повышению гражданской и социальной ответственности молодежи. Учитывая, что студенты работали с волонтерами в call-центре в унифицированном координационном центре, чтобы с энтузиазмом собирать и оказывать гуманитарную помощь ветеранам, пожилым людям, малообеспеченным семьям, которые нуждались в

поддержке на карантине, реализация социальных проектов и поощрений на государственном уровне представляется целесообразной.

Si l'humanité et la compassion m'ont donné le courage de venir ici, l'empathie, le respect particulier de vos mérites me donnent aussi le courage et le droit de vous parler comme je le fais (241, с. 156). – Если человечность и сострадание дали мне смелость приехать сюда, сочувствие, особое уважение к вашим достоинствам также дают мне смелость и право говорить с вами так, как я это делаю.

3. Глорическая эмоция. Данный вид возникает на основе потребности в самоутверждении.

Гурур – фирефтан, кибру калонӣ, тақаббур, ҳавобаландӣ, болидан ба чизи ботил – гордость, высокомерие; проявление высокомерия:

Гурури ҳусн иҷозат магар надод, эй гул,

Ки нурсише накунӣ андалеби шайдоро. – Гордость красоты не позволили тебе, цветок, позаботиться о страстно влюбленном.

Мекашад сарриштаи кори гурур охир ба аҷз

Гар ҳама имрӯз шамиер аст, фардо сӯзан аст (199, с. 659). – Высокомерие приведет к бессилию, сегодня все воины, завтра ничто (игла).

Dites donc, Brichot, qu'est-ce que vous dites de notre petite escapade? demanda le docteur avec une certaine fierté (226, с. 67). – Нет, в самом деле, Бришо, как вам нравится наше приключеньице? – не без **чувства гордости** спросил доктор.

Par pudeur de souvenir et par fierté, elle ne pouvait se résoudre à le revoir (235, с. 49). – Из **чувства стыда** и **гордости** она не могла решиться снова встретиться с ним.

Mais vous aimez nous tromper, et nous vous laissons faire, pauvres sottes que nous sommes, parce que vos tromperies sont encore des hommages rendus à la supériorité de nos sentiments, qui sont tout pureté (217, с. 67). – Но вам нравится обманывать нас, а мы, бедные дуручки, уступаем вам, потому что, обманывая

нас, вы признаете тем самым **превосходство** наших **чувств**, чистых и непорочных.

4. Праксическая эмоция. Этот вид эмоции связан с деятельностью; успешность / неуспешность.

*Ў шинохт ўро, ки ў худро шинохт. Дар рисолаи «Даҳ қоидаи сӯфия» Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ шартҳои асосии иртиботи соликро бо Худованд баён намуда, аз ҷумла тоату ибодат, тазкияву поксозии нафс, тафсияву софии дилу рӯҳ, тавбаву зуҳд, **таваккулу қаноат, зикру узлат, сабру тоқат** ва мувоҷибаву ризоро муҳим медонад. Дар «Рисолаи зикрия» низ Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ барои Худошиносӣ, ки ҳадафи аслии солики роҳи тариқат аст, пеш аз ҳама тарки худпарастиро зарур мешуморад: «То аз худпарастӣ фориғ нашавӣ, Худопараст наметавонӣ буд ва то банда нашавӣ, озодӣ наёбӣ, то пушт ба ҳар ду олам нақунӣ, ба одаму одамият нарасӣ ва то аз худ нагурезӣ, ба Худо нарасӣ ва то худро фидо нақунӣ, мақбули он Ҳазрат нашавӣ» (207). – Он узнал его, и он узнал самого себя. В "десяти правилах суфизма" Мир Сайид Али Хамадани излагает основные условия общения Салиха с Аллахом, включая послушание, поклонение, очищение души, толкование и чистоту сердца и души, покаяние и раскаяние, доверие и довольство, поминание Аллаха, терпение и снисходительность.*

В Трактате о зикре «Мир Сайид Али Хамадани (да будет доволен им Аллах) также указывал на необходимость отказа от эгоизма прежде всего для того, чтобы знать истинную цель пути тариката: "пока ты не освободишься от эгоизма, ты не сможешь быть поклонником Аллаха, и пока ты не станешь рабом, ты не обрешь свободу, и пока ты не повернешься спиной к обоим мирам, ты не достигнешь человека и человечества, и пока ты не убежишь от самого себя, ты не достигнешь Аллаха, и пока ты не пожертвуешь собой, ты не будешь принят".

“Très actif aux Etats-Unis vers 1920, ce mouvement a apporté à de nombreux écrivains isolés, situés en dehors des circuits de l’édition, la satisfaction de voir leur

*production imprimée, distribuée et” (208). – Очень активное к 1929 году в Соединенных Штатах, это движение дало многим писателям, стоявшим вне, за пределами издательских кругов, **удовлетворение** видеть свою продукцию напечатанной, распространяемой и читаемой.*

5. Пугническая эмоция. Эта эмоция возникает в результате преодоления опасности.

Бим – тарсу ваҳм, хавф – страх испуг, опасение:

Зи бими ҳалокат ҳама марду зан

Намуданд тадбири тарки ватан

Опасаясь гибели всех мужчин и женщин

Решили покинуть страну.

Бими ҷон – хавфи марг – боязнь за жизнь:

Шукӯҳи тоҷи султонӣ, ки бими ҷон дар ӯ дарҷ аст.

Кулоҳи дилкаш аст, аммо ба тарки сар намеарзад (199, с. 184).

Даже тот, кто на троне сидит, вдуше страх пребывает,

Трон прекрасен, не стоит терять голову.

*Le jeune homme, animé par le danger, eut le bonheur de trouver des réponses admirables (208). – Молодой дипломат, возбужденный **чувством опасности**, находил великолепные ответы.*

*Au chagrin de la séparation se mêlaient en moi des espérances vagues mais douces, l'attente impatiente des dangers et le sentiment d'une noble ambition (208). – С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание **опасностей**, и **чувства** благородного честолюбия.*

6. Романтические эмоции. Данный вид эмоции представляет стремление ко всему необычному, таинственному. Таинственность, будучи «романтической эмоцией», появляется у нас тогда, когда мы ощущаем свою включенность в число объектов, получающие действие загадочного фактора, особенно, когда ему приписывают сознательную волю, одухотворенность.

Ҳаяҷон – ошӯфтагӣ, изтироб, ҷӯшу хуруш, оташиншавӣ, барангехтагӣ – волнение, замешательство, возбуждение.

La première excitation est revenue; et il s'approchait, déterminé à faire tout son possible pour cacher à nouveau, sous le couvert de l'insouciance et de l'espièglerie, la confusion mortelle qui s'élevait dans son âme (241, с. 83). – Первое волнение вернулось; и он приближался, полный решимости приложить все усилия, чтобы снова скрыть под видом беззаботности и игривости смертельное смятение, поднявшееся в его душе.

7. Гностическая эмоция (конкретные переживания, например, удивление).

Таачҷуб – ҳайрон шудан; ҳайронӣ, шигифт, ҳайрат – удивление, изумление :

Меғуфтанду меҳандиданд. Баччатар ки будам **таачҷуб мекардам**. Чун бобо аз назари қиёфа қашангтар ва аз назари синнӣ чанд сол ҳам ҷавонтар аз До буд (207). – И говорили они, смеясь, Я удивлялась, когда была моложе. Вот дедушка был сильнее и на несколько лет моложе его по возрасту.

Or, dès que fut ouverte la grande porte donnant sur une vaste cour arabe, dominée par une galerie à colonnes qu'abrité une terrasse, ma surprise et mon émotion furent tels que je ne songeai plus guère à ce qui m'avait fait entrer là (241, с. 106). – Как только передо мною открылись ворота, ведущие в обширный арабский двор, над которым, под защитой плоской крыши, возвышается галерея с колоннадой, мое удивление и волнение так возросли, что я позабыл о цели своего прихода.

8. Эстетическая эмоция. Класс эстетических чувств выделен давно. Однако многие вопросы относительно природы данной эмоции до сих остаются открытыми. Сложность заключается в том, что эстетические отношения к изображаемому реализуются при помощи других чувств: таких как: радость, гнев, отвращение и др.

Ин анъана ва амал дар асри XIX вобаста ба шароити мусоид ва сатҳи маърифату ҷаҳонбинии муаллифон дар орзуи сафари ҳаҷ ва «тамошои ақсои олам» анҷом меёфт. Ҳам дар адабиёти арман ва ҳам дар адабиёти тоҷик анъанави ёддошт, рӯзнома ва сафарномавасӣ бар анъанаҳои дерини ин адабиётҳои қадим бунёд ёфта, бо имтиёзи андаке пештару бештари муаллифони огоҳи арман ва ба туфайли таъсиси нашрия ва китобҳои ҷониби арманизабон дар соҳири ғӯшаҳои арманнишини олам давом карда, дар саҳифаҳои рангини рӯзномаҳои муаллифони арман хати сайр ва нақши сафари онҳо аз қисмату сачияи халқҳо (масалан тоҷикон) ва аз шаҳру билод ва шаҳрҳои Эрони бузург, амсоли Табриз, Шерозу Исфаҳон ва Мовароуннаҳр ба мисли Самарқанду Бухоро ёд мешавад (207) –

Эта традиция и практика в XIX веке, в зависимости от благоприятных условий и уровня образования и мировоззрения авторов, заканчивались мечтой о паломничестве и «наблюдении за концами света». Как в армянской, так и в таджикской литературе традиция мемуаров, газет и путевых заметок основывалась на поздних традициях этих древних литератур, с привилегией немногочисленных более ранних и наиболее известных армянских авторов, и благодаря созданию армянских изданий и печатных книг в армянских уголках мира, на раскрасках газет армянских авторов маршрут путешествия и роль их путешествия из частей народов (например, таджиков) и из городов и поселков великого Ирана, таких как Самарканд и Бухара, и такие, как Шираз, Исфахан и Мовараннахр.

Et quand ils n'étaient plus ensemble, ils ne vivaient que de beaux souvenirs; ils se sont immergés en eux, ils ont revivre les heures qu'ils ont passées à se serrer la taille, à se caresser les uns les autres avec leur souffle (243, с. 34). – И когда их больше не было вместе, они жили только приятными воспоминаниями; они погрузились в них, они заново пережили часы, которые они провели, обнявшись за талию, лаская друг друга своим дыханием.

9. Гедонистические эмоции. В данную группу входят эмоциональные лексические единицы, связанные с душевным и телесным комфортом.

*Безамӣ – ғам надоштан, осудахотирӣ
Безамӣ хуш вилоятест, вале*

Зери фармони кас намеояд (199, с. 170).

*Кизам аз дил гирифта партояд. Мо барои шеъри шоир аз ин зиёдтар парвоз ва шукӯҳ орзу дорем, вале орзуи шоиру ҳамфикрии мо бо ӯ бе саъйи қавӣ, бе баромадани шоир аз қайди **лоуболӣ** ҷомаи амал нахоҳад пӯшид. Дар қайду банди эҳсосоти шахсӣ истода, зебоиҳои зиндагиро барои хананда каишф кардан мумкин нест (207). – Из сердца вырывается печаль. Мы желаем поэту большего полета и величия, чем это, но мечта поэта и наше общение с ним не осуществляются без сильных усилий, без выхода поэта из лабиринта. Не останавливаясь на личных чувствах, хананда не может открыть для себя красоты жизни.*

“Il est allé jusqu'à mépriser son ancien calme, sa ferveur légère, qui l'a conduit à un délice de jeune fille, qu'il n'a même pas senti des ecchymoses sur le sol à ses genoux” (243, с. 23). – Он зашел так далеко, что стал презирать ее прежнее спокойствие, ее легкую пылкость, которая приводила его в девичий восторг, что он даже не чувствовал синяков на полу у себя на коленях ...

*“Elle se força un peu pour donner à son sourire la sérénité et le dédain habituels” (208). – Ей пришлось сделать усилие, чтобы придать своей улыбке обычную **безмятежность** и высокомерие.*

10. Акзигитивные эмоции. Данный вид эмоции связан с интересом к накоплению или коллекционированию предметов (вещей).

*Au temps du muet, un jeune pouvait en « tapant » un oncle, en vendant la collection de timbres de la famille, réaliser un court métrage faisant office de carte de visite, de certificat d'aptitude (208). – В период немого кино молодому режиссеру еще было можно, «подзаяв» у дяди и продав **коллекцию** семейных марок, снять короткометражку, а затем составить из визитных карточек удостоверение о своих способностях.*

Pendant que nous attelions leur voiture, il les conduisit à la serre pour admirer les quelques nouvelles plantes qu'il avait ajoutées à sa collection (242, с. 208). – Пока мы запрягали их машину, он повел их в оранжерею, чтобы они полюбовались несколькими новыми растениями, которыми он пополнил свою коллекцию.

Для нашего исследования наиболее важной представляется классификация, данная Е.А. Зуевой, в рамках лингвистики эмоции [76, с. 150].

1. **Интеллектуальная оценка (наличие или отсутствие):** простые эмоции – страх, злость, удовольствие; сложные эмоции – гордость, любовь:

Лаззат – ҳиссе, ки аз дарки ҳушӣ ва гуворӣ дар кас пайдо мешавад; ҳаловат; ҳушӣ, маза – удовольствие – чувство, которое возникает из-за восприятия счастья по отношению к кому-либо; удовольствие, вкус :

Андар хирадмандон лаззати кувватҳои ботин галаба дорад – у мудрецов есть восторг от внутреннего мира.

Зоҳид, чӣ ачаб, гар кунад аз ишқи ту парҳез,

Кас лаззати ин бода чӣ донад, ки нахӯрдаст – Отшельник, что на удивление, воздерживается от твоей любви. Кто знает вкус любви, если не вкусил еще всей сладости любви.

Лаззатгир – лаззатгиранда, аз маза ва гувориш чизе баҳраваршаванда – наслаждение от чего-либо:

*Ошхонаву кабобпазиҳои зиёд навъҳои гуногуни хӯроку кабобро ба намоиш мегузоштанд, ки иштиҳои роҳгузаронро меовард. Бозорҳои шаҳр пур аз молҳои гуногун буд. Анбӯҳи одамон ҳамеша дар хиёбону растаҳо равуо ва савдо мекарданд. Ман дар растаҳои атрофи Регистон сайр карданро дӯст медоштам. Лаҳҷаи хоси «самарқандча»-ро гӯш карда, **лаззат** мебурдам.*

“Як зимистон мо ҳамроҳи Абдулҳаким баъд аз таътили зимистониро дар Панҷрӯд гузарондан, ба Душанбе бармегаштем. Бозорҳои Самарқанд нисбат ба Душанбе сермолтар буд. Мо ба бозор рафтем, то кафи бихарем. Растаҳои савдогаронро мегаштем ва кафи медидем” (207). – Среди них было

множество поваров, собиравшихся вместе, чтобы насладиться вкусными блюдами и закусками. Городские рынки были заполнены различными товарами. Люди постоянно ходили по улицам и переулкам, торгуя. Я любил бродить по проходам вокруг песчаника. Слушал своеобразный диалект “самаркандча” и наслаждался. Однажды зимой мы с Абдулхакимом возвращались в Душанбе после зимних каникул в Пандруде. Самаркандские рынки оказались более насыщенными, чем в Душанбе. Мы пошли на рынок, чтобы купить обувь. Мы обходили проходы торговцев и видели обувь.

“Дилаш мехост, дӯсти давраи кӯдакиаширо ба оғӯи гирад, аммо расму русуми шарқӣёна ва «чаимони гайбатчиҳо ин манзараро набинанд» гуфта, расмӣ вохӯрдӣ карданд. Ҳарду шод буданд. Дилҳо аз **фараҳ** лабрес, ҳарду дар ҳаяҷон... – Зафарҷон, аз диданат бисёр шод шудам, аммо хеле саросемаам, ба мактаб дер намонам – гуфта Санаббар аз назди Зафар дур шуд” (207). – Он хотел обнять своего друга детства, но, по восточным обычаям, «глаза сплетников не видели этого зрелища», состоялась официальная встреча. Оба они были счастливы. Сердца переполняются волнением...

– Зафарджон, я очень рада тебя видеть, но я очень спешу, чтобы не опоздать в школу, – сказала Санаббар, отходя от Зафара.

Anzoletto a été le premier à ne plus y penser, bien qu'ils lui aient causé de profondes émotions de joie, de fierté, de colère et de rivalité, dont la conséquence devait désormais être toute sa vie (241, с. 86). – Андзолето был первым, кто, казалось, больше не думал об этом, хотя они вызвали у него глубокие эмоции радости, гордости, гнева и соперничества, следствием которых отныне должна была стать вся его жизнь.

“Et elle continua, elle tâcha de le blesser dans sa foi dans sa fierté, sachant où était le point sensible” (242, с. 12). – Тун продолжала говорить на эту тему. Она старалась уязвить мужа, оскорбить его убеждения, задеть его **гордость**, так как знала, что это - его самое чувствительное место.

2. Стенические и астенические эмоции. Данный вид эмоции связан со знаком переживания (положительные эмоции и отрицательные):

Писарак тирезаро маҳкам карду дам ба дарун гирифт, ночунбон нишаст. Пас аз дақиқае мард: - Кушо, лаънатӣ, кушо! ... – гӯён дари хонаи онҳоро думушта кӯфт. Вале писарак, дар ҳолате ки аз зояти тарс дилаш дар қафаси сина гӯё метаркид, дарро накушод.

“Бегоҳи ҳамон рӯз мард – вай яқин каме ором шуда буд – ба падару модараш шиқоят кард. Ва писарак дар ҳузури ӯ гап шунида, танбеҳ гирифта, аламаш зтеда гардиду: - Ин кас одами ганда. Ганда, ганда .. – гуфта, ба чашимонаш ашк давид” (214, с. 7). – Мальчик плотно закрыл окно, перевёл дыхание, сел неподвижно. Через минуту мужчина: - Открой, проклятая, открой! – словно колотил в дверь кулаком. Однако мальчик из-за страха не открыл дверь. Вечером того же дня мужчина – успокоившись, пожаловался своим родителям: - Это плохой человек. Плохой, плохой..., сказав, заплакал.

3. Личные и неличные эмоции. Данный вид эмоций связан с тем, кому эмоция направлена – на говорящего или окружающих: тоска, отчаяние; жалость, восхищение и сострадание:

*Сипас хомӯшона ашк мерехт. Гӯё аз беҳуда рафтани як рӯзи зиндагӣ афсӯс меҳӯрд. Ё аз ҷудоии хуршеди ҷаҳонтоб дили дардмандаш ба дард мебаромад...Дина пагоҳӣ низ ўро дар ҳамон сари санг хаёлолуд дидам, аммо акси рӯзҳои дигар озурдахотир буд. Ҳамин ки бо вай баробар шудам, чаши аз рухсори сӯзони офтоб канда, бо **ҳасрат** саропои маро дар нигоҳаш навозиш кард.– Ба кор меравӣ, Ҳалимҷон? – пурсид Исфандиёр. – Ҳо, ака ба кор, – оҳиста ҷавоб гуфтам ва дасти ба сӯям дароз шударо фишурдам. –Шумо боз ҷӯраи офтобатонро пешвоз мегиред? Ҷавон шудааст ё пир? –мисли тарошаи аз бом афтида пурсидам аз ӯ (207). – Потом он тихо заплакал. Как будто он сожалел о том, что потратил впустую один день своей жизни. Или же его сердце сжалось бы от разлуки с Солнцем...Дина утром я также видел, как он фантазировал на той же скале, но другие дни были раздражающими. Как*

только я поравнялся с ней, она оторвала взгляд от горящей от солнца щеки и с тоской погладила меня по голове.— Ты идешь на работу, Халимджан? - спросил Исфандиер.— Ха, это работа, - ответил я, пожимая протянутую руку. —Вы снова встретите свой закат? Он молод или стар? - спросил я его, как будто он упал с крыши.

À cet âge, nous ne ressentons pas beaucoup de chagrin dans un moment de crise; mais l'ennui de l'isolement vous tuera un peu plus tard; cela signifie reculer pour mieux sauter (241, с. 30). — В этом возрасте мы не очень остро чувствуем горе в момент кризиса; но скука изоляции прикончит вас немного позже; это значит отступить.

C'était la vieille détresse solitaire plus ancienne que tous les sentiments (208). — Это была **тоска** одиночества, куда более древняя, чем все остальные чувства.

Tu l'entendras, divine Corella, et tu seras émue par une noble pitié, et tu l'encourageras au lieu de la faire siffler comme tu viens de le dire en te moquant (241, с. 78). — Ты услышишь это, божественная Корилла, и ты будешь тронута благородной жалостью, и ты будешь подбадривать ее, вместо того, чтобы заставлять ее свистеть, как ты только что сказал, насмехаясь.

4. **Активные и пассивные эмоции.** Эти эмоции связаны с деятельностью человека: активизируют либо тормозят активность: воодушевление, отчаяние:

Маъюс — навмедишуда, дилишакаста, рӯҳафтода — разочарованный, убитый горем:

“Беморе, ки аз илоҷ маъюс бошад, ... аз дил чӣ гуна рухсати нафас задан ёбад?” (199, с. 667).

Dans cette première réunion, on convint de choisir l'avocat Savaron pour candidat, avec un enthousiasme que personne n'aurait pu espérer à Besançon (217, с. 45). — На этом первом собрании, с **воодушевлением**, какого от безансонцев никто не мог бы ожидать, было решено выбрать Саварюса кандидатом.

5. **Эмоции высокой и низкой интенсивности:** счастье / несчастье; удовлетворение / досада:

*Алам – дард, озор, нохушӣ; ранҷ – горечь, боль, неприязнь; страдание:
Султон фармуд, то ўро бар фил нишониданд, то аз алами ҷароҳат
истироҳат кунад – Султан приказал, чтобы его посадили на слон.*

Отойти от душевной боли

Асне, ки саворияш саросар алам аст,

*Бе роҳу тариқ мисли ӯ асп кам аст – Лошадь, у которой всадник в
смятении, не найдёт дорогу.*

*Алами бедаво – дарди бедаво, дарди давонопазир, беилоҷ; киноя аз кори
чоранопазир – незаживающая рана, безвыходность.*

Қофия маъюбу радиф нораво,

Иллоти вазнаш алами бедаво.

Алам кашидан – ранҷ дидан, азоб кашидан – горечь, страдание .

*Шаб чун ҳамсояҳо рафтанду хона хилват шуд, духтарҳо суҳбати хоса ор
останд. Онҳо лаҳзаҳои аҷоибӣ ҳаёти донишҷӯӣ: имтиҳонсупориву моҷаро,
изҳори меҳру ваъдахилофӣ, аз ҷониби ҳар яке ба театр ё тамошои кино даъват
шудани ӯ, яъне «писари раис» ва ҷавоби рад шунидану ба гирдобии хиҷолат,
ҳатто қаҳру **алам** афтоданашонро бепарда ҳикояткунон хеле хандиданд.
– Муруоти яхмосу изҳори ташнагӣ, шарбат хостани маро намегӯед? –
мепурсид Назокат (207). – Ночью, когда соседи ушли и дом остался пустым,
девушки разукрасили свой разговор. Они вспомнили удивительные моменты
студенческой жизни: сдача экзаменов и приключений, выражение
привязанности и невыполнение обещаний, приглашение каждого из них в театр
или кино, погружение в водоворот смущения, даже горечи, безудержно
смеялись рассказчики. – Не хотите ли предложить мне мороженое, утолить
жажду, попросить сока? - спросил Назокат.*

*Madame Josserand montrait une satisfaction navrée, en veuve que les
bonheurs inespérés ne touchent même plus (242, с. 34). – Г-жа Жоссеран выказала*

лишь скорбное **удовлетворение**, – даже самое неожиданное счастье не может взволновать безутешную вдову.

En effet, Bovary aurait pu réussir; Emma ne disait rien de ce qu'il ne savait pas, et quelle satisfaction aurait été pour elle si elle l'avait attiré dans une entreprise dont sa réputation et sa fortune auraient pu augmenter? (208). – Действительно, Бовари мог добиться успеха; Эмме ничто не говорило о том, что он не умел, и какое удовлетворение для нее было бы, если бы она привлекла его к делу, от которого его репутация и состояние могли бы возрасти !

Следовательно, эмотивность представляет собой полистатусное явление и должна рассматриваться согласно выделяемому аспекту исследования.

1.3. Эмоциональная картина мира

Результаты исследования научно-теоретической литературы показали, что языковая картина мира представляет собой языковую форму существования языково картины мира и обладает особой разновидностью. В данном диссертационном исследовании языковая картина мира рассматривается как множество концептов, понятий, а также человеческие знания, оформленные конкретными языковыми единицами.

Следует заметить, что языковая картина мира взаимосвязана с концептуальной картиной мира и картиной мира в целом. Картина мира (общая) – общее представление человека о реальности, обо всем, что его окружает. Она формируется из опыта, знаний, культуры и т.д. Концептуальная картина мира – ментальное представление о мире, состоящее из концептов (понятий, идей). Она организует и структурирует наше понимание реальности. Языковая картина мира представляет собой отражение концептуальной картины мира в языке. То есть, то, как человек понимает мир, выражается через язык, используемые им (слова, грамматика, метафоры и т.д.). Язык – это инструмент для выражения и передачи концептуальной картины мира. Динамика концептуализации: язык активно участвует в процессе формирования

концептуальной картины мира. Человек не просто воспринимает мир, но и осмысляет его, и язык помогает ему это делать. Он не просто отражает реальность, но и влияет на то, как человек ее видит. Вербализация – концептуальная картина мира (то, что у нас в голове) становится явной и понятной для других через языковую картину мира (то, как мы это выражаем словами). Е.С. Кубрякова подчеркивает, что концептуальная картина мира существует в нашей психике в виде ментальных репрезентаций, таких как образы, схемы и картинки. Это значит, что наше понимание мира не ограничивается только словами; мы используем и другие формы мышления. Образы как абстрактные идеальные объекты: знания о мире, полученные из реальной жизни, трансформируются в нашей голове в абстрактные образы. Эти образы – не просто копии реальности, а идеализированные и обобщенные представления. [101, с. 34]. Образы автор рассматривает как абстрактные, идеальные объекты, куда человек переносит полученные знания объективной действительности.

Следует заметить, что понятие языковая картина мира уже концептуальной картины мира. Языковая картина, подчиняясь концептуальной картине мира, образует разные зоны словесного воздействия [101, с. 45]. Главная зона та, которая формирует концепты и понятия. Во-первых, в каждом конкретном языке человеческие знания проходят языковую обработку коммуникантами и получают языковую форму. Напротив, появление тех или иных концептов формируется по старой схеме; то есть новые понятия влияют на те концепты, которые уже выражены вербально. Отсюда следует, что концептам и понятиям свойственны концептуальная языковая форма выражения. Данная зона соединяет концептуальную картину мира с языковой. Следует заметить, что выделяют и другую зону, абстрагирующее языковое влияние на основе конкретных особенностей языковых символов.

Следовательно, языковая картина мира состоит из двух зон – зона прямого влияния языка на понятийную картину мира и зону опосредственного влияния.

Концептуальная языковая картина мира связывается вербальным сегментом. Разновидностью языковой картины мира является эмоциональная языковая картина мира. Составляющей эмоциональную картину мира выступают эмоциональные образы, концепты. Получая языковую оболочку, эти компоненты формируют сложную структурно-смысловую модель. Языковые знаки, формирующие языковую картину мира проходят «эмоциональную обработку». Таким образом, эмоциональная языковая картина мира – это оценочная деятельность индивида, при ментальном изучении окружающего мира. Несмотря на то, что в человеческом сознании отражается эмоциональная картина мира, сам язык детерминирует ее зарождение и развитие.

Понятия «эмоция» и «эмоциональная картина мира» тесно взаимосвязаны. Эмоция является ментальной категорией и не свойственна каждому индивиду, исходя из того, каждая эмоция индивидуальна. Национально-культурное своеобразие модели мира отражается в эмоциях. Каждому лингвосоциуму свойственны свои понятия и концепты, формирующие модель ментального мира человека.

Следовательно, эмоциональные концепты представляют собой этнокультурно обусловленные ментальные модификации, включающие не только универсальные структуры, но и специфические фиксаторы, актуальные для конкретной лингвокультуры.

Выводы по первой главе

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования.

Эмоции в системе таджикского и французского языков являются значимой категорией не только в коммуникативном пространстве, но и в текстовом, моделируемые авторами. Эмоциональная составляющая и способы

её репрезентации представляют значительный интерес для исследователей. В свете сказанного важен междисциплинарный подход изучения эмоций, предполагающий исследование эмоции с позиции лингвистики, психологии, философии и т.д.

Теоретический анализ литературы показывает, что проблема эмоций рассматривалась достаточно широко. В то же время целый ряд конкретных вопросов, связанных с эмоцией остается мало разработанным. К этим вопросам можно, прежде всего, отнести:

1. Необоснованность противопоставления интеллектуального и эмоционального в семантической структуре слова.
2. Ошибочное включение эмоциональных элементов семантики языковых единиц к непонятийным компонентам.
3. Включение всего эмотивного в языке за пределы языкознания.

Данные выводы позволяют с новых позиций изучать семантическую структуру языковых единиц и место эмоций в данной структуре и вообще в системе разноструктурных языков, в частности в таджикском и французском языках.

ГЛАВА II. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2.1. Исследование эмоций в лингвистике

Эмотиология – молодая, которая начала входить в употребление междисциплинарная отрасль. Известный лингвист В.В. Виноградов отмечал: «Экспрессивные формы речи и экспрессивные элементы языка мало изучены в лингвистике» [38, с. 60]. После выхода в свет работы чешского лингвиста Ф. Данеша проблема эмотивности начала актуализироваться [169, с. 12]. Ф. Данеш первый указал на связь эмоции и когниции. Его исследования были продолжены такими лингвистами, как: Е.М. Вольф [1987], В.Г. Гак [1996], А.И. Галичев [1987], Н.Ф. Ежова [2003], К.Э. Изард [2007], О.В. Кобзева [2009] и др.

Современный этап развития отечественной лингвистики также характеризуется возросшим интересом к исследованию эмотивной лексики: Ф.Ш. Аминова [2022], Д.Д. Мурувватиён [2021], Ш.Б. Рахимова [2010], С.А. Файзиева [2009].

В.И. Шаховским впервые было введено понятие «эмотиология». Он создал базу для дальнейшего исследования эмоции как одного из основных объектов лингвистических исследований. При анализе и исследовании эмоций в языке необходимо разграничить определение значений следующих понятий: **эмотивность, эмотив, эмотивное значение**. Вслед за В.И. Шаховским, под «эмотивом» мы понимаем языковую единицу, содержащую в своей семантической структуре – семантический конкретизатор / признак. Имманентный семантический признак языка, выражающий различными средствами эмоциональность – эмотивность. Эмотивность – факт психики и отражается в семантической структуре слов в виде социальных и индивидуальных эмоций. Облигаторное семантическое содержание – это эмотивное значение, совпадающее полностью для выражения эмоциональных состояний и отношения к ним [159, с. 26-27].

Идея выражения человеческих эмоций при помощи языковых средств в лингвистике не нова. Данный процесс сопровождается приобретением эмоций вербального оформления. Здесь необходимо понять эмотивный аспект семантики языка – соотношение эмоций с функциями сознания. Исходя из данного факта, необходимо рассмотреть следующие задачи:

1. Выяснить вопрос относительно факта эмотивного значения в лингвистической науке.
2. Установить взаимосвязь слова, понятия, мышления и эмоций.
3. Обосновать гипотезу относительно понятийной соотнесенности семантики эмотивного слова и разработать лингвистическую теорию эмоции в коммуникативном пространстве.

Особое значение в свете новых задач приобретает разработка эффективных путей анализа роли эмотивного значения как человеческого фактора в реализации речевого акта. Позиций относительно эмотивного значения слова в лингвистике существует немало. Суть данного феномена не выявлена до конца, хотя очевидно одно: он существует и с ним нужно считаться [159, с. 53].

Эмотивное значение у лексических единиц не всегда признавалось исследователями. Существует позиция, согласно которой «для репрезентации эмоций важную роль играет функция самого слова, а не его значение; данная функция вытекает из контекста и условий коммуникаций» [178, с. 143]. Самой сложной проблемой, связанной с эмотивностью, является соотношение эмотивного компонента семантики слова и мышления. Сюда можно добавить также соотношение эмотивного и денотативного компонентов в семантической структуре слова; каким образом эмотивность представлена в разных языках и на различных уровнях; расхождение эмотивной и дескриптивной номинаций; каким образом происходит межъязыковая эмотивная коммуникация.

По вопросу эмотивного значения слова существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным. Согласно первой позиции,

эмотивный компонент входит в семантическую структуру слова: Н.Ф. Ежова [2003], Е.А. Зуева [2005], Т.В. Ларина [2003], согласно второй – важная роль эмотивного компонента в семантике слова: С.Н. Лазарев [2001], Н.А. Лукьянова [1986], Е.Ю. Мягкова [2001]. Однако до конца остается неясной типология предельных элементов эмотивного значения.

Многими лингвистами предпринимались попытки выделения строгих критериев для установления не только внутренних параметров и формальных маркеров эмотивного значения, но и выявления эмотивного составляющего [например, метод семантической дифференциации У. Вайнрайха, Э. Бендикса, Ч. Осгуда]. Как отмечает В.И. Шаховский, данные методы ориентировались главным образом на интуиции ученых, следовательно, признать их доказательными нельзя [158, с. 54].

Существует ряд работ, предлагающих «отменить» эмотивное значение, из-за его неустойчивости, диффузности, зависимости от множества факторов, которые находятся как внутри его формы, так и за его пределами [164, с. 196]. Согласно позиции Ч. Стивенсона, зависимость эмотивной семантики обусловлено не только первичностью концептуального значения или семантики. Автор выделяет также такие факторы как: ассоциация и импликация слов, взаимообусловленность адресата и адресанта. Данные факторы делают эмотивную семантику словарно не фиксируемым феноменом. По справедливому замечанию автора, эмоциям свойственно множество оттенков, как и эмотивное значение, не поддающиеся экспликации, описанию словами [145, с. 34].

Нельзя отрицать тот факт, что эмотивное содержание представляет собой отражение эмоционального состояния конкретного коммуниканта. При этом оно не выступает как индивидуальное отражение эмоции, а является социальным явлением, как и логико-предметное значение. Эмотивное значение свойственно каждому носителю определенной языковой лингвокультуры. Представители той или иной лингвокультуры репрезентируют одни и те же

эмоции в определенной эмоциональной обстановке. Представитель той или иной лингвокультуры реализует типизированную эмоцию, обусловленную его личным опытом, под определенное слово, но в рамках общественного опыта, что обеспечивает дифференциацию эмоции при его языковом выражении посредством эмотивного значения того или иного языкового средства выражения эмоций.

Приведем некоторые примеры на материале таджикского и французского языков, доказывающие данное положение:

Вале ин ҳамаро усмон Азиз қариб ҳис намекард. Вай дар қайди андешаҳои гарони худ буд. Дилу ҷигараи даргирифта, зану фарзандонашро ба хотир меоварад. Инчунин дар пеши назар чехраи нурони падару хандаҳои гарми модарашро медид; қомати паҳлавона, рӯи зебо ва меҳрубониҳои додариаш Сулаймонро низ равшан тасаввур менамуд.

“Замоне буд, ки онҳо дар ҳамин ҳавлӣ, дар ҳамин хонаҳои барҳаво хушу хурсанд зиндагӣ мекарданд, аз ғаму ғуссаи денӣ хабар надоштанд Аммо банагоҳ чӣ шуд? Чӣ шуд, ки бахт якбара аз хонадони ҳоҷӣ Азиз Матин рӯй тофт? Рӯзгори осудаи онҳо ғафлатан зеру забар гардид, ба бунёди умеду орзуҳои футур рафт... Ва чаро, барои чӣ... тақдир ўро нохост ба кӯи номуродӣ андохт?” (214, с. 174). – Однако, все это Усмон Азиз почти не чувствовал. Все его мысли были о его тяжёлом положении. Сердце его обливалося кровью (страдал), думал о своей жене и детях. Перед его взором встали светлое лицо отца и улыбающейся матери; статный рост, красивое и благородное лицо брата Сулаймона были перед его глазами. Было время, когда они в этом дворе, в этих прекрасных домах счастливо жили, не ведая о всех проблемах мира.. Вдруг что случилось? Почему счастье покинула дом Азиз Матин? Спокойная жизнь в одночасье закончилась, все его мечты были разбиты.... Почему? За что судьба отвернулась от него.

Hélas! Elle se disait que ces gens avaient honte d'avoir tellement de choses à garder! (241, с. 45). – Увы! Она говорила себе, что этим людям стыдно за то, что у них так много вещей, которые нужно сохранить!

Tous ces gens bien-pensants qui voulaient mon bien m'écœuraient et renforçaient au contraire ma volonté de m'enfoncer dans ma marginalité (208). – Все эти доброхоты лишь подхлестывали мое желание не оказаться конформистом.

Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, эмотивное значение осознано, дискретно, отождествляется и дифференцируется говорящим, одинако соотносится всеми говорящими с понятиями, объектами, которые детерминируют эмоции, оно также отождествляется конкретными языковыми единицами их репрезентации – носителями эмотивного значения – с обобщенными эмоциональными ситуациями их функционирования в художественном тексте [159, с. 55].

Например:

Ва ў дар миёни аҳли оила танҳо монд. Боз фурсат поид, интизор шуд; чойи нишаст наёфта, хуни чигар хӯрд; гаштаву баргашта ба анлеши рафт. Вале ҳамааш барабас буд. Дарахти инқилоб рӯз то рӯз амиқтар реша медавонд. Ҷулҳундишони дина ба ними нон зор як-як соҳиби мулк, соҳиби ҳаққу ҳуқуқ мешуданд. Усмон Азиз чӣ? Вай ба ин муросо карда натавонист. Ниҳоят рӯ ба гурез овард. Гумон мебурд, дар хоки бегона дили афсурдааш қарор мегирад, бахмаш дубора механдад, осоишу салоҳ меёбад. Ҳамин тавр, ў дидаву доништа, худро ба гирдобии азоби ҷонфарсо, ёди чигарсӯзи ватан ва бенасибиву номуродиҳо зад, ки сазо сараш! Одамизод, алҳақ, маҳлуқи надоматпеша; аз аксар қадамаш пушаймон мешавад. Вагарна чӣ лозим буд якбора ба хоки гурбат рафтан? Чӣ натиҷа дод ба ман ин беақлӣ? Куҷоям зиёд шуд? Беҳтар набуд, ки дар ҳамин Нилу, бад ё нағз, қатори ҳамдеҳагон рӯз гузаронам, ба ғаму шодии онҳо шарик бошам? Не-е, бори гурур намонд, нахостам, рафтам. ... Вай аз сиёҳмушкини худ, ки сабук ёл меафшонд, чаши

наканда, як оҳ кашид ... (213, с.175). – И он остася один в своей семье. И снова появилась возможность ждать и он ждал, не найдя себе место, страдал. Снова и снова возвращался к своим мыслям, но все было напрасно. Революция с каждым днем крепла и крепла. Вчерашний нищий сброд, который постоянно нуждался в куске хлеба, становился хозяином всего. А что Усмон Азиз? Он не хотел мириться с таким положением. И решил податься в бегство. Думал в чужих краях сможет вылечить своё “разбитое сердце. Зная все это, он сознательно вверг себя в водоворот мучительных страданий”. Такова природа человека – жалеть о большинстве своих шагов. Зачем нужно было создать себе столько проблем? К чему привела меня эта глупость (этот необдуманный шаг)? Что я получил от этого? Не лучше было бы остаться в Нилу, хорошо или плохо, жить со своими земляками, радуясь и печалься вместе с ними? Нет, не захотел и выбрать бегство. – Он взглянул на своего вороного и глубоко вздохнул.

Ici, le plus spirituel de nos caricaturistes, à l'oeil malin, à la bouche mordante, guettait les épigrammes pour les traduire à coups de crayon (217, с. 17). – Здесь самый остроумный из наших карикатуристов, с лукавыми глазами и язвительным языком, следил за эпиграммами, чтобы перевести их карандашом.

Таким образом, можно констатировать, что эмотивное значение – коммуникативно. Эмотивные лексические единицы осознанно отбираются говорящим в пределах существующего кода, то есть отбор эмотивной лексики связано с сознанием говорящего в соответствии с ситуацией общения. Коммуникативность эмотивных единиц проявляется в том, что они передают душевные волнения говорящих. Употребление говорящими эмотивного значения в большинстве своем смоделировано.

Из сказанного становится очевидным то, что слово, понятие и мышление тесно связаны между собой. Следовательно, присутствие эмотивных слов в корпусе словаря того или иного языка указывает на связь эмотивной лексемы с

эмоциональным мышлением. Психологи давно признают эмоциональное мышление как объективно существующее психологическое явление [81]. В данном случае, мы исходим из того факта, что если эмотив – это слово, то слово, естественно, является элементом сознания. Однако нельзя не согласиться с Дж. Лайонз, который противопоставлял понятие и эмоции, разделяя их по полюсам мыслительной деятельности [177, с. 183]. Действительно, такие эмотивные слова как: страх, гнев, печаль и др. нельзя считать понятийными, тем не менее, их языковые выражения являются осмысленными, кодифицированными, то есть поднятыми до понятийного уровня сознания (понятие ужас и эмоции ужаса выражаются одной и той же лексической единицей).

Основные проблемы, связанные с семантикой эмоций – это соотношение объекта окружающей действительности и субъекта. Как правило, эмоции преобладают там, где данные параметры существуют. Любая эмоция представляет собой реакцию человека на стимул, заставляющий его по-другому объединять объекты окружающего мира и их свойства [158, с. 58]. Определённые понятия о тех или иных объектах и их признаках формируются как результат взаимодействия субъекта и объекта. Действие объекта на субъект и активное отражение объекта субъектом приводит к определенным психическим изменениям, то есть вызывает эмоциональные реакции [60]. Иными словами, осознание индивидом отношений субъект реакция и объект сопровождается эмоциями.

Проиллюстрируем данное положение:

Усмон Азиз маузерро дар ғилоф андохта, Ҳалимбойро, аз ин ҳодиса ба даҳшат омада, саросема харсавор шудан меҳост, ба имои даст чег зад. Ва ӯ хандаовар лапон-лапон давида, дар наздаш ҳозир гардид. – Ба падару модараш хабар дода, дар доираи ҳама расму русум дафе мекунад, - гуфт Усмон Азиз, ба ҷасади Ҷалол як назар давонда (214, с. 37). – Усмон Азиз убрал маузер в кабуру,

так он был в спешке, позвал Халимбоя, который был в состоянии ужаса от этого инцидента. Халимбой, смеясь подошёл к нему.

Elle sembla chercher, pendant quelques secondes, un autre mot plus fort qui ne venait point, puis soudain, elle expectora, avec le mouvement qu'on fait pour cracher: «Oh!... cochon... cochon... cochon... (208). - В течение нескольких секунд она, казалось, искала другое, более сильное слово, которое не приходило, а затем внезапно отхаркнулась движением, которое делают, чтобы выплюнуть: «о!... свинья... свинья... свинья...»!

Alors, comme tous les connaisseurs et les peintres me disaient, en voyant ses œuvres: «Quel est donc le cochon qui a fait ça ? » j'ai dû les anéantir (208). – И вот, так как все знатоки и художники говорили мне при виде его произведений: «Что это за свинья, которая это сделала?» — я был принужден их уничтожить.

Прагматический механизм в художественном тексте всегда упирается в лексическую единицу. Каждая единица языка выражает различные смыслы и создает прагматический эффект высказывания. Следует отметить, что в лингвистической науке мало исследованы прагматические ориентации значений слов, что делает актуальным изучение разных групп языковых единиц в данном направлении. Наиболее распространённой в современном языкознании является идея о том, что экспрессивная лексика – это результат вторичной номинации, а условием прагматического эффекта является апелляция к эмоциональной перцепции высказывания, что достигается благодаря образности [146, с. 14]. Сторонником данной позиции является В.И. Шаховский. Следует заметить, что В.И. Шаховский лексические единицы разделяет на эмотивную и неэмотивную [158, с. 94]. Согласно В.И. Шаховскому, лексические единицы, в семантической структуре которых есть эмотивный оттенок значения, не являются эмотивными. Данный факт обусловлен тем, что такие лексемы представляют собой индикативы – логико-предметные, а эмотивный компонент, входящий в их семантику, является не

непосредственным чувством, а – логической мыслью о них [Там же, с. 96]. Эмотивными словами, с точки зрения автора, являются лексические единицы, репрезентирующие эмоциональную оценку, эмоциональную реакцию, которые переживает человек, но кратковременные. Данная позиция не поддерживается всеми лингвистами. В частности Л.Д. Тарасова, считает, что языковые единицы, выражающие эмоции, следует рассматривать как ассоциативно-эмотивные, так как они не репрезентируют эмоции, а отсылают сознание коммуниканта в эмотивную сферу, которое содержится в семантике таких лексических единиц [145, с. 76].

Например:

Et il est bien laid avec sa peau de prune, il a des soies au lieu de favoris, il a l'air d'un marcassin, quoiqu'il ait des yeux d'oiseau de proie (217, с. 12). – Ничего, взлетит, он достаточно безобразен: черномазый, толстый, вместо бакенбардов — свиная щетина, да и вообще он похож на **свинью**, хоть и смотрит коршуном.

On se regarde un bon moment, Miss Hamilton et moi, comme ça, incapables de prononcer un mot, puis deux petites larmes coulent sur son champ de ruines, et je m'enfuis comme le traître après le massacre des endormis (217, с. 87). – Несколько секунд мы смотрим друг на друга, мисс Гамильтон и я, не в силах произнести ни слова; затем две слезинки скатываются по ее руинам, а я стремглав убегаю, как тот **сукин сын**, который предал убийцам своих спящих товарищей.

В первом тексте слово является эмоционально нейтральным, а во втором эмоционально окрашенным.

В приведенных выше текстах на материале таджикского и французского языков включены типизированные реакции, которые должны быть закреплены в структуре понятий об объектах окружающей действительности и распространены на семантическую структуру слов и на семантику высказываний, которые называют подобные объекты или описывают их взаимосвязь.

Исследуя эмотивное значение необходимо также рассматривать оценочные категории. Общеизвестно, что оценочное понятие является общепризнанной категорией. Содержательная структура понятия включает в себя такие составляющие, как: семантика, модальность, сигнификативное значение. А оценка, как известно, является компонентом модальности. Примерами лексических единиц, которые отражают оценочные понятия, выступают в таджикском языке: *разил – низкий, подлый, презренный, номард – малодушный, трусливый, подлый, низкий: негодяй, подлец:*

- *Дурӯғ Шумо, одамони доро, ҳама ба фиребу найранг рӯз мебинед. – Хайр, бигуздор фиреб бошад, найранг бошад. Лекин ман ҳоло ба ту чизи дигар гуфтан меҳоҳам. – Марҳамат, агар бисёр дилтангӣ, гап зан. – Чанд дақиқа пеш аз даҳонат кафк мепарид, ки ман номардам... – Чӣ, ба номардиат бовар надорӣ? – Ин суолат ба ҷавоб гардондан намеарзад. – Чунки аз сухани ҳақ метарсӣ (214, с. 232). – - Ложь Вы, богатые люди, все привыкли к обману. - Хорошо, пусть будет обман, пусть будет уловка. Но теперь я хочу сказать тебе кое-что еще. - Пожалуйста, если что-то беспокоит, говорите. – Десять минут с пеной во рту, ты повторял, что я – негодяй, подлец ... – Что, ты не веришь в свою подлость? - На этот вопрос не стоит отвечать. - Потому что ты боишься говорить правду.*

*Вале Усмон Азиз ин гапи ӯро намунид: ҳоло вай савори сиёҳмушкину худ буд. Қурбона Ғуломҳусайн низ саросема пой ба риқоби аспҳои беқарор мебуданд. Одамоне аз нав ба ҷунбиши омада: **Разилон!** – Худо мезанад шуморо. – Гарданатро шикаста, шабу рӯз хун парто, Усмон Азиз! Дар тақдири шумо ҳам ягон бало будагист... гӯён ба саворон наздик мешуданд (214, с. 233). – Но Усмон Азиз эти слова уже не слышал, так как он садился на своего вороного. Курбон и Гуломхусайн также торопились к своим беспокойным лошадям. Толпа снова пришла в движение: Убийцы! Вас Бог накажет... Чтобы ты Усман азиз страдал! На вашей совести тоже наверняка много всего, говоря толпа приближалась к ним.*

Во французском языке: **gredin** – *мерзавец*; **coquin** – *злодей, нигодяй, бездельник, мошенник*; **hypocrite** – *лицемер*:

*Il vaut mieux jeter le maître aux cochons que de le porter à ce **gredin** (243, с. 18).* – *Лучше бросить причастие свиньям, чем нести его этому уроду.*

*Alors, je vous ai dit, curé, quand ce **gredin** s'est levé entre nous, que vous seriez les bienvenus là-bas (243, с. 56).* – *Итак, я говорил вам, кюре, когда этот негодяй встал между нами, что вам там будут рады.*

*Fanny, qui vivait très en froid avec son père, blessée de ce qu'il s'était retiré chez son **gredin** d'aîné, au lieu de se réinstaller chez elle, lui apporta du linge, de vieilles chemises à Delhomme (204).* – *Фанни, которая была в очень холодных отношениях с отцом, оскорбленная тем, что он, вместо того, чтобы вернуться к ней, переселился к этому проходимцу, старшему сыну, принесла ему белье, старые рубахи Делома.*

Toutes ces raisons, quoique exposées du ton le plus raisonnable par un homme qui avait bien d'autres chagrins dans le cœur, portèrent jusqu'à l'égarement la colère de l'archevêque; il alla jusqu'à accuser Fabrice d'hypocrisie (208). – *Все эти доводы, изложенные самым равнодушным тоном, каким может говорить человек, у которого на сердце совсем иные горести, довели разгневанного епископа до исступления, и он назвал Фабрицию **лицемером**.*

Как отмечает В.И. Шаховский, оценочные отношения могут быть и эмоциональными, так как в результате сигнификации эмоции играют очень важную роль. В результате как рациональной, так и эмоциональной оценки при формировании понятия человеческое сознание как бы выводит за скобки маркеры эмоций основного содержания понятий [159, с. 58]. При этом следует заметить, что данные маркеры эмоции существуют в сознании носителей того или иного языка и репрезентируются в конкретных текстах речевой коммуникации.

В лингвистической литературе не менее дискуссионным является вопрос относительно оттенков эмотивного значения, а именно: различные окраски

эмотивного значения не всегда возможно описать словами или терминами, а в коммуникативном пространстве на образование данных оттенков иногда оказывают влияние множество факторов, например, звуковой эффект [178, с. 158]. Как известно, при анализе любой проблемы или вопроса можно всегда найти доказательства. Однако, как отмечает В.И. Шаховский, при исследовании эмотивного значения необходимо установить те факторы, которые задают эмотивную роль слова, а также необходимо определить статус эмотивного элемента в семантической структуре слова, то есть нельзя отрывать слово от логико-предметного элемента [178, с. 64].

Общеизвестно, что язык представляет собой практическое сознание, исходя из этого, «вбирает в себя в той или иной форме все стороны окружающей действительности» [130, с. 124]. Следовательно, нельзя отрицать факт связи эмотивного значения и понятия.

Признание того факта, что эмотивное значение – это продукт исключительно чистого интеллекта и оно может происходить от понятия, упростило бы сложный механизм формирования эмотивного значения и его соотнесенность с понятием. Отрицание зависимости эмотивного значения от логико-предметного содержания слова – означало бы включение эмотивной семантики языка в сферу стихийности человеческой психики.

Что представляет собой понятийная сопряженность эмотивного значения? Во-первых, в большинстве своём все языковые единицы с эмотивным значением обладают логическими коррелятами (это могут быть слова, описательные конструкции, которые передают те же понятия).

Сказанное позволяет заключить, что языковая репрезентация эмоций в конечном счёте представляется намеренным, даже несмотря на то, что она иногда и спонтанна: так как эмотивы всегда возникают на сознательном или подсознательном уровнях. Отбор эмотивности связан со скоростью их осмысления, который порой может быть незаметен участникам коммуникации, которые находятся в состоянии сильного эмоционального напряжения.

Согласно точке зрения некоторых ученых, эмоции и понятие – это разные явления, эмоции репрезентируются, как они отмечает, непонятно, посредством ритма, интонации, просодии и т.д. [169, с. 142]. Данная позиция отрицается В.И. Шаховским, так как многие понятия обладают определенной эмоциональной ценностью, которая в речевом акте переносится на семантику слова, вследствие которого она получает (семантика) понятийную обусловленность [160, с. 66]. Например, в таджикском и французском языках многие зоолексемы в своих метафоричных значениях имеют эмотивную коннотацию (положительную или отрицательную):

Хар – пер., неодобр. Упрямый, как осёл; упрямец; *хар ҳамону полонаш дигар* пог. Старая песня на новый лад (2, с. 643).

Гов – пер., прост.1. Тупица; неотёсанный; 2. пер. богатырь; силач (2, с. 151).

Булбул – соловей; булбули хушилхон – сладкоголосый соловей (2, с. 122).

D'abord, naturellement, j'avais pris mes précautions, sur les conseils de ce vieux renard d'Archevêque, dans cette lettre à mes bonnes villes vous désavouant, mais, surtout, je n'aime pas qu'on se dévoue pour moi (Anouilh, Jean . L'Alouette, 56) – Сначала я, натурально, принял свои меры предосторожности по совету этого старого **лиса** архиепископа, разослал письмо по моим славным городам, в котором развенчал вас. Вообще-то я не терплю, когда мне слишком преданы.

– *Et quel est donc l'âne bûté de médecin qui l'a soigné?* (220, с. 38).– Кто же тот безмозглый осёл, который выходил его?

Многие лингвисты часто акцентировали внимание на совмещение противопоставленных значений в семантической структуре слова. Например, Ю.Д. Апресян рассматривал каузативность как вид регулярной многозначности [12, с. 212]. В этом направлении значительный интерес представляет работа М.М. Покровского, уделявшего большое внимание такому понятию, как «двойственность» значения [161, с. 60]. В частности, автор отмечал, что многие французские слова, которые заканчиваются на **eux** совмещают непереходные и

фактитивные значения, например: *lacrimosus* имеет значения **полный слез** и **плачущий** или **вызывающий слезы**. Или в приведенных выше нами предложениях слова *осел* и *лиса* имеют также противоположные значения.

О возможности совмещения в семантической структуре противоположных значениях писал и Ю.Д. Апресян. Основными аспектами противопоставления, согласно автору, могут быть следующие факторы: причина и следствие, объективное и субъективное, активный и пассивный залог [11, с. 137].

Анализ фактического материала (исследование зоолексем) показал, что в таджикском и французском языках противоположные значения в семантике слов совмещаются у существительных, характеризующих человека, его личностные качества / свойства.

Il y avait là des ânes bâtés, dont l'ignorance in omni re scibili était proverbiale, et qui n'en étaient pas moins investis d'une autorité souveraine in omni re scibili (208). – Среди этих последних было немало форменных ослов, невежество которых *in omni re scibili* было общеизвестно, и все же они считались непогрешимыми авторитетами именно *in omni re scibili*.

Vous êtes un bon sujet, ce sont les plus vieux coqs souvent qui sont les meilleurs [243, с. 90] – Вы славный парень, и, знаете, старые петухи для **курочек** неплохи!

Et quand il s'éloigna un peu en arrière, elle tourna à demi-tour; son visage brillait d'amour, sa bouche et ses yeux étaient pleins de tentation, qui l'appelaient avec une telle force qu'il l'accompagnerait partout comme un chien fidèle (243, с. 23). – И когда он отошел немного назад, она повернулась вполоборота; ее лицо светилось любовью, губы и глаза были полны искушения, которые звали его с такой силой, что он сопровождал бы ее повсюду, как верный пес.

Как видно из данных предложений, анализируемая группа слов (зоосемы), способна нести определенную прагматическую нагрузку в текст. Входя в семантическую структуру текста, они делают его эмоционально

окрашенными, передают чувства, переживания, различные эмоциональные состояния говорящего. Большое количество примеров эмоционально окрашенных предложений, включающих зоосемы, которые характеризуют человека, не оставляет сомнения в том, что их следует отнести к сфере эмотивной лексики, той лексики, которая участвует в создании прагматического эффекта предложения и текста.

Albina avançait avec le flair d'un jeune chien, sans rien dire, toujours à la recherche d'une clairière heureuse, même s'il n'y avait pas de grands arbres dont elle rêvait (242, с. 56) – Альбина шла вперед «чутьем молодой собаки», ничего не говоря, все еще ища счастливую поляну, хотя там не было высоких деревьев, о которых она мечтала.

*Il doit crever comme un **chien*** (243, с. 56). – Пусть и околевает, как пес.

*Et il paraissait né pour les champs, avec sa lenteur sage, son amour du travail réglé, ce tempérament de **boeuf** de labour qu'il tenait de sa mère* (243, с. 78). – Казалось, он с его мудрой медлительностью и любовью к размеренному деревенскому труду, с его унаследованной от матери выносливостью тягловой скотины был рожден для этих полей.

*Et son **loup** de père triomphait, l'appelait vadrouille, lui demandait si elle en avait assez et si elle comprenait suffisamment qu'elle devait lâcher l'espoir de lui échapper, à cette heure* (242, с. 31). – А зверь-отец торжествовал, называл ее илюхой, спрашивал, довольно ли с нее, поняла ли она, наконец, что ей теперь от него не спрятаться.

Alors les enfants se rassemblèrent autour de la grande chaire, montèrent sur le tabouret pour chanter, ouvrirent l'autel; tandis que d'autres, sans prendre de retard, risquèrent bientôt d'entrer dans le confessionnal (222, с. 45). – Тогда дети столпились вокруг большой кафедры, взобрались на табурет для пения, открыли алтарь; а другие, не отставая ни на шаг, вскоре рискнули пробраться в исповедальню.

Puis en voici un vieux qui rit et nous crie, en dansant comme un ours: - Fous, fous, nous sommes tous fous, moi, toi, le médecin, le gardien, le bey, tous, tous fous! (208). – А вот старик, который смеется и, приплясывая, как медведь, кричит нам: - Сумасшедшие, сумасшедшие, все мы сумасшедшие: я, ты, доктор, сторож, бей — все, все сумасшедшие!

Entre les deux jurons de l'autre, il se répétait à voix basse. - Allez, allez, calmez-vous, serpent! (208). – Между двумя ругательствами друг другу он повторял вполголоса. - Иди, иди, успокойся, змея!

Moi, dit Paul, je sais comment il faut faire: je me coucherai à plat ventre - et je glisserai comme un serpent, sans respirer! (208). — А я знаю, — сказал Поль, — как надо сделать: я лягу на живот и подползу к ним тихонько, как змея, ни разу не дыхну даже!

Развивая концепцию о том, что в любом естественном языке существует эмотивная семантика — отражение эмоций в языке, можно сделать вывод, что она (эмотивная семантика) не является однородной: один из её видов — эмотивное значение — является значимым и обязательным. Несмотря на свою самостоятельность эмотивное значение связано с конкретными образами, которые уже созданы и социологизированы, и не могут существовать независимо от понятий.

Заложенный В.И. Шаховским базис «лингвистики эмоций» был расширен О.Е. Филимоновой, которая рассматривала данное явление в междисциплинарном русле (автор опиралась не только на исследования эмоций в лингвистике, но и в психологии). Согласно точке зрения О.Е. Филимоновой, «исследование реализации эмоций в художественном тексте будет плодотворным при интеграции таких наук, как: психология, лингвистика текста, стилистика, прагмалингвистика, когнитология, литературоведение» [152, с. 49].

Придерживаясь позиции В.И. Шаховского, при изучении эмоционально-окрашенной лексики, мы выделяем следующие аспекты:

1. Разграничение эмотивных единиц, служащих фиксированию разных выражений эмоций.
2. Эмотивная модель mind style и ее влияние на языковую картину мира.
3. Речевая функция эмоции.
4. Соответствие эмотивных единиц в системе различных языков мира.
5. Национально-культурная специфика выражения эмоции.
6. Отличительная черта эмотивности языка и его компонентов.
7. Взаимообусловленность лингвистики и паралингвистики эмоций.
8. Эмотивность текста
9. Прагматическое описание и реализация эмоций, имитация эмоций [159, с. 23].

Исходя из того факта, что эмоции – это неотъемлемое явление человеческой коммуникации: «инструмент, при помощи которого исследуется динамическое эмоциональное взаимодействие языковой личности и окружающей действительности» [159, с. 50], отправная точка, констатация общепризнанного факта. Эмоции не просто присутствуют в общении, они неотделимы от него. Человек не может общаться совершенно бесстрастно, даже попытка быть нейтральным передает определенный эмоциональный посыл. Главной проблемой в лингвистике эмоции выступает проблема человеческой эмоции, человек в языке. Здесь формулируется основная проблема, которой занимается лингвистика эмоций. Это изучение того, как эмоции человека проявляются и отражаются в языке. Лингвисты, изучающие эмоции, пытаются понять: как язык кодирует и передает эмоции; как эмоции влияют на выбор слов, грамматику и структуру высказываний; как люди воспринимают и интерпретируют эмоциональный окрас речи; как культура и социальные нормы влияют на выражение и понимание эмоций в языке; как человек использует язык для выражения, подавления, или манипулирования эмоциями. Эмоциональные средства представлены как инструмент для достижения целей коммуникации. Они позволяют: устанавливать контакт и взаимопонимание;

передавать более глубокий смысл и нюансы; влиять на поведение и мнение собеседника [159, с. 67].

Невзирая на то, что в современной лингвистике эмоции начали исследоваться не так давно. Констатируется факт, что систематическое и глубокое изучение эмоций в лингвистике – относительно недавнее явление. Исторически, лингвистика больше фокусировалась на формальных аспектах языка (грамматика, синтаксис, фонетика) и менее на его эмоциональной составляющей. Однако, в последние десятилетия интерес к этой области значительно возрос. Данная область имеет хороший потенциал. Несмотря на новизну, изучение эмоций в языке (лингвистика эмоций) обладает значительным потенциалом для развития и расширения наших знаний о языке, общении и человеческом познании в целом. Этот потенциал обусловлен тем, что эмоции пронизывают все аспекты человеческой жизни и, следовательно, оказывают огромное влияние на язык. В языкознании появилось новое течение – эмотиология. Обозначается, что в рамках лингвистики сформировалось отдельное направление, посвященное изучению эмоций – эмотиология. Термин "эмотиология" подчеркивает научный и систематический подход к изучению эмоций в языке. Данное направление представляет собой комплекс научных исследований в разных сферах знаний, которые затрагивают анализ эмоций, эмоциональной сферы человека. Эмотиология описывается как комплекс научных исследований. Это означает, что она не ограничивается только лингвистикой, а взаимодействует и интегрирует знания из других дисциплин, таких как: психология: для понимания природы эмоций, их когнитивных и физиологических механизмов; социология: для изучения влияния социальных факторов и культурных норм на выражение и восприятие эмоций; нейронаука: для исследования нейронных коррелятов эмоций и их связи с языком; искусственный интеллект: для создания моделей и алгоритмов, способных распознавать и генерировать эмоции в речи; философия: для рассмотрения этических и гносеологических аспектов эмоций.

Изучение эмоций в лингвистике – относительно новая, но перспективная область. Появилось специализированное направление – эмотиология. Эмотиология – междисциплинарное направление, объединяющее знания из разных областей для всестороннего анализа эмоций и их проявлений.

2.2. Способы репрезентации эмоций в художественном тексте

Эмоциональный компонент выступает основным составляющим семантической структуры художественного текста. При этом следует заметить, что эмоциональное состояние персонажей наблюдается не прямо, а посредством специальных мотивных знаков языка, которые можно наблюдать непосредственно [160, с. 64]. Интересна относительно данного положения позиция В.И. Шаховского: «Художественное произведение отражает реальную или вымышленную жизнь людей, полной эмоции, чувств и переживаний» [160, с. 64]. Художественная литература, будучи стилизацией объективной реальности, содержит данные о реальной жизни, репрезентирует эмоции, переживания, чувства во всем многообразии.

Данной позиции придерживаются многие лингвисты: Л.Г. Бабенко [2004], И.А. Бескова [2011], М.Л. Бутовская, В.В. Воинова [2006], С.А. Григорьева [2001]. В художественных произведениях писатели широко применяют различные стилистические приёмы: повторы, сравнения, вариации, градации. Данные приёмы дополняют, усиливают реализации, эмоционального состояния, испытываемые персонажами. Также следует заметить, что в художественном тексте наравне с указанными приёмами широко используются слова-конкретизаторы, которые выполняют те же функции, что и указанные приёмы.

Анализ эмотивности художественного текста требует учета таких эмотивных смыслов, как:

1. Эмоционально-оценочные
2. Изобразительно-жестовые.

3. Интерпретационные [20, с. 134].

Оценочные высказывания персонажей, как правило, включают эмоциональные смыслы, которые Л.Г. Бабенко относит к высказываниям-экспрессивам [20, с. 122]. В свою очередь, эмоционально-оценочные смыслы включают **эмотивно-оценочные рефлексy**. Особенность данных рефлексов заключается в том, что они замкнуты в субъекте и направлены на самого говорящего.

Приведем примеры:

- *Мегӯям, ки омодаӣ? – Ба чӣ? – Пешидмат меояд. – Ҳа-а, - табассум кард ӯ, - ман ҳамеша омодаам. Пешидмат, духтараки бисту панҷ сисолаи муғулсимо ба хизмат ҳозир шуд ва ба додситон рӯ овард:*

- *Как всегда?*

- *Не, не – саросема гуфт ӯ. – имрӯз ҳар чӣ ки ин кас фармояд. Пешидмат бо хушҳолӣ гуфт:*

- *У вас гости?*

- *Не, меҳмон ман! – хушнудона гуфт додситон. – Мизбон ин кас. Маро меҳмондорӣ мекунад (207). – Я говорю, что ты готов? – К чему? – Приходит официантка. – Да, - улыбнулся он, - я всегда готов. Официантка, двадцатилетняя смуглая девушка, обратилась к прокурору:*

- *Как всегда?– Нет, нет, - поспешно сказал он. - что бы этот человек не приказал сегодня. Официантка с радостью сказала:- Он ваш гость?- Нет, мой гость! - радостно сказал прокурор. - Хозяин этот человек. Он меня сегодня угощает.*

-*En voici bien d'une autre! s'écria-t-il gaiement (240, с. 167). – Вот тебе и раз! – весело воскликнул он.*

Elle s'approcha avec eux, elle s'écria de son air gai: – Tiens! (242, с. 189). – Подойдя к мужу, она, как всегда, весело воскликнула: - Да!

Ah! te voilà, père la Joie! s'écria-t-elle gaiement, en l'apercevant (243, с. 47). - А, вот ты где, кутила! - весело воскликнула Бабетта, увидя Буррона.

Эмотивно-оценочные регулятивы направлены, напротив, на собеседника. Ярким атрибутом эмотивно-оценочных регулятивов выступает коннотативная лексика, а сам текст относится к разговорному стилю:

Rosalie, que l'allocution du prêtre ennuyait, tourna vivement la tête, souriant à l'enfant (242, с. 20). – Розали наскучила проповедь священника; она **живо повернула** голову и улыбнулась малютке.

Изобразительно-жестовые смыслы предназначены, чтобы мимикой, жестами показать внутреннюю, скрытую эмоциональную жизнь персонажей. Другими словами, данные эмотивные смыслы реализуются имплицитно. Например:

- Бале, сивудуто! Чаро ин қадар зиёд? Барои он ки хӯрад! Пеиҳизмат абрӯвони думи мораширо ба ҳам кашида, пурсид: Все? Тамом! Вале ӯ нарафт. Ба додситон нигарист. Додситон ба Шариф шараф рӯ овард. – И-и-и ... Э қоил-е! О, чизи асосиро фаромӯш кардӣ-кӯ? – Чиро? Додситон бо **лабханд гуфт**: Ороми ҷонро. Вай ба худ қиёфаи ҷиддӣ гирифта пурсид: - Ороми ҷонаш чӣ? – Ўҳӯ! – бо ханда нидо кард додситон. – Ороми ҷон – арақро! Вай **мутаҳайир ба ӯ нигарист**. – Шумо арақ менӯшед? О, рӯзи корӣ-ку? – Инро бин-а? Э ҳайрияте, майнаи карахту хоболуди маро ба кор даровардӣ. Як ба атроф нигар. Ҳама менӯшад (207). – Да, все тридцать два. Почему так много? Чтобы поел! Официантка, нахмутив брови, спросила: - Всё? Всё!. Но она не уходила. Смотрела на судью. Э-э-э. Самое главное забыл! Что? Спокойствие! Он спросил: “Какое спокойствие?”. – Водку! Он странно посмотрел на него. – Вы пьёте? – Так сейчас рабочее время. Э-э, какой ты странный. Оглянись, все пьют.

Il débarrassait un buste de ses linges, il montra une figure longue, allongée encore par des favoris, monstrueuse de prétention et d'infinie bêtise (243, с. 34). – Он раскутал один из бюстов и показал **вытянутое лицо**, еще более удлиненное бакенбардами, лицо, изобличавшее чудовищное самомнение и непроходимую глупость.

Il tressaillait d'avance de plaisir à la pensée de la tête son chef et ses collègues (208). – Он затрепетал от восторга, представив себе, как **вытянутся лица** у начальника и сослуживцев.

В приведенных выше текстах мимические жесты *абрувони думи мораширо ба ҳам кашида* – приподняв брови; *лабханд гуфт* – досл. Улыбающиеся губы – улыбнувшись; *figure longue* – вытянутое лицо являются указанием на реализуемую эмоции удивления, радости, при вербальное проявления эмоции не наблюдается.

Интерпретационный смысл является базовым и олицетворяет скрытое состояние души персонажей [20, с. 119].

Например:

Dents serrées, front plissé, j'appuyai mes mâchoires sur les poignets et mimai la concentration afin de contenter mon maître (208). – Сжав зубы и наморщив лоб, я **подпер голову** руками и, чтобы не гневать учителя, изобразил **сосредоточенность**.

Следует заметить, что функцию своеобразных эмоциональных маркеров могут выполнять лексические единицы состояния, отношения, воздействия, качества, описания.

Н.Ф. Ежова, исследуя основные средства языковой реализации эмоций, выделяет следующие средства выражения эмоциональных концептов.

1. Лексические единицы, номинирующие многообразные эмоции и чувства человека.
2. Лексические единицы, описывающие эмоции и чувства человека.
3. Эмотивные средства. Данный способ, как отмечает Н.Ф. Ежова, является самым объёмным [77, с.12].

Языковые средства реализации эмоций в художественных произведениях являются главной составляющей. Также необходимо отметить, важную роль неязыковых способов выражения эмоции, которые порой дополняют и заменяют речь. Анализ языкового материала на таджикском и французском

языках показал, что невербальные средства выражения эмоций широко представлены. Интерес в данном аспекте представляет исследование эмоций, проведенное В.В. Воиновой на материале детской речи. Согласно В.В. Воиновой, авторы детской речи используют языковые единицы, описывающие жесты персонажей [42, с. 9].

О.Е. Филимонова, изучая особенности выражения эмоций в художественной литературе, отмечает следующее (на материале современной драматургии), «ремарки категории эмотивности представлены описанием невербальных способов реализации эмоций и способов, сопровождающих языковое выражение эмоций (описанием голоса, выражением лица, описание походки и т.д.)» [152, с.25].

Приведем примеры:

Модагург мингосанон гириста, чунон ки ба думаи отаи афтида бошад, дар атрофи худ бадард гирд мегашт. Гоҳ-гоҳ хуни болои сангҳо ва тани сарду бепошти Ғазабро бўй мекашиду аз ранҷу алам аз гояти раҳму шафқат бадтар девона шуда, бо гирд мегашт. Баъд вай муддате ба сурин нишаста, ба он чизе, ки аз Ғазаб монда буд, дуру дароз нигарист; дигар оби дида намерехт, - хушк гардида буд чашмаи ашкаш гӯё тамоманМодагург ба осмон назар давонд ва маҳтобро ёфта, ба сӯяи, чун ба ӯ Офаридгори ҳама вучуди зинда, аз мағз-мағзи дилу қигар уллос кашид. Ба ин уллоси ҷонситон дараҳо пайиҳам акси садо доданд. Вай боз уллос кашидан хост, ки ин чӣ бераҳмӣ! Вале натавонист: ба ҷойи он аз гулуяи мингосе баромад, ки беиштар нолаи беморро дар интизори марги ногузир мемонд (213, с. 63). – Волчица жалобно заскулила и продолжала крутиться на месте, словно что-то обожгло её хвост. Она обнюхивала, запёкивающую на камне кровь и изуродованное тело Серого. Она кружилась снова и снова от боли, страдания, скорби и желания отомстить – особенно той рыжей собаке, с отрезанными ушами. Потом она присела и не отрывала взгляд с того, что ещё вчера было Серым, но она уже не плакала, словно навсегда высок родник её слёз. Она подняла глаза к небу,

найдя круглую луну, издала жалобный вой. Всем своим существом, болью на сердце она обратилась к Создателю, жалуясь ему на несправедливость. Словно эхо повторялся в ущельях её душераздирающий вой. Она перевела дыхание и хотела завывать еще и пожаловаться на жестокость людей, но **голос ее сорвался, и она издала звук, похожий на слабый плач.**

Dans cette foule bruyante, on remarque un groupe de trois personnages qui s'entretiennent à voix basse avec des gestes désespérés. C'est Gabriel, le maître de chant; Mercier, l'administrateur, et le secrétaire Rémy (208). – В этой нестройной толпе трое мужчин о чем-то спорили **низкими голосами**, отчаянно жестикулируя: Габриэль, хормейстер, Мерсье, администратор, и Реми, секретарь.

Mais à peine Meaulnes avait-il pu jeter un coup d'oeil, qu'il entendit sur le palier un bruit de pas étouffé et de conversation à voix basse (208). – Но едва Мольн успел взглянуть на них, как на лестнице послышался приглушенный шум **шагов и тихие голоса.**

Таким образом, в художественном тексте для репрезентации эмоции, наравне с собственно эмотивными способами, особая роль отводится невербальным средствам выражения эмоционального состояния персонажей.

В художественном тексте неязыковые или параязыковые способы репрезентации эмоции выступают неотъемлемым атрибутом не только речевого акта, но и в письменной речи. Коммуникативный акт содержит неязыковые способы выражения эмоции, которые могут быть представлены посредственно. Исходя из данного факта, авторы произведения, используя различные средства репрезентации эмоций, по-разному могут использовать их в определенном контексте [105, с. 132].

Согласно Г.Е.Крейдлину, неязыковые высказывания, являются смысловой сферой человека. Следовательно, его следует рассматривать как непосредственный канал передачи личностных смыслов [88, с. 129]. Однако важно отметить, что невербальные способы выражения эмоций в устной

коммуникации является главной составляющей, при этом могу быть не только намеренным, но и ненамеренным. Однако в письменной речи им отводится второстепенная роль, они – не обязательное условие существования коммуникации, так как только авторский замысел определяет наличие или отсутствие неязыковых компонентов в художественном повествовании [38, с. 23].

Параязыковые средства в структуре художественного текста очень важны и обязательны, так как они придают речи героев точность, приближают коммуникативную ситуации в текстовом пространстве к ситуации межличностного общения.

Многие исследователи отмечают, что именно невербальные средства репрезентации эмоций являются наиболее достоверными, так как они в меньшей степени подвергаются ментальному контролю. Многими лингвистами неязыковые способы реализации эмоции рассматриваются как спонтанные или бессознательные, при этом всегда искренние, вопреки языковым средствам [118, с. 17]. Понятие параязык, введенный для номинации невербальных способов репрезентации эмоций, выражает факторы, явления объективной действительности для сопровождения речи. Параязык не является языковым материалом. В частности, голосовые модуляции (изменение высоты, тона, тембра, громкости и т.д.), пауза неуверенности, визуальный контакт участников общения [105, с. 106]. Г.Е. Крейдлин рассматривает параязык как «звуковой код дополнительный к речевому коду, включенный в процесс коммуникации и способный в данном процессе передавать смысловую информацию» [98, с. 24].

А.Т. Хроленко, исследуя употребление параязыковых средств в художественном тексте, выделяет следующие структурные элементы: паралексему и паракинему. Согласно А.Т. Хроленко, паракинема – это слово или группа слов, которые описывают конкретный жест. Паралексема представляет собой слово или группу слов, которые передают закреплённую в тексте интонацию или различные фонации [90, с. 125].

Выводы по второй главе

В результате изучения эмоций в лингвистике, а также способов использования эмоций в художественных текстах был сделан следующий вывод.

Языковые и неязыковые эмоции, функционированию которых посвящена данная диссертационная работа, мы относим к активным эмоциям, которые влияют на человеческую деятельность и к эмоциям с высокой степенью интенсивности.

Лингвисты рассматривают эмоции в русле нового направления науки эмотиологии, решающей также вопросы взаимодействия эмоции и когнитологии. Нельзя не заметить, что при кажущейся многоаспектности и обширности исследований еще многие свойства эмоций недостаточно познаны (еще познаются, требуют дополнительного рассмотрения). Так, в частности, функционирование эмоций в художественном тексте могут быть рассмотрены в новом ключе (с учётом специфики разноструктурных языков), так как эмоциональная составляющая представляет собой важный атрибут любого художественного произведения. В художественном тексте могут функционировать разные эмотивные смыслы. К эмотивным смыслам относятся: эмоционально-оценочные, изобразительно-жестовые и интерпретационные. Данные смыслы репрезентируются в текстовом пространстве как при помощи языковых элементов, так и параязыковых компонентов, которые также значимы в репрезентации различных эмоций.

Наряду с этим необходимо отметить следующее: в любом естественном языке существует эмотивная семантика – отражение эмоций в языке, можно сделать вывод, что она (эмотивная семантика) не является однородной: один из её видов – эмотивное значение – является значимым и обязательным. Несмотря на свою самостоятельность эмотивное значение связано с конкретными образами, которые уже созданы и социологизированы, и не могут существовать независимо от понятий.

ГЛАВА III. ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

3.1. Вербальные средства реализации базовых эмоций: лексико-синтаксический аспект

Современный этап сопоставительных исследований разносистемных языков характеризуется повышенным интересом к лингвопереводческим аспектам анализа языковых средств. Этот интерес обусловлен тем, что сопоставительные исследования нацелены на выявление изоморфных черт в системах двух языков. Теория перевода имеет дело с текстами, в которых нет разделения на отдельные единицы и ярусы языковой структуры

Сопоставительное языкознание занимается не только установлением номенклатур, оно также выявляет семантические и структурные универсалии и своеобразие различных языков. Данные различия релевантны для теории и практики перевода, однако для сопоставительного исследования важным является семантическое соотношение первоисточника и языка перевода.

В настоящее время не мало исследований, посвященных контрастивному анализу текстов переводов, несмотря на тот факт, что цели и задачи сравнительной типологии и теории перевода часто не совпадают по своей научной перспективе. Данное положение является правомерным исходя из того, что парадигматические противопоставления языковых единиц, грамматических форм, синтаксических моделей и стилистические приемы не дают всей картины, исходя из того, что фактические материалы исследований обладают иными свойствами в статике, в отличие от динамики. Именно материалы переводов позволяют выявить межъязыковые корреляции. В материалах оригинала и переводе потенциальный эквивалент слова и его конструкции, выявленные парадигматически, подвергаются проверке на субституцию,

подкрепленную количественными данными, частотностью встречаемости в этих текстах и взаимозаменяемости, что порой очень существенно корректирует наши представления об анализируемых явлениях. На основе материалов переводов исследователь определяет частотность встречаемости окказиональных эквивалентов, у некоторых у которых, находящихся на парадигматической периферии, частотность в практике перевода достаточно высока.

Исследования показывают, что в процессе перевода иногда происходит следующее: слова или фразы, которые часто используются для перевода (частотные эквиваленты), не являются прямыми соответствиями с точки зрения лингвистической теории (парадигматически не отождествляются). Их обычно не рассматривают как стандартные, системные эквиваленты, которые можно найти в словарях. Вместо этого, в переводе они образуют новую, контекстуально обусловленную связь (синтагматическую парадигматику) между единицами исходного и переводного языка.

Сравнение языков позволяет лучше понять каждый из них, потому что многие уникальные черты каждого языка становятся очевидными только при сопоставлении. Следовательно, эффективная теория перевода может быть создана только на основе глубокого изучения общих черт и различий между двумя конкретными языками, участвующими в переводе – исходным и целевым [136, с. 148].

В области сопоставительной лингвистики, которая занимается сравнением языков, сейчас можно выделить два основных подхода:

1. Сравнение отдельных слов: анализ того, как слова с похожим значением соотносятся в разных языках;
2. Сравнение групп слов: изучение целых групп слов, объединенных общим значением или темой, и того, как эти группы организованы в разных языках [74, с. 265].

В сопоставительных лингвистических исследованиях выделяются два методологических подхода, различающихся по объекту и цели анализа. Первый подход (анализ отдельного слова). Объект анализа данного подхода является отдельная лексическая единица, выступающая в роли как отправной точки, так и конечного результата исследования. Анализ проводится путем сопоставления выбранного слова с другими лексическими единицами в пределах языка (синонимы, антонимы). Однако эти связи рассматриваются как вспомогательные инструменты, обеспечивающие более глубокое понимание семантической структуры анализируемого слова, но не являющиеся самостоятельным предметом исследования. Целью данного метода является углубленное понимание семантических и функциональных характеристик конкретной лексической единицы посредством ее сопоставления с эквивалентами в другом языке. Второй подход (анализ лексико-семантической группы). Объектом анализа выступает лексико-семантическая группа (ЛСГ), представляющая собой совокупность слов, объединенных общим семантическим признаком. Анализ начинается с выделения сопоставимых ЛСГ в обоих языках. Затем проводится детальное исследование структуры этих групп, выявляются семантические связи между членами ЛСГ внутри каждого языка, а также устанавливаются межъязыковые соответствия между отдельными лексическими единицами, входящими в сопоставляемые ЛСГ. Целью данного подхода является определение структурных и семантических различий между отдельными лексическими единицами, входящими в сопоставляемые ЛСГ, а также выявление различий в составе и организации самих ЛСГ в двух языках. Данный подход направлен на раскрытие системной организации лексики в каждом языке и на выявление различий в концептуализации определенных областей действительности.

Семантически близкие слова рассматриваются как потенциальные, а не абсолютные эквиваленты. Это подчеркивает необходимость учета контекста и других факторов при определении фактической эквивалентности в конкретном

случае перевода. Признание эквивалентности указывает на существование связи между лексическими единицами разных языков, что делает возможным перевод. Это ключевое понятие для практической реализации межъязыковой коммуникации. Однако следует заметить, что эквивалентность не означает идентичность. Каждый язык отражает уникальную картину мира, культуру и историю народа. Перевод должен стремиться к передаче смысла, но не должен «выравнивать» или «стирать» эти национальные особенности [140, с. 10].

Обнаружение алломорфных и изоморфных характеристик в семантической структуре и сочетаемости лексических единиц различных языков осуществляется посредством сопоставительного анализа. Важность и необходимость применения данного метода неоднократно акцентировались в научных трудах лингвистов, как отечественных, так и зарубежных: Д. Нурматов [2006] – Национальная специфика и универсальные свойства глаголов со смысловой основой отношения в таджикском и русском языках: сопоставительный аспект, Функционально-семантическое поле модальности предложения и способы его выражения в разносистемных языках: на материале английского, русского и таджикского языков; Ф.Ш. Солихов [2015] – Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках; Н.Р. Ганиева [2004]; В.Г. Гак [2018].

Полностью разделяем точку зрения Р.А. Будагова, который справедливо указывает на существенный дисбаланс между практическим знанием переводчиков о сходствах и различиях в семантике соотносительных лексических единиц разных языков и недостаточной разработанностью данной проблематики в рамках теоретической семасиологии. Р.А. Будагов подчеркивает необходимость проведения специализированных исследований, направленных на систематическое изучение специфики значений и правил сочетаемости соотносительных слов в различных языках [32, с. 19].

Эффективное выявление и систематическое описание специфических характеристик соотносительных лексических единиц двух языков требует

применения четко определенной методологии, включающей комплекс взаимосвязанных аналитических процедур, направленных на раскрытие сущности этих особенностей. Таким образом, разработка и применение четкой методики сопоставления соотносительных лексических единиц является необходимым условием для получения достоверных результатов.

Сопоставительные исследования лексики неразрывно связаны с процессом перевода. Ряд исследователей в области лингвистики придерживаются точки зрения, согласно которой ядром сопоставительного анализа является установление эквивалентности между явлениями в двух или более языках, проявляющейся в их взаимной переводимости, хотя бы частичной. После установления факта эквивалентности, проводится дальнейший анализ, направленный на выявление как сходств, так и различий между данными языковыми явлениями" [143, с. 215].

В ряде лингвистических исследований был эмпирически подтвержден эвристический потенциал использования перевода в качестве верификационного критерия при проведении сопоставительных анализов. Данный подход позволяет выявлять системные отношения в лексике, специфические особенности семантических структур и моделей сочетаемости, а также национально-культурную обусловленность сопоставляемых языков (см., например, [46, с. 19].

Для достижения адекватного понимания системы лексико-семантических взаимосвязей между соотносительными лексическими единицами, необходимо проведение систематического и всестороннего анализа репрезентативного корпуса контекстов употребления исследуемой леммы, сопоставляемых с их переводами на другой язык. При этом, для обеспечения сопоставимости данных, целесообразно ограничить выборку контекстов рамками одного жанра [64, с. 87].

Для обеспечения надежности сопоставительных лингвистических исследований, все количественные и качественные параметры анализируемых

объектов должны определяться на основе репрезентативных выборок из сопоставляемых языков. При этом, необходимо соблюдение принципа паритетности, подразумевающего идентичный объем выборок для каждого языка, а также принадлежность текстов, составляющих выборки, к одному и тому же функциональному стилю. Это позволяет минимизировать влияние посторонних факторов и обеспечить сопоставимость полученных данных.

Согласно Г.В. Быковой, методология научного исследования представляет собой системную организацию, где ядром конкретного лингвистического метода является специфический аспект языка, выступающий в качестве объекта изучения. Исследование данного аспекта предполагает разработку и применение комплекса взаимосвязанных научно-исследовательских приемов, а также определение аспектов исследования и методики их практической реализации [33, с. 23].

В лингвистике проводится четкое разграничение между тремя методологическими подходами, использующими приемы сравнения и сопоставления языковых явлений: сравнительно-историческим, типологическим и сопоставительным. Согласно мнению ряда исследователей, отличительной чертой сопоставительного метода является акцент на синхронном анализе фонологических, лексических и грамматических аспектов языков, безотносительно к их генеалогической классификации. Более того, целью сопоставительных исследований является не столько выявление универсальных лингвистических закономерностей, сколько обнаружение специфических особенностей изучаемых языков, установление их идиоматичности и уникальности относительно друг друга [143, с. 34].

В лингвистических исследованиях акцентируется системный характер сопоставительного анализа, представляющего собой упорядоченную последовательность этапов, направленных на решение ряда типовых задач. Особого внимания заслуживает работа Ю.Н. Пинягина, представляющая собой

ценный вклад в разработку методологии сопоставительных исследований [128, с. 10].

Предлагаемая нами методология сопоставительного исследования эмотивной лексики (ЭС), интегрирующая переводческие аспекты, представляет собой двухэтапный процесс, структурированный по принципу «от языка к речи».

Этап 1.

Сопоставление в плане языка (Systemic Level). Целью данного этапа является выявление потенциальных эквивалентов эмотивной лексики таджикского и французского языков на основе анализа их системных свойств.

Методы данного этапа: анализ лексикографических источников (толковых словарей, тезаурусов) для определения семантической структуры лексических единиц (ЛЕ); отождествление совпадающих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) на основе их денотативного и коннотативного значений; квантификация степени семантической близости между каждой парой соотносительных лексем (таджикская ЛЕ - французская ЛЕ) посредством присвоения коэффициентов семантической близости (КСБ). КСБ отражают степень перекрытия семантических признаков и могут быть основаны на различных метриках (например, Cosine Similarity, Jaccard Index), примененных к векторизованным представлениям семантических структур ЛЕ.

Задачи данного этапа следующие:

1. Декомпозиция семантических структур ЛЕ на основе словарных дефиниций и компонентного анализа.
2. Определение ЛСВ с максимальным семантическим соответствием между языками.
3. Оценка КСБ для каждой пары соотносительных ЛЕ, отражающая степень их семантической близости в языковой системе.

Второй этап исследования представляет собой сопоставление в плане речи (Textual/Syntagmatic Level).

Целью данного этапа является верификация и уточнение результатов первого этапа на основе анализа контекстуального употребления ЭС в аутентичных текстах (корпусе данных).

Методы, используемые при данном этапе исследования следующие: анализ синтагматических связей ЭС в текстах с акцентом на сочетаемость и валентность; сопоставление моделей синтаксической сочетаемости ЛСВ в таджикском и французском языках; анализ переводческих соответствий на уровне словосочетаний для выявления случаев семантического сдвига и структурных трансформаций; исследование транспозиции (межъязыковых изменений категориальной принадлежности) как проявления алломорфизма (вариативности) во взаимодействии семантики и структуры компонентов словосочетаний.

Задачи:

1. Уточнение семантических структур ЛЕ с учетом контекстуальной информации.

2. Выявление доминирующих тенденций в лексической сочетаемости ЛЕ.

3. Использование валентного набора ЛЕ (количества и типа зависимых слов) в качестве формального критерия для подтверждения или корректировки КСБ, полученных на первом этапе.

4. Оценка степени семантического и структурно-семантического тождества и идиоматичности таджикских и французских словосочетаний по отношению к их переводческим эквивалентам.

5. Исследование транспозиции как одного из механизмов адаптации при переводе, отражающего различия в структурной организации и семантической выразительности ЭС в таджикском и французском языках.

Последние три задачи второго этапа (пункты 3-5) непосредственно используют данные перевода для анализа. Переводческие соответствия рассматриваются как индикаторы семантической и структурной

эквивалентности, а также как проявления алломорфизма (различных способов выражения одного и того же смысла) в разных языках.

Переходим к анализу базовых эмотивных лексем «*хушӣ – joie – радость*» и «*ғам – affliction – печаль*» в таджикском и французском языках по первому этапу.

Далее более подробно рассмотрим значение эмотивной лексемы *хушӣ – радость*.

Словарная дефиниция данной лексемы: *Хушҳолӣ – довольство; удовлетворение; радость, веселье* (2, с. 669).

Мы также установили семантические блоки данной лексемы. Они выглядят следующим образом.

1. *Хушнудӣ – радость*
2. *Хушҳол – довольный; радостный; веселый.*
3. *Хушҳолкунанда – радующий, веселящий; отрадный, радостный.*
4. *Хушҳолона – довольно; радостно, весело; довольный; радостный, веселый.*
5. *Шодмонӣ – радость.*
6. *Шодӣ – радость, довольство.*

В данный блок мы также включили лексическую единицу *хуш* – 1. *Хуб, нек; зебо, дилкаш – хороший; красивый, привлекательный.*

Одно из значений данной лексемы – *шод, хурсанд, хуррам – радостный, счастливый* (199, с. 512).

Лексико-семантические варианты таджикской эмотивной лексемы: *хурсандӣ, шодӣ, хушнудӣ, шодмонӣ, хушӣ – радость.*

В толковом словаре французского языка слово *joie – радость* имеет значение (7): *Sentiment de plaisir, de bonheur intense, caractérisé par sa plénitude et sa durée limitée, et éprouvé par quelqu'un dont une aspiration, un désir est satisfait ou en voie de l'être : Ressentir une grande joie. Être fou de joie. – Чувство удовольствия, сильного счастья, характеризующееся своей полнотой и*

продолжительностью и испытываемое тем, чье стремление, желание удовлетворено или находится в процессе удовлетворения: Испытывать большую радость. Быть вне себя от радости.

Семантические блоки:

1. **Bonheur** – *Bonne chance, circonstance favorable : Nous avons eu le bonheur d'arriver à temps* – Удача, благоприятное обстоятельство – Радость – это счастье.

2. **Plaisir** – *État de contentement que crée chez quelqu'un la satisfaction d'une tendance, d'un besoin, d'un désir* – Состояние удовлетворенности – Радость – это удовольствие.

3. **Tristesse** – *État de quelqu'un qui éprouve du chagrin, de la mélancolie ; affliction* – Состояние человека, переживающего горе, меланхолию; несчастье – Радость – отрицательная ассоциация.

4. **Sourire** – *Témoigner à quelqu'un de la sympathie, de l'affection, de la gentillesse, en lui adressant un sourire* – Показывать кому-то сочувствие, привязанность, доброту, подарив им улыбку – Радость – положительная ассоциация.

Интересно заметить, что известное французское выражение «*sapacité à vivre*» - «умение жить» – обозначает радоваться каждой минуте, каждому дню; умение радовать себя каждый день.

Лексико-семантические варианты лексемы **joie** – **радость**: *allégresse* - *béatitude* - *exultation* - *félicité* – *jubilation* – *радость* - *блаженство* - *ликование* - *блаженство* – *ликование*.

Со всей определенностью можно утверждать, что французская лексема **joie** – **радость**, первоначально связанная с идеей удовольствия, ассоциируется с образом человека. Данная лексема чаще всего употребляется при описании характера человека, в то время как таджикская лексическая единица **хушӣ** – **радость** характеризует состояние человека. Французская лексема в отличие от таджикской имеет также отрицательную коннотацию.

Обратимся к рассмотрению лексических эмотивов «**гам** – **affliction** *печаль*».

В толковом словаре таджикского языка слово **гам** имеет значение (199. с. 645):

Гам – гусса, андӯҳ, хафагӣ – печаль, грусть, скорбь.

Гам гирифташ – аз касе қасос ва ниқор гирифташ – совершить месть по отношению кому-либо.

Гам гусордан – гам хӯрдан, гам дидан – печалиться.

Французская эмотивная лексема **affliction** имеет значение [www.larousse.fr]: *Peine profonde ; abattement, détresse* – (лат. церковная скорбь) Литературный. *Глубокая печаль; уныние, бедствие.*

На материале таджикско-русского словаря мы выделили семантические блоки слова **гам** (2, с. 166).

1. **Забота.** *Дар гами касе будан – забодиться о ком-либо.*
2. **Тревога.** *Гами зиндагӣ, гами рӯзгори хона, гаму қулфат – жизненные невзгоды.*
3. **Помощь.** *Гами касеро хӯрдан - помогать кому-либо, печалиться о ком-либо.*
4. **Собственное благополучие.** *Дар гами ҷони худ будан – думать о собственном благополучии.*

Семантические блоки французской лексемы **affliction** выглядят следующим образом.

1. *État de quelqu'un qui est abattu physiquement ou moralement ; épuisement, prostration, découragement : Une période d'abattement causé par la maladie. – Состояние человека, который физически или морально угнетен; истощение, прострация, уныние: период депрессии, вызванный болезнью.*

2. *État d'un lieu inhabité, désert, dépourvu de verdure : Pays de désolation. – Безлюдное место, пустыня.*

3. *Peine extrême, affliction extrême ; consternation : Être plongé dans la désolation.* – Крайняя скорбь; смятение: погрузиться в печаль.

4. *Ce qui est cause d'une grande contrariété .* – То, что вызывает сильное раздражение.

Второй этап сопоставления, как было отмечено выше, представляет собой исследования соотносительных лексем в художественной речи.

Примеры из художественной литературы:

Ин дили шоди маро ношод кардй, шод бош,

Орзуҳои маро барбод кардй, шод бош.

Аз туву аз ишқу аз меҳру сафову мардумй

Ҳар чй ҷамъ оварда будам, бод кардй, шод бош.

Гуфта будам мерасй бар доди дил, фарёди дил,

Доди ман нашиндаву бедод кардй, шод бош! (207).

Ты сделала мое счастливое сердце несчастным, будь счастлива

Ты разрушила мои мечты, будь счастлива.

От тебя, от любви, от добра и человечности

Что бы я ни собирал, ты все разрушила, будь счастлива.

Я сказал, что ты достигнешь “крика сердца”,

Ты не слушала меня и кричала, будь счастлива.

Память о тебе словно биение в моем сердце.

На материале французского языка:

Il les écarta de ses genoux, ressentant de la douleur, sentant leurs mains reposer sur ses vêtements, ne se souciant pas de faire exploser la joie des autres pères (243, с. 78). – Он отодвинул их со своих колен, испытывая боль, чувствуя, как их руки касаются его одежды, не заботясь о них, не чувствуя радости других отцов.

Quelques instants plus tard, elle ne pensait qu'à son entreprise; et ce rêve qu'elle chérissait de ramener Albert à sa famille donnait une sorte de joie naïve à la monotonie de ses activités (242, с. 56). – Несколько мгновений спустя она думала

только о своем бизнесе; и эта мечта, которую она лелеяла, вернуть Альберта к его семье, придавала своего рода наивную радость монотонности его жизни.

La nécessité de la séparation l'a amenée aux larmes; mais elle se répétait avec son grand courage que c'était nécessaire, qu'elle n'aurait plus de paix ni de joie si elle agissait autrement (208). – Необходимость разлуки доводила ее до слез; но она повторяла себе со своим великим мужеством, что это необходимо, что у нее больше не будет ни покоя, ни радости, если она будет действовать иначе.

*Des larmes lui vinrent aux yeux quand on parla du grand-père, et il parut éprouver une **affliction** profonde.* – Он был подавлен всем этим и плакал, слушая рассказы о старике (208).

В своем исследовании мы понимаем значение и смысл не как бинарные понятия, а как принадлежащие к разным языковым уровням и находящиеся собственно в иерархической зависимости друг от друга. При рассмотрении отношений между семантикой слова и текстом мы исходим из структурной организации языка как иерархически организованной системы языковых уровней, «находящихся между собой в определенных закономерных соотношениях» [93, с. 187]. Каждый уровень содержит ограниченный набор неразложимых с точки зрения данного уровня единиц и правил, по которым единицы, сочетаясь друг с другом, образуют единицы другого более высокого уровня. Согласно этой концепции, базисной единицей лексического уровня является слово, единицей синтаксического уровня считается предложение, а единицей суперсинтаксического уровня – микротекст.

Каждое слово содержит в себе определенное значение.

Являясь основой структурно-семантической единицей языка, оно обладает относительной самостоятельностью в пределах языковой системы. Слово – это предельная составляющая предложения, «способная непосредственно соотноситься с предметом мысли» [18].

Представляется необходимым отграничить предложение и микротекст, так как они не являются равноправными уже хотя бы потому, что предложение

является компонентом микротекста, единицей нижележащего языкового уровня.

Основным средством реализации смысла предложения является его формально-грамматическая структура. Она определяет субъектно-предикативные отношения между элементами предложения. «Предикация рассматривается как обязательный и неотъемлемый признак предложения»[53, с. 138]. Если формальная сторона смысла, то есть определение в нем элементов «данного» и «нового» выражена вполне определенно, то эстетическая сторона смыслового содержания в нем только намечена. Она может имплицитно присутствовать в предложении и приобретать языковую эксплицитность только под влиянием всей системы средств связей, действующих в микротексте.

Каждое предложение в микротексте занимает предопределенное место, детерминированное общей интенцией и пропозициональным содержанием отрывка. Линейный порядок следования предложений в синтагматическом ряду является структурообразующим фактором, определяющим смысловую прогрессию и траекторию развития мысли. Конвергенция формально-грамматических (например, анафорические связи, союзные средства), лексических (например, лексические повторы, синонимические замены) и стилистических (например, риторические фигуры, тропы) связей определяет уникальную иерархию смысловых отношений между предложениями, формируя специфическую «субординацию» смыслов.

Семантическая структура микротекста представляет собой сложное целое, подчиняющееся более высоким уровням абстракции и интеграции, чем формально-грамматические отношения внутри отдельно взятого предложения. Другими словами, смысловая связанность микротекста не сводится к простой сумме грамматических связей между его компонентами. Линейная организация лексических единиц отражает динамический процесс развертывания мысли, ее эволюцию и трансформацию от предложения к предложению. В этом

контексте, лексика выступает как инструмент концептуализации и вербализации интенционального содержания.

Степень смысловой значимости отдельных предложений в микротексте определяется посредством функционального анализа, использующего принципы функциональной перспективы предложения (ФПП). ФПП предполагает выделение темы (известной информации) и ремы (новой информации) в каждом предложении и анализ их взаимодействия в рамках микротекста. Предложения, содержащие рематическую информацию, вносящую наиболее существенный вклад в развитие общей темы микротекста, обладают более высокой смысловой значимостью.

В зависимости от доминирующего типа связанности (логической или стилистической) внутри микротекста, выделяются два основных типа смысловых центров: логический и стилистический. Логический смысловой центр характеризуется преобладанием формально-грамматических связей, отражающих логическую структуру рассуждения и причинно-следственные отношения. Если смысловой центр расположен в начале микротекста, то последующие предложения служат для экспликации, аргументации и детализации его содержания, обогащая значение актуализированных лексем дополнительными коннотациями и смысловыми оттенками.

Логическая спаянность предложений в микротексте сама выдвигает смысловой центр, его эстетическая значимость, сфокусированная в актуализированном слове, поддерживается ассоциативными отношениями в синтагматике. Опорой для ассоциаций служит семантическая связь, которая выделяет в предложениях микротекста опорные слова или точки опоры для реализации актуализированного значения слова смыслового центра. Опорные слова несут в себе общую сему, потенциальную или окказиональную, для актуализированного слова (под потенциальной семой мы понимаем сему, имеющуюся в самой лексико-семантической структуре слова, под

окказиональной – сему, не характерную для семантической структуры слова), которая и вызывает семантическое осложнение слова.

Смысловой центр может располагаться в конце отрывка, им как бы подводится черта под общим смыслом. Он выполняет роль логического умозаключения. Здесь используется преимущественно цепной тип связи (последовательное развитие мысли): каждое предложение последовательно связано друг с другом.

Связь конечного смыслового центра со смыслом всего микротекста более тесная и напряженная, чем у анафорического смыслового центра. Логическое движение смысла здесь подкрепляется ассоциативной связью, которая реализуется путем использования стилистических приемов, таких, например, как параллельные конструкции, антитеза, нарастание, лексический повтор.

В случае актуализации в одном смысловом центре двух слов с противоположным значением в микротексте образуются две линии ассоциативных связей.

На начальном этапе доминирует цепная связь, где элементы микротекста последовательно связаны друг с другом, создавая линейную прогрессию информации. Эта связь может быть выражена через референцию, лексический повтор, тематическую конгруэнтность или другие механизмы текстовой когезии. Смысловое движение при этом носит прогрессивный характер, то есть от исходной информации в начале микротекста к кульминационной точке – смысловому центру. Это можно интерпретировать как накопление информации и постепенное построение контекстуального фрейма, направленного на понимание ключевой идеи.

Следующий этап – когнитивный аспект. Этот этап можно рассматривать как процесс активации и последовательной обработки информации в памяти, приводящий к построению ментальной модели, приближающейся к центральному понятию.

Общая траектория смыслового движения описывается как центростремительная, то есть направленная к смысловому центру. Это подчеркивает важность центра как точки концентрации смысла и интерпретации. Если смысловой центр содержит два актуализированных слова-антонима, контекст способен затушевывать их контрастные семы и актуализировать общую сему. Это связано со следующими механизмами: контекст предоставляет дополнительную информацию, которая позволяет переоценить значения антонимов и выделить общие семантические признаки.

Рассмотрим примеры, употребления эмоциональных лексем *радость* и *печаль*. Интересно заметить, что контрастное употребление лексических единиц *радость* и *печаль* в одном микротексте было выявлено как в таджикском языке, так и во французском.

*Бегам ҳама ғамхорҳо, бесар ҳама сардорҳо,
Аз ваъда пур толорҳо, холӣ ҳама анборҳо.*

Еще пример:

*Хандон агар намекунӣ, гирён макун маро,
Обод агар намекунӣ, вайрон макун маро.
Хушбахт агар намекунӣ, аз бахт дам мазан,
Шодон агар намекунӣ, нолон макун маро.*

На материале французского языка:

*Mes petits enfants, vous pleurerez d'abord, mais votre **affliction** se changera en joie. – Дети мои, вначале вы будете плакать, но ваша печаль обратится в радость. Et la vie me reprit, avec **ses hauts, ses bas, ses changements** de visage, ses liaisons finies aussitôt que commencées... et ses sautes brusques des intérieurs opulents dans la rue... comme toujours (208). – И я попала в водоворот жизни с ее **радостями и печалями**, с этой постоянной сменой лиц, новыми знакомыми, с неожиданными вылетаниями на улицу из роскошных домов... как всегда... J'y veux partager **vos peines et vos joies**, reprit Consuelo, et je ne désire pas d'autre satisfaction que d'y être associée par votre confiance et votre amitié (208). – Я хочу*

делиться с вами ваши **печали** и ваши **радости**, – ответила Консуэло, – и не желаю иного удовлетворения, как заслужить ваше доверие и дружбу.

Яркая экспрессивная окраска смыслового центра (выделен жирным шрифтом) создается семантическим контрастом соположенных лексических единиц *Безам* хама *гамхорхо* – **без печали все печали**; *Хандон* агар намекунй, *гирён* макун маро – **если не будешь смеяться, то заплачь**; *affliction se changera en joie* – **печаль обратится в радость**. Вне контекста экспрессивная окраска приведенных предложений не эксплицирована.

В приведенных выше микротекстах ведущие сема «душевная горечь» в словах *гам* – *affliction* происходит подавление доминирующей семы «душевная горечь». Это можно интерпретировать как изменение активации семантических признаков в ментальном лексиконе под влиянием контекста. Изначально, при активации слова «*гам* – *affliction*», наиболее активна сема «душевная горечь». Однако, контекст (микротекст, в котором эти слова употреблены) способствует деактивации этой семы и усилению (актуализации) потенциальной семы «притяжение». «Притяжение» в данном случае используется как метафора, обозначающая эмоциональную связь, надежду на улучшение или стремление к позитивному исходу. Контекст содержит элементы, которые позволяют интерпретировать «горечь» не как абсолютное состояние, а как временное или трансформируемое.

Как известно, контраст притягивает внимание – это фундаментальный принцип когнитивной психологии. Контрастные элементы выделяются на фоне остальной информации, требуя большего внимания и обработки. В данном случае, контраст между «душевной горечью» и «притяжением» (или потенциальной радостью) усиливает когнитивную значимость этих концепций и заставляет читателя глубже осмыслить взаимосвязь между ними.

Сдвиг значения происходит и в словах *шод* – *en joie* – **радость**. Это означает, что значение слова «радость» также подвергается влиянию контекста. Возможно, *радость* воспринимается не как безусловное счастье, а как

результат преодоления *горечи* или как потенциальная возможность, заключенная в текущей ситуации. В функциональном отношении слова *гам – безам; en joie – affliction* являются равнозначными элементами одного и того же смыслового центра микротекста. Это предполагает, что, несмотря на кажущуюся противоположность, эти пары слов выполняют сходную роль в создании общего смысла. Имплицитно выраженный сдвиг значения в словах *гам – affliction* становится эксплицитным. Это означает, что первоначально сдвиг значения (подавление «горечи» и актуализация «притяжения») выражен неявно, а контекст позволяет сделать этот сдвиг более очевидным и осознанным.

Одновременно под влиянием слов *безам – joie* в словах *гам* и *affliction* проявляется еще одна актуализированная сема, сема притяжения. Данные семы передают эмоциональное воздействие.

Динамика смыслового напряжения в микротексте вызывает в семантической структуре актуализированных слов своеобразную «игру сем».

Данный анализ демонстрирует, как семантические сдвиги, взаимодействуют, формируя общий смысл микротекста. Особое внимание уделяется когнитивным процессам, таким как активация семантических признаков, привлечение внимания контрастом, создание ритма параллелизмом и трансформация эмоциональных схем. Анализ подтверждает, что смысл не является фиксированным и определяется не только значением отдельных слов, но и их взаимодействием в рамках конкретного контекста.

В рассмотренных выше микротекстах непривычное сочетание актуализированных слов закладывает дополнительные контекстуальные значения, которые находят опору в смысловой структуре лексических единиц в составе микротекста. Они своеобразно взаимодействуют друг с другом и значительно влияют на общий смысл контекста. При этом следует заметить, что такое непривычное сочетание наиболее продуктивным является в таджикском языке:

То ғами талхе нахурдӣ, аз ғами ширин мағӯ,

То ғами фардо нахурдӣ, аз ғами дерин мағӯ.

Худ чу урёнӣ, ба чашми ақл бар худ дарнигар,

Ҷомаҳои дигаронро чандаи чиркин мағӯ... (207).

Не говори о сладкой печали, пока не испытаеть горькой печали.

Прежде чем осудить другого.

Значение актуализированного слова способно просвечиваться сквозь весь микротекст. Анализ показал, что формально-грамматическая структура предикативного предложения гораздо проще структуры релятивных предложений. Это объясняется, видимо, тем, что «естественная интерпретация» предикативного предложения невозможна без привлечения более широкого контекста, на которое данное предложение опирается.

Смысловой центр, выделяемый с помощью использования стилистического приема, мы называем стилистическим центром. К стилистическим приемам, обладающим способностью выделять смысловой центр высказывания, можно отнести практически все стилистические приемы композиции отрезков текста, из них особенно стоит выделить антитезу, ретардацию, хиазм и другие.

Стилистическая связь может вызвать смещение смыслового центра в микротексте, выделенного логической связью в сторону наиболее эмоционально нагруженного предложения. Смысловой центр, выделенный с помощью стилистического приема, способен раздваиваться, то есть занимать не одно, а два предложения дистантно или контактно связанных единым синтаксическим приемом. Обычно это раздвоение смыслового центра вызвано использованием параллелизма, хиазма, повтора. Актуализированные слова в таком микротексте становятся многозначными. Логический смысловой центр представляет собой ключевую идею, аргумент или вывод, который может быть выражен явно или выводиться логически из других элементов текста. Этот

центр обычно связан с информационной функцией текста, целью которого является передача определенного сообщения. Центростремительное движение означает, что предложения микротекста последовательно подводят к пониманию логического смыслового центра. Каждое предложение предоставляет информацию, аргументы или доказательства, которые способствуют формированию и укреплению центральной идеи. С когнитивной точки зрения, центростремительное движение облегчает обработку информации, поскольку постепенно строит ментальную модель, направленную на понимание ключевой идеи. Это соответствует принципу когнитивной экономии, согласно которому мозг стремится минимизировать усилия, необходимые для обработки информации.

Стилистический смысловой центр представляет собой ключевой элемент, который несет основную эстетическую нагрузку. Это может быть образное выражение, метафора, аллюзия или другое стилистическое средство, которое обладает высокой выразительностью и эмоциональной окраской. Этот центр связан с эстетической функцией текста, целью которого является вызвать определенные чувства и переживания. Эмоциональное и образное содержание центрального элемента оказывает влияние на интерпретацию и восприятие всех других элементов текста. В контексте стилистического смыслового центра, эстетически значимое слово или фраза «освещает» весь текст, придавая ему дополнительную выразительность и глубину. Реальные микротексты могут сочетать элементы обоих типов смысловой организации. Важную роль играет субъективное восприятие читателя.

Рассмотрим примеры микротекстов со стилистическим смысловым центром, образуемое эмотивными лексемами.

*Дилатро об кардй, то дили ёрат бувад шодоб,
На дил монду на дилдорат, худо ёрат, худо ёрат!*

Ты «растопил» свое сердце, чтобы была счастлива возлюбленная.

Не осталось ни сердца, ни возлюбленной,

Бог в помощь, Бог в помощь!

*Anzoleto fut le premier qui parut n'y plus songer, bien qu'elles lui eussent causé une émotion profonde de **joie**, d'orgueil, de colère et d'émulation dont toute sa vie devait être désormais la conséquence (241, с. 78).* – Андзолето, по-видимому, первый перестал думать об этом, хотя слова профессора и вызвали в нем радость, гордость, гнев и смятение чувств, которым суждено было наложить отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

*Je ne sais si j'eus plus de **joie** que de chagrin en la retrouvant (208).* – Не знаю, причинила ли мне встреча с нею больше радости или огорчения.

*Son affection faisait ma **joie** et mon supplice; sa constance, mon orgueil et mon remords (240, с. 167).* – Для меня ее любовь была и отрадой и мукой, а ее постоянство – гордостью и укором.

Данные микротексты построены с использованием стилистического приема антитезы.

Лексические антонимы *об кардй, шодоб – растопить – стать счастливым; **joie** – supplice* становятся актуализированными, вокруг них формируется смысл каждого предложения и всего отрезка текста в целом.

Лексические единицы *об- вода; **joie** – радость* в рамках микротекста обретают новые контекстуальные значения: *об – горе, печаль; **joie** – отрада.*

Предложенная модель различает два типа смысловой организации микротекстов, основываясь на характеристиках смыслового центра и типе смыслового движения. Эта модель может быть полезной для анализа и интерпретации текстов различной жанровой и стилистической принадлежности, а также для понимания когнитивных процессов, участвующих в восприятии и понимании текста.

В заключении отметим, что в контексте эмотивные лексические единицы двух языков приобретают контекстуальное значение. Расхождение проявляется при сопоставлении моделей синтаксической сочетаемости тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных эмотивных лексем

таджикского и французского языков. Для таджикского языка характерны следующие модели: существительное + существительное; причастие + глагол; для французского языка: существительное + глагол; существительное + существительное; местоимение + существительное.

Исследование транспозиции показал расхождение во взаимодействии структуры и семантики компонентов словосочетаний исходного языка и словосочетаний-соответствий в языке переводе.

При лингвистическом сопоставлении лексики двух языков посредством перевода, фокус внимания смещается с процесса перевода как такового на результат этого процесса – параллельные тексты на двух языках (оригинал и перевод), объединенные общим смыслом. Исключение субъективных элементов является наиболее важный момент. В.Н. Комиссаров подчеркивает необходимость абстрагироваться от индивидуальных особенностей стиля переводчика, его интерпретации, возможных отклонений от буквального перевода (например, адаптации к культурным особенностям целевой аудитории). Субъективные факторы могут исказить объективную картину отношений между языковыми системами [95, с. 20].

Сопоставительные исследования, использующие перевод, направлены на обнаружение сходств (изоморфизм) и различий (алломорфизм) в значениях и сочетаемости лексем, представленных в разных языках. Перевод позволяет увидеть, как лексемы ведут себя в контексте, а не только в словарном определении.. Лексические и грамматические соответствия, обнаруженные при статическом анализе (например, по словарям), не всегда сохраняются в реальном использовании в тексте (в «динамике»). Это связано с тем, что язык в действии демонстрирует более сложные взаимодействия семантики, прагматики и контекста. Сопоставление синтаксических форм словосочетаний важно, потому что взаимодействие семантики и грамматической модели в исходном языке может быть уникальным и не иметь прямого аналога в языке

перевода. Это приводит к необходимости изменять структуру предложения при переводе.

Сопоставительные исследования, основанные на данных перевода, могут объяснить и обосновать необходимость различных переводческих трансформаций (замен, перестановок, добавлений, опущений), которые возникают при переносе текста с одного языка на другой. На основе количественных данных о частоте замен и функциональной равноценности структур можно строить типологические модели языков, показывающие их сходства и различия в способах выражения мысли. Следовательно, перевод выступает инструментом для динамического сопоставительного исследования, который позволяет выявить не только формальные соответствия, но и функциональные различия между языками, а также объяснить необходимость переводческих трансформаций. Такой подход способствует более глубокому пониманию механизмов межъязыковой коммуникации и оптимизации переводческого процесса.

Сопоставительное исследование лексики двух языков предусматривает, в частности, установление степени семантического и структурно-семантического тождества системы словосочетаний с анализируемыми лексемами таджикского и французского языков. Целью исследования является определение, насколько схожи или различны значения и структуры словосочетаний, содержащих рассматриваемые лексемы в таджикском и французском языках. Структурно-семантическое тождество подразумевает учет не только значений отдельных слов, но и того, как эти значения взаимодействуют в рамках определенной синтаксической конструкции. Частота встречаемости в переводе как показатель семантической близости. При этом следует заметить, что частота, с которой соотносительные (т.е. соответствующие друг другу по значению) эмотивные лексемы встречаются в переводах с одного языка на другой, может служить индикатором степени близости семантических структур этих лексем. Если лексемы легко заменяют друг друга в переводах, это говорит о высокой степени

семантической близости. Если же для передачи смысла требуется более сложная перефразировка, значит, семантические структуры различаются.

Один из языков принимается за эталон. Степень идиоматичности словосочетаний в другом языке определяется как степень отклонения от этого эталона. Идиоматичность в данном контексте может пониматься как нестандартность, образность, экспрессивность выражения, а также зависимость значения целого словосочетания от контекста и культурных особенностей.

1. Семантический аспект предполагает насколько точно перевод передает эмоциональную окраску и семантические нюансы исходного словосочетания.

2. Структурный аспект предполагает насколько структура переводного словосочетания соответствует структуре исходного, и какие грамматические трансформации были необходимы для передачи смысла. Оценка частоты встречаемости лексем в переводах представляет собой попытку применения количественных методов для измерения семантических отношений между языками. Это позволяет сделать выводы более объективными и доказуемыми.

В этом аспекте эмотивная лексика представляет особый интерес для сопоставительных исследований, поскольку она тесно связана с культурой и может сильно различаться в разных языках. Предложенный подход к определению степени идиоматичности через эталон может быть полезным для выявления и описания специфических черт выражения эмоций в разных языках.

Результаты исследования могут быть использованы в практике перевода, лексикографии (составлении словарей) и обучении иностранным языкам. Они помогут переводчикам лучше понимать нюансы эмотивной лексики и выбирать наиболее адекватные эквиваленты, а также помогут учащимся осознать культурные различия в способах выражения эмоций.

Выбор языка-эталона может быть субъективным и влиять на результаты исследования. Необходимо обосновать выбор эталона и учитывать его возможные ограничения. Результаты анализа могут зависеть от стиля и

квалификации переводчика. Необходимо анализировать достаточно большой корпус переводов, чтобы минимизировать влияние индивидуальных факторов. Значение эмотивных лексем сильно зависит от контекста. Необходимо учитывать контекст употребления словосочетаний при анализе переводов.

Таким образом, предложенная методика сопоставительного исследования эмотивной лексики двух языков, основана на анализе переводов и направлена на установление степени семантической близости и идиоматичности словосочетаний. Предложенный подход предполагает использование количественных методов и учет культурных особенностей выражения эмоций.

При первом подходе эквивалентными переводами словосочетаний исходного языка считаются такие, в которых значения лексемы исходного языка в язык перевода передаются словосочетаниями с соотносительной лексемой и словосочетания эти могут быть организованы по любым возможным в языке переводе структурным моделям. Данный подход ставит во главу угла семантическую точность перевода. Структурные различия рассматриваются как менее важные, если основной смысл сохранен. Это соответствует распространенным представлениям об адекватном переводе, когда важно передать содержание, а не форму. Определение частоты случаев первой степени эквивалентности может служить индикатором типологической близости двух языков. Если в большинстве случаев для передачи смысла не требуется значительных структурных изменений, это свидетельствует о сходстве грамматических систем. Изучение различных степеней эквивалентности помогает переводчикам выбирать наиболее адекватные стратегии перевода и принимать обоснованные решения при преодолении межъязыковых расхождений. Первый подход эквивалентности перевода словосочетаний характеризуется сохранением основного смысла при допустимых различиях в структурной организации. Это базовый уровень эквивалентности, который служит отправной точкой для более детального анализа переводческих соответствий и межъязыковых расхождений.

При втором подходе как эквивалентные рассматриваются лишь те переводы, таджикскому (французскому) слову в переводе соответствует французская (таджикская) лексема. Все остальные не считаются эквивалентными. При этом походе учитывается как тождество соотносительных лексем двух языков, так и идентичность синтаксических конструкций, в которых они выступают. В таких случаях мы можем говорить о наличии межъязыкового структурно-синтаксического тождества между словосочетаниями оригинала и словосочетаниями-соответствиями в языке перевода. Этот способ перевода словосочетаний мы рассматриваем как вторая степень эквивалентности перевода.

Понимание семантического и структурно-семантического тождества в контексте перевода обусловлено целью – оценить частоту встречаемости соотносительных лексем. Это означает, что они смотрят на тождество не как на абсолютное соответствие, а как на функциональную взаимозаменяемость в процессе перевода.

Принимая один из языков за эталон сравнения, мы можем определить степень идиоматичности словосочетаний другого языка как степень отклонения от принятого эталона. Степень идиоматичности оценивается как степень отклонения от эталона в способах выражения.

Межъязыковая идиоматичность проявляется, когда одной лексеме в языке Я1 соответствует несколько лексем в языке Я2. Это значит, что лексема Я1 является полисемичной (многозначной) по отношению к языку Я2, причем эта полисемия может отличаться от ее внутриязыковой полисемии (разных значений внутри одного языка) [97, с. 34].

Словосочетание в языке Я1 считается идиоматичным по отношению к переводам на язык Я2, если в нем есть хотя бы одна лексема, которая имеет специфический перевод, т.е. не имеет прямого соответствия или требует нетривиального перевода в языке Я2. Чем больше специфических переводов имеет словосочетание в языке Я1, тем более идиоматичным оно является по

отношению к соответствующим словосочетаниям в языке Я2. Таким образом, идиоматичность оценивается количественно – по частоте использования не прямых соответствий. Данный подход при определении межъязыковой идиоматичности, основанный на анализе переводов и учете частоты использования специфических (не прямых) соответствий. Этот подход позволяет объективизировать понятие идиоматичности и использовать его для сравнения различных языков и выявления их специфических черт.

Проиллюстрируем данное положение. Языком-эталонном для сравнения будет таджикский язык.

Усмон Азиз дар болои сиёҳмушкин устувор нишааста, сараш андак хам, сукут меварзид. Дилаш гарқоби хун гашта, вай ҳамчунон дар азоб фикр мекард ... [213, с. 113].

В данном контексте конструкция *Дилаш гарқоби хун гашта – сердце обливалось кровью* не имеет во французском языке эквивалента. В таджикском языке тяжёлое состояние персонажа передаётся соматизмом *дил – сердце*. Слово *дил* переводится на французский язык *cœur*. Выражение *Дилаш гарқоби хун гашта* можно перевести на французский язык: *cela nous fendrait le cœur de le voir dans cet état – больно смотреть на его состояние* (у него тяжёлое состояние), несмотря на то, что в описательной конструкции слово *cœur – сердце* присутствует, при переводе данная лексема отпадает. Однако интересно заметить, что конструкция *дил реш-реш мешавад* имеет свой эквивалент во французском языке *cœur se fend (сердце разрывается)*.

Во французском языке также имеются словосочетания, не имеющие эквивалентов в таджикском языке. Например, жалкое, тяжёлое состояние человека можно выразить *un éléphant dans un magasin de porcelaine – слон в фарфоровой лавке*: *Rien n'aurait ainsi pu mieux décrire les premiers instants de mes retrouvailles avec Rahim khan que l'expression «un éléphant dans un magasin de porcelaine»*. – Возьмите хоть выражение «сердце кровью облилось». Оно лучше

всего отражает пронзительную жалость, охватившую меня, стоило мне после долгой разлуки увидеть Рахим-хана.

Приведём ещё примеры.

<> ... *ҷойи нишаст наёфта, хуни ҷигар хӯрд*; *гаштаву баргашта ба андеша рафт* (213, с. 175). Выражение *хуни ҷигар хӯрдан* – *жестокосстрадать, сильно переживать* не имеет эквивалента во французском языке. Данное словосочетание передаётся глаголом: *souffrir* – *страдать*. Данный контекст таджикского языка можно перевести следующим образом: *il n'a pas trouvé sa place alors elle commençait à souffrir encore et encore, il est allé dans ses souvenirs.*

Различия в способах реализации семантики (алломорфизм) и наличие различной межъязыковой идиоматичности часто приводят к необходимости использования транспозиции. Чтобы сохранить смысл и естественность звучания в языке перевода, переводчик может сознательно менять часть речи, которой выражено то или иное понятие в исходном тексте. Расхождения в грамматических структурах, способах выражения смысла на лексическом уровне, а также наличие различной идиоматичности приводят к тому, что переводчик не может просто дословно перенести словосочетание. Он должен учитывать, как эти факторы взаимодействуют, и при необходимости использовать транспозицию (замену части речи) для достижения адекватного и естественного перевода. Следовательно, описание различных типов соответствий между исходным и переводным текстами (формальная, динамическая, функциональная эквивалентность и т.д.). Транспозиция часто используется для достижения функциональной эквивалентности.

Явление транспозиции указывает на несоответствие межъязыковых форм плана содержания словосочетаний исходного языка и языка перевода. При анализе материала выборки это явление выражается в несоответствии форм выражения тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных слов при переводе с одного языка на другой. Новым в приеме анализа при

выявлении случаев транспозиции является то, что анализ идет только по линии тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных слов двух языков. В этом случае между словами прослеживаются элементы сходства и различия во взаимодействии семантики компонентов в структуры словосочетания не вообще, а в четком бинарном противопоставлении тождественных лексико-семантических вариантов, что значительно повышает объективность результатов исследования.

Транспозиция – это закономерный и обусловленный структурными особенностями языка перевода процесс. Он является следствием того, что семантическое содержание не является жестко привязанным к конкретной части речи и может быть «распределено» между различными элементами высказывания в языке перевода в соответствии с его грамматическими правилами и стилистическими нормами. Исследование транспозиции позволяет выявить, какие части речи наиболее часто используются в языке перевода для выражения определенных смыслов, и как именно семантическое содержание исходной леммы трансформируется при переходе от одной части речи к другой. При этом ключевым критерием успешности транспозиции является сохранение адекватности и эквивалентности перевода, то есть передача исходного смысла без ущерба для общего содержания высказывания [47, с. 45].

Асимметрия в степени транспозиции при разных направлениях перевода является важным показателем различий в структурных и семантических особенностях сопоставляемых языков. Она позволяет не только оптимизировать переводческий процесс, но и получить ценные данные для сравнительной лингвистики и типологии языков. Интенсивность изменения части речи при переводе может варьироваться от незначительной модификации (например, замена одного прилагательного другим) до радикальной перестройки (например, замена глагола существительным и наоборот). Лексические единицы в исходном и переводном языках, которые считаются эквивалентными по смыслу в данном контексте. Перевод с языка А на язык Б и

перевод с языка Б на язык А является ключевым моментом – асимметрией. Асимметрия транспозиции означает, что для выражения одного и того же смысла может потребоваться разная степень транспозиции в зависимости от направления перевода. Например, при переводе с таджикского на французский может часто возникать необходимость замены глаголов существительными, в то время как при переводе с французского на таджикский такая потребность будет возникать реже. Асимметрия транспозиции позволяет также выявить различия в семантической валентности (способности слова сочетаться с другими словами) и грамматической роли сопоставляемых лексем в разных языках. Это информация о том, как каждое слово «ведет себя» в контексте своего языка. Следовательно, асимметрия в степени транспозиции при разных направлениях перевода является важным источником информации о структурных и семантических различиях между языками, что может быть использовано для решения различных задач в сравнительной лингвистике и машинном переводе.

Следующий аспект нашего исследования кумулятивный анализ переводческих эквивалентов как метод уточнения лексикографических данных и отражения межъязыковых семантических отношений. Суть данного подхода заключается в том, что вместо анализа отдельных словарных статей исследователь рассматривает все фактические переводы лексемы в некотором корпусе текстов, что позволяет получить более объективное и полное представление о ее семантическом объеме и особенностях ее отражения в языке перевода. Такой подход имеет значительные последствия для лексикографии, контрастивной лингвистики и теории перевода.

1. Сведение воедино всех переводов лексемы исходного языка и их системное рассмотрение предоставляет в распоряжение исследователя интересные данные.

2. Создание параллельного корпуса, в котором для каждой лексемы исходного языка (ИЯ) собраны все ее эквиваленты в языке перевода (ПЯ) из

репрезентативной выборки текстов. Важно, чтобы тексты были разножанровыми и отражали различные стилистические регистры языка.

Применение методов корпусной лингвистики и статистического анализа для выявления закономерностей в использовании переводческих эквивалентов, включает в себя следующее: частотный анализ; определение наиболее частотных эквивалентов для каждой лексемы; контекстный анализ – изучение окружения каждого эквивалента (конкретных словосочетаний, синтаксических конструкций) для выявления его семантических нюансов и ограничений в использовании; кластерный анализ – группировка эквивалентов по семантической близости.

Данный подход опирается на принципы эмпирической лингвистики и квантитативной лингвистики, подчеркивающих важность анализа реальных языковых данных для построения лингвистических теорий, а именно: характер семантического отражения, включающее семантический объем лексемы ИЯ, то есть: спектр значений, которые она может выражать; степень семантической конгруэнтности между лексемой ИЯ и ее эквивалентами в ПЯ; насколько точно и полно семантический объем лексемы ИЯ отражается в языке перевода. При этом следует заметить, что могут выявляться случаи: полной эквивалентности – семантический объем лексемы ИЯ полностью совпадает с семантическим объемом ее эквивалента в ПЯ; частичной эквивалентности – семантический объем лексемы ИЯ частично перекрывается с семантическим объемом ее эквивалента в ПЯ. В этом случае необходимо определить, какие семы (семантические признаки) передаются, а какие – нет. Отсутствия прямой эквивалентности – для передачи семантики лексемы ИЯ требуется использование нескольких лексем в ПЯ или применение переводческих трансформаций (компенсация, генерализация, конкретизация и т.д.). Специфические контекстуальные ограничения на использование эквивалентов – одни эквиваленты могут использоваться только в определенных стилистических регистрах, жанрах или темах.

Анализ отражения семантики таджикских слов во французском языке и французских слов в таджикском дает основания для корректировки некоторых статей двуязычных словарей. Корректировка может включать в себя: добавление новых эквивалентов, включение в словарную статью новых эквивалентов, которые были выявлены в результате анализа корпуса и не были ранее зафиксированы в словаре; уточнение семантических дефиниций эквивалентов – более точное описание значений эквивалентов, основанное на анализе их употребления в контексте; указание на контекстуальные ограничения в использовании эквивалентов; добавление информации о стилистических, жанровых или тематических ограничениях на использование эквивалентов; исключение устаревших или неточных эквивалентов – удаление из словарной статьи эквивалентов, которые редко используются в современных текстах или неточно передают значение лексемы ИЯ.

Следующий важный аспект данной методологии дополнения существующих списков эквивалентов новыми, которые выявлены в результате анализа переводов выборки и могут рассматриваться поэтому как объективные. Объективность обеспечивается тем, что эквиваленты выявляются не на основе интуиции лексикографа, а на основе анализа реальных переводов, выполненных профессиональными переводчиками. Переводчики, как правило, стремятся к максимальной адекватности и эквивалентности перевода, поэтому их выбор эквивалентов можно рассматривать как отражение объективных закономерностей в соотношении семантических систем разных языков.

Важно, чтобы выборка текстов была репрезентативной и отражала разнообразие стилей и жанров. Для обработки больших объемов данных необходимо использовать инструменты автоматической обработки текста (например, системы автоматического извлечения терминов, теггеры частеречной разметки, парсеры синтаксических структур).

Предложенная методология не только способствует улучшению качества двуязычных словарей, но и позволяет получить более глубокое понимание

межъязыковых семантических отношений, выявить особенности семантических систем разных языков и разработать более точные модели переводческого процесса. Результаты таких исследований могут быть использованы в различных областях, включая теорию перевода; для разработки более совершенных моделей переводческой деятельности; автоматический перевод с целью улучшения алгоритмов машинного перевода. Данная методология представляет собой ценный вклад в развитие лексикографии и контрастивной лингвистики, предлагая эмпирически обоснованный и научно строгий подход к анализу межъязыковых семантических отношений. Кумулятивный анализ переводческих эквивалентов позволяет перейти от субъективных оценок к объективным данным, основанным на анализе реальной языковой практики.

В результате применения изложенной методики исследования семантических структур и сочетаемости эмотивных лексем таджикского и французского языков можно сделать выводы, которые в определенной мере отражают общую картину структурных и семантических особенностей таджикских и французских эмотивных слов.

3.2. Эмоциональные кинемы во французском и таджикском языках

Важнейшим аспектом текста является его номинативная сторона, соотношенность с внеязыковыми объектами, включая несубстанциональные элементы действительности, например, эмоции. В связи с возрастающим интересом к проблеме эмоций в философии, психологии и лингвистике приобретает актуальность и вопрос о видах словесных обозначений эмоциональных состояний.

Данный параграф посвящен этой теме, вернее, следующим ее аспектам: какие невербальные знаки выражают эмоции в обыденной речи, какими средствами языка эти знаки передаются в связанных текстах и какую роль играют в их структурной организации.

Такая постановка вопроса требует некоторых – иногда достаточно подробных – пояснений и уточнений. Прежде всего необходимо осветить современное понимание сущности эмоций.

Эмоции – это форма отражения действительности, в которой взаимодействуют физиологическое и психическое, выступающие как две стороны единой нервной деятельности. В них отражение внешнего воздействия осуществляется одновременно и как субъективный процесс (переживание в сознании), и как ряд физиологических механизмов в регуляции функционального состояния организма (физиологические процессы эмоций). Эмоциональные мотивы в деятельности человека связаны с формированием оценочного отношения к целям и задачам этой деятельности и ее результатам, связаны с оценкой их общественного значения. Они развиваются вместе с формированием мировоззрения и моральных черт человека.

Внешнее проявление эмоций (удовольствие, страх, гнев и т.д.) наблюдаются не только у человека, но и у животных; эмоциональные сигналы, «язык» эмоций древнее вербального человеческого языка [62, с. 34]. По-видимому, возникновение общения людей тесно связано с эмоциональными сигналами. Определяющее значение в этом процессе, несомненно принадлежит социальным и психо-физиологическим процессам.

Язык и общение между людьми возникли одновременно с сознанием человека. Достоверной представляется гипотеза, связывающая развитие актуализированной речи с эмоциональными знаковыми сигналами и моторными сигналами – указательными жестами [62, с. 34]. Сложный процесс, в результате которого важнейшее свойство указательных жестов – их направленность – было перенесено на звуки, возникшие одновременно с этими жестами, а экспрессивная функция звуков уступила место функции обозначения.

Как известно, и в настоящее время существует связь между языком и эмоциями, коммуникативными движениями и звуковыми комплексами.

Имеется в виду не только существование междометий, которым приписывают статус «переходной части речи», «слов-предложений», сигнализирующих об эмоциональных состояниях и имеющих свойство вызывать последнее у партнера по коммуникации. Общеизвестна и существенная роль коммуникативных движений – мимики и жестов – в устном общении.

В данном параграфе мы попытались проанализировать выражение эмоций определенными невербальными компонентами коммуникативной ситуации в естественном устном общении, типизированном в художественных текстах, на материале современного таджикского и французского языков.

Цели и компоненты коммуникативной ситуации предполагают не только содержание речевых актов, но также оптимальные формы их выражений. Язык, несомненно, является основным и самодостаточным средством для обмена информацией, в этом смысле примат языка не вызывает сомнения. Однако в условиях конкретного речевого акта партнеры используют все средства коммуникации, чтобы сделать свое высказывание наиболее однозначным, доходчивым и впечатляющим и тем самым добиться желаемого коммуникативного, а затем и неречевого эффекта.

Одним из вспомогательных средств для оптимальной организации высказывания являются паралингвизмы – коммуникативные внеречевые специализированные действия человека, - дополняющие или заменяющие структуру вербального высказывания в содержательном и эмоциональном аспектах. Параязык – это вспомогательная семиотическая система [6].

Серьезной проблемой является типология паралингвизмов. Отмечая расхождение взглядов по этому вопросу, мы хотим, в основном, присоединиться к классификации, учитывающей как субстанцию, так и функции паралингвизмов [79, с. 96-100].

К первой подгруппе мы также относим паралингвизмы со знаковым кодифицированным значением – указательные, изобразительные и

символические, ко второй – с незнаковым характером – подчеркивающие и ритмические.

Но в отличие от рассматриваемой классификации мы не относим все эмоциональные паралингвизмы к единицам с незнаковым характером, то есть ко второй подгруппе. Эмоции могут находить выражение в психофизиологических признаках и в этом случае вообще находиться за пределами паралингвизмов. При включении в коммуникативный акт в виде подчеркивающих, ритмических жестов и телодвижений эмоции могут находить выражение в паралингвизмах второй – незнаковой – подгруппы. Наконец, включенные в речевой акт в заковой – символической – форме, то есть соотнесенные с определенным содержанием сознания на достаточно высоком уровне абстракции, эмоции находят выражение в паралингвизмах первой – знаковой – подгруппы.

Итак, эмоции могут включаться в коммуникативный акт в форме кинем, то есть поднятых до уровня сознания, но автоматизированных знаков, которые дополняют или заменяют речевые действия. Эти кодифицированные положения тела, движения головы и конечностей, а также движения лица, имеющие специфические значения в определенной социальной и культурной среде (особенности фонации мы не рассматриваем).

Кинемы раскрывают свое значение на различных уровнях: некоторые из них однозначно раскрываются в пределах коммуникативного акта (указание на предмет, изображение его свойств), в то время как понимания значения других необходимо знание традиций данной культуры или социума.

Коммуникация не равнозначна с выполнением коммуникативных действий, она возникает на основе человеческой деятельности, которая предопределяет содержание, цель и формы коммуникации. Мотивы и цель коммуникации связаны с некоммуникативными действиями человека. В зависимости от коммуникативной ситуации, то есть комплекса социальных, возрастных и других факторов, а также времени, места и обстоятельств

протекания коммуникации, возникает определенная связь между условиями коммуникации и ее характером. Наиболее значим социальный компонент коммуникативной ситуации; стратегия выражения в значительной мере зависит от социальных отношений партнеров по коммуникации, социальные отношения предписывают формулировку сообщения. Помимо социальной ситуации коммуникативная ситуация включает как предметное окружение, так и фоновые знания участников коммуникативного акта [122, с. 89-95].

Интенция говорящего и коммуникативная ситуация предопределяют не только содержание актов коммуникации, но и формы их существования – выбор вербальных или невербальных средств.

В монологической речи, развернутом виде речи, паралингвизмы используются сравнительно редко. Это главным образом, подчеркивающие, реже указательные и изобразительные кинемы. Напротив, диалог, свернутый вид речи, предопределяет употребление паралингвизмов (в том числе и символических). Диалог является формой естественного речевого общения людей, во время которого активно проявляются их эмоции.

Партнеры по коммуникации стремятся к оптимальной однозначности понимания со стороны собеседника, полному осуществлению своего коммуникативного намерения. Но в то же время наличие адресата делает возможным переспрос, что ведет к упрощению речевого информационного, а спонтанность – непосредственность и неподготовленность – диалога приводит к разгрузке речевого канала, так как информация передается и по другим каналам [122, с. 89-95].

Коммуникативная ситуация должна содержать компоненты, из которых следует кто (пациент), зачем (цель) и почему (причина) должен быть включен в общение. Эти компоненты ситуации в ряде случаев экономнее и нагляднее чем вербальными передаются невербальными средствами.

Приведем примеры на материале таджикского и французского языков:

*Lorsqu'il tourna la clef avec effort dans la serrure rouillée, elle ne put s'empêcher **de mettre le doigt** sur le mot mystérieux, en regardant son hôte d'un air d'interrogation (240, с. 94). – Пока Альберт с трудом закрутил заржавленный замок, она не смогла удержаться и, **указав пальцем** на таинственное слово, вопросительно взглянула на своего спутника.*

Компоненты данной ситуации – причина и цель – относятся к фоновым знаниям участников. Элементы предметного окружения – *serrure rouillée* – *ржавый замок* – включаются в коммуникативный акт посредством указательных жестов.

Материал исследования показал, что указательные и изобразительные кинемы включают в коммуникативный акт соответственно наличествующие или отсутствующие предметы и их свойства, а символические кинемы – абстрактные понятия.

Символические эмоциональные кинемы, как и другие поведенческие акты, передают понятие эмоций. Как и другие наглядно-изобразительные символы, они, возникнув в ряде случаев как непосредственная эмоциональная реакция, в дальнейшем, становясь общепринятыми в данной культурно-языковой общности, в большей или меньшей степени утрачивают связь с выражением субъективных конкретных переживаний и становятся их условными выразителями.

Выше упоминалось, что кинемы могут быть выполнены эмоционально. Анализ языкового материала показал, что для таджикского и французского языков характерны одни и те же жесты, тем не менее, некоторые из них являются универсальными.

*Un instant, elle le regarda arracher les draps de ses mains crispées, râler son désespoir, la bouche collée à la couverture (208). – Мгновение она смотрела на Паскаля, который рвал простыни скрюченными в судороге пальцами и в отчаянии хрипел, **зажимая рот** одеялом.*

*Ce n'est pas encore vrai, dit Remy en étendant sa main gauche sur la bouche du misérable qui se débattait sous lui, mais tout à l'heure! – (220, с. 196). – Пока еще нет! – произнес Реми, **зажимая рот** отчаянно отбивавшемуся негодяю. – Но сейчас тебе придет конец!*

*Ses lèvres s'ouvrirent mais une main écrasa sa bouche. Mathilde lut dans les yeux injectés qui la regardaient: Tu cries, tu es morte (208). – Ее губы приоткрылись, но он **зажал ей рот** ладонью, и Матильда прочла в налитых кровью глазах: «Закричишь – умрешь»*

*Comme Clara s'apprête à les immortaliser, l'une d'elles se retourne et nous fait signe de nous tirer (208). – Клара собралась уже их увековечить, но одна из них оборачивается и **машет** нам когтистой **рукой**: катитесь, мол, отсюда, ребята.*

Наряду с этим существуют кинемы, специализированные для выражения отношения партнеров коммуникации друг к другу и к предмету высказывания, то есть выявляющие такие эмоциональные состояния как **радость, гнев**.

Наиболее употребительными являются следующие жестовые компоненты коммуникации, выражающие **гнев, радость, тревога**:

1. Выражение глаз / взгляда:

Ба ҳамон бачаи мӯйсардароз Худо дода буд, ки хам шуда шими Меҳрубонро поен хамонд, Меҳрубон доду войгӯен, ба гуфтае лап зада ба ҷояи нишаст. Шапотие ба парои рӯяи хӯрд, зарби он сахт буд, аз чашмонаи оташак барқ зад. Ў талх гирист, мегирист, аламҳояи тоза шуда мегирист.

-Дам шав, овоз набарор, нӯш, ҷонат халос, нӯш баъд маслиҳат мекунем. Талаби моро ба ҷо мебиерӣ, илоҷ надорӣ, ҳа, бардор, бардор, то охир!

Касе ба додаш намерасид, гӯе ҳайвонҳо, дарандаҳо дандонҳояшонро гиз карда, ҷонибаи меомаданд. Чашмҳо оташбор, тоби нигоҳашон надошт. Роҳи гурез набуд. Ба мисли ҷонвараке, ки ба дом афтода. Даступо заданҳояи нафъ намеовард (210, с. 211). – Парень с длинными волосами наклонился и стянул штаны Меҳрубан, Меҳрубан вскрикнул и сел. Он дал ему сильную пощечину,

удар был такой силы, словно из глаз сверкнула молния. Он горько плакал, плакал от обиды и досады.- Заткнись, не шуми, пей, спасай свою жизнь, пей, а потом обсудим. Ты выполнишь нашу просьбу, у тебя нет выбора, да подними, подними! Никто не обращал внимание на его крики, словно хищники подходили к нему с оскаленными зубами. Глаза горели, выражая гнев. Спасения не было. Он напоминал животное, попавшее в капкан. Его усилия были напрасны.

- Чӣ гуфтам? Гапи мана намегирӣ?!

Ба нигоҳи хунхорона, сиесати Александр тоб наоварда, Мехрубон ба гиря даромад. Баландтар, боз баландтар гирист, ба замин, назди пойҳои ӯ афтид. Аммо ба ҳолаш раҳми касе намеомад. Танҳо нигоҳи пур аз меҳру муҳаббат ва миннатдоронаи як нафар ба ӯ шуда, нигоҳи марде, ки ҳамаи аҳли хона ба вай дарафтода, чун дарандаҳо куштан ва хӯрданаи мехостанд. Миени одамони аз ҳайвонҳо бадтар кӯдаке ҷонибдор, хайпхоҳаш (210, с. 220). – Не выдержав гневною взгляда Александра, Мехрубон заплакал. Он плакал все громче и громче и упал на землю к его ногам. Но никому его не было жалко. Лишь один взгляд, полный любви и благодарности, обратился к нему, взгляд человека, к кому были прикованы взгляды домачадцев. Они, словно хищники, хотели растерзать его. И среди этого “животного люда”, только один ребенок жалел его.

Дар равшании хираи чароғи карасинӣ ӯро модараш Сорохола пешвоз гирифт. Нигоҳаш баизтироб буд, дар чехраи пиронааш як олам таҳлука акс дошт (213, с.134).

В тусклом свете керосиновой лампы Анвар увидел **тревогу в материнских глазах.**

Je serai content d'avoir des témoins de ma victoire; car maintenant rien ne peut te soustraire à mes embrassements, et tu as **allumé** en moi, par ta folie, des feux que tu eusses pu contenir avec un peu de prudence (241, с. 156). – Я буду рад найти свидетелей своей победы, так как теперь уже ничто не сможет избавить тебя от моих объятий: своим безумием ты зажгла во мне огонь страсти, который могла бы сдержать, будь ты немного поосторожней.

*J'avais bien soin de baisser la tête, et de **regarder** du côté du ravin quand je passais au pied de la montagne. – Правда, проезжая у подножья горы, я всегда старался опустить голову и смотреть в сторону оврага.*

2. Выражение гнева посредством голоса и тона:

Менӯшад, ту қозӣ нашав, дам шав, - Ҷӯра таҳдид шунид.

- Ҳозир дар ҳузури мо менӯшад.

- Тамошо мекунем.

- Ҳамин хел нанӯшидаҳоронӯшонӣ нағз, ба худо нағз, савоб мешавад, ба роҳи нав меандозем, ба роҳи худамон, ҳа, бардор гир.

- Бигӣ.

- Нанӯшад, даҳонаширо воз карда мерезем. Шимаширо мекашем. Агар ҳамин хел накунам, ба худо ман мард не, канӣ, бародар, - як бачаи аз ҳама хурдтар, ки мӯи сараш болои китфонаш хобида буд, остинҳои курташиро бар зада, наздики Меҳрубон шуд (220, с. 211). – Он будет пить, не вмешивайся, ты – не судья. – услышал угрозу Джура. – Теперь он выпьет в нашем присутствии, мы будем смотреть. Таких непьющих, поставим на путь истины, то есть на наш путь, бери, пей. Если не будет пить, заставим. Снимите его штаны. Если я это не сдела, я – не мужчина. Самый маленький мальчки с длинными волосами, закатав рукава рубашки, приблизился к Меҳрубон.

*J'espère, Madame, dit le comte à Consuelo d'un **ton ferme**, que vous ne me ferez pas l'affront de refuser ma gondole pour vous reconduire, et le chagrin de ne pas vous appuyer sur mon bras pour y entrer (341, с. 89). – Надеюсь, синьора, – обратился граф к Консуэло решительным тоном, – вы не захотите обидеть меня, отказавшись от моей гондолы, а также не пожелаете огорчить меня, не позволив мне усадить вас в нее.*

*- Quoi? ma tante, dit Albert d'un **ton ferme** et avec une physionomie sévère. – Что поддерживать, тетушка? – спросил Альберт решительно и строго.*

*Enfin il parut presque stupide à la comtesse, dont les coquetteries échouèrent devant ce sérieux **glacial** et ce respect diplomatique (217, с. 45). – В результате*

графиня, кокетство которой не могло преодолеть его ледяной серьезности и дипломатической почтительности, сочла его просто глупым.

Как следует из приведенных текстов, прилагательное **glacial** – *ледяной* репрезентирует свой эмоциональный заряд в большей степени в предикативной функции, то есть актуализирует стативные значения.

*Je vous ai demandé, Mademoiselle, le nom de ce jeune homme qui demeure avec vous chez maître Porpora, reprit-elle d'un ton **glacial**, et vous ne me l'avez point dit (208). – Я спросила вас, сударыня, как имя молодого человека, живущего с вами у маэстро Порпору, а вы мне не ответили, – снова проговорила императрица ледяным тоном.*

Тот факт, что многие ученые не включают прилагательные, выражающие эмоции, в разряд эмотивной лексики, можно объяснить тем, что в данных лексических единицах не совпадают прагматические и сигнификативные функции. Данные слова, называя в языке одно из эмоциональных состояний, довольно часто репрезентируют, входя в семантическую структуру предложения, другое значение.

*Les sèches paroles de ce bulletin nécrologique furent articulées d'un ton **amer** qui enfonça autant d'aiguilles dans le coeur de la pauvre Consuelo (240, с. 89). – Сухие слова этого посмертного бюллетеня были произнесены с горечью и вонзались, как иглы, в сердце бедной Консуэло.*

*Je pense, Consuelo répondit-il avec un sourire **amer** et des yeux secs, que nous avons eu quelque peine à y souscrire, mais que nous finirons par nous y habituer (241, с. 208). – Я думаю, Консуэло, – ответил он с горестной усмешкой, хотя глаза его при этом оставались сухи, – что нам было не особенно легко на него согласиться, но что в конце концов мы с ним свыкнемся.*

Общеизвестно, что метафоризация является одним из способов развития эмоциональных оттенков в семантике лексических единиц. Очень часто стилистически нейтральные лексические единицы, употребляясь как метафора, могут получить яркий экспрессивный оттенок. Как было отмечено, именно в

контексте слова получают эмотивный оттенок. В тексте слова, будучи нейтральными в стилистическом отношении, становятся эмоционально окрашенными.

В любом языке немало стилистически нейтральных слов, употребляющихся метафорически в нехарактерных для них значениях. Метафора становится фактически значением данных лексических единиц. Как правило, нейтральное значение – это прямое значение слова, а оценочное – его переносное значение.

Лексическую систему любого языка можно рассматривать с позиции эмотивной составляющей, обладающей большими возможностями в репрезентации эмоционального состояния коммуникатора и реципиента. Нейтральные лексические единицы способны раскрывать эмотивное значение через контекст. Многие слова, имеющие одно словарное значение, в контекстуальной интерпретации получают дополнительную эмотивную окраску. Можно констатировать, что степень выражения эмотивного кода либо усиливается, либо подавляется в зависимости от текстового пространства.

L'influence de mes contemporains l'emporte, dit-il tout haut et avec un rire amer [208]. – Вот оно, влияние современников! — сказал он вслух, горько посмеиваясь.

Olivier se fâcha et fut **amer** (208). – Оливье злился и становился желчным.

L'influence de mes contemporains l'emporte, dit-il tout haut et avec un rire amer (208). – Вот оно, влияние современников! — сказал он вслух, горько посмеиваясь.

*Elle releva la tête et, pâle d'épouvante, l'oeil sec, la bouche tremblante, elle essaya de **percer** du regard ce masque impassible qui lui cachait peut-être la pâleur d'un coupable, ou le rire diabolique d'un scélérat (208). – Она подняла голову и, бледная от волнения, с сухими глазами и дрожащими губами попыталась проникнуть взглядом сквозь эту бездушную маску, быть может, скрывававшую бледность преступника или дьявольскую улыбку злодея.*

Les notabilités, qui se trouvaient comprises dans cette dernière catégorie, étaient **suffoquées** d'un tel manque d'égards (208). – Именитые горожане, которых она отнесла к этому последнему разряду, разгневались на дерзкую особу.

Je ne te demande qu'une innocente faveur, et je l'**implore** à genoux, moi qui, de mon souffle, pouvais te terrasser et connaître encore, malgré ta haine, un bonheur dont les dieux eussent été jaloux! (208) – Я прошу у тебя только невинной милости и молю тебя о ней на коленях, а ведь я мог бы одним дуновением сокрушить тебя и, несмотря на твою ненависть, испытать счастье, которому позавидовали бы сами боги!

Lorsqu'il me cherche sans jamais me trouver, lorsqu'il se résigne enfin à **baisser** les yeux ou à empoigner le cordon pour anéantir la certitude de mon existence, il fuit, il fuit, il fuit l'insoutenable (208). – Когда он ищет меня и не находит, когда, отчаявшись, опускает глаза или дергает за шнур, чтобы я перестала существовать, он прячет, прячет, прячет сам от себя то, что ему невыносимо.

Elle finit par le **baisser**, en disant: – Ça y est (242, с. 104). – Наконец она опустила ее со словами: - Готово!

3. Молчание, вызванное эмоциональными переживаниями (гнев, страх, радость):

Аз ҳарос дастони ларзони Мехрубон ба ҷониби қадаҳи пурмай, ки ба хаелаш аз заҳр ҳам бабу бадбӯй буд, дароз шуданд. Ба умеде, ки қадаҳро бигирад, халос меебад. Аммо ӯ беҳабар буд, ки баъди қадаҳро гирифтани халосӣ намеебад, бояд ин заҳри ҳалоҳилро бинӯшад (210, с. 210). – От страха дрожащие руки Мехрубана потянулись к стакану с полным вином, которое показалось ему полным яда. Надеясь, если он выпьет чашу, то избавится от них. Но он не знал, что, взяв чашу, он не убежит, он должен выпить этот отвратительный яд.

Падару писар хомӯш монданд. Аз афташ дар хаели Нозимӣ деҳа, хешовандон буданд, ки дар рӯзҳои хурсандиаш баъзан саломашонро алек намегирифт. Имрӯз ба онҳо корафтод, мӯҳтоҷ, зарур шудаанд (210, с. 243). – Отец и сын молчали. Видимо, в селе Нозими были родственники, с которыми он не всегда здоровался в свои счастливые дни. Сегодня он нуждается в них, они стали нужны.

*L'infortuné compositeur s'était flatté de retrouver à Vienne **quelques** nouvelles chances de succès et de fortune (241, с. 208). – Несчастный композитор, направляясь в Вену, мечтал о новых успехах и благосостоянии, а его встретила холодная почтительность.*

*Alors, **sans** perdre une **minute**, madame Deberle se donna un mal infini. (242, с. 102). – Тогда, не теряя ни минуты, госпожа Деберль принялась за дело.*

*Troublée, elle inclina la tête, **sans prononcer** un mot (243, с. 108). – Она смущенно опустила голову и не ответила ни слова.*

*Il est vrai que les mots sont bien arrangés, et qu'ils arrivent facilement sur la langue, quand on les chante; mais quand on pense au personnage qui les dit, on ne sait où prendre, je ne dis pas de l'émotion, mais du sérieux pour les **prononcer** (241, с. 89). – Правда, рифмы хороши и петь их легко, но что касается персонажей, произносящих все это, то не знаешь, где взять, уж не говорю, подъема, а просто сил удержаться от смеха, изображая их.*

*Pas **un mot** de plus! répondit le maître en la repoussant.» Et il entra dans sa chambre, dont il ferma la porte sur lui avec fracas (241, с. 103). – Ни слова больше!.. – вскричал маэстро, отталкивая ее, и прошел к себе в комнату, с шумом захлопнув за собой дверь.*

Кинемы служат включению элементов ситуации общения, в том числе предметного окружения и абстрактных понятий, в речевой акт. В условиях дефицита времени (диалог) или известного расстояния, разделяющего партнеров, или в условиях массовой коммуникации удобнее и экономичнее указать на элементы ситуации общения, изобразить их или представить

символически, чем дать их вербальное описание. Сказанное относится и к эмоциональным кинемам, соотносящимися с абстрактными понятиями переживания и оценок человека.

В отличие от всех незнакомых, указательных и изобразительных кинем, соотносящихся с различными и неопределенными явлениями действительности и не имеющих фиксированную форму, символические кинемы выступают в стереотипной кодифицированной форме и соотносятся с определенным абстрактным содержанием сознания. Форма их выражения произвольно или лишь опосредствованно связана с содержанием.

Границы между произвольными-символическими и непроизвольными-эмоциональными движениями весьма текучи. В результате повторения движения поколениями людей (жесты и позы смирения, мольбы). Так создается впечатление, что движение всегда производилось непроизвольно, аналогично рефлекторным реакциям.

В зависимости от ситуации общения и интенции говорящих в каждом конкретном случае приходится решать, к какому виду относится данное движение, а именно: символический жест, рефлекторная реакция.

- *Чй хел, чй хел.. ўро акнун масхара карда, Чалол пиқ-пиқ механдид. Аммо чашмонаш газаболуд буданд. Баъд вай якбора ба худ ваҷоҳати қиддӣ гирифт. – Ҳамин хел! Аз афту башараат дили кас беҳузур мешавад. Ба ҳолат раҳмам омад, маҷбур гуфтам... – Кошки! Либоси ту барин ғозиҳо табаррук. Маркаб бетоқат шуда, пойҳои ҷафодидаашро монугир мекард (207).*

- *Что как, что .. дразнив его, рассмеялся Джалол, но его глаза были полны гнева. Затем, взявъ себя в руки, - Вот так, вот! Один твой жалкий вид вызывает сострадание у любого. Мне стало жаль тебя. Если бы. Одежда подобных гази священна. Маркаб начал проявлять беспокойство.*

Je te le déclare, en mon âme et conscience, la conquête du pouvoir ou d'une grande renommée littéraire me paraissait un triomphe moins difficile à obtenir qu'un succès auprès d'une femme de haut rang, jeune, spirituelle et gracieuse (217, с. 89). –

Заявляю тебе, что душой и совестью я считал завоевание власти или Большой литературной известности менее трудным триумфом, чем успех у высокопоставленной, молодой, остроумной и изящной женщины.

Sans bouger, les mains serrées contre le cœur, elle continuait à sourire, elle écoutait les parfums qui chuchotaient dans sa tête bourdonnante (243, с. 45). – Не двигаясь с места, прижав руки к сердцу, она продолжала улыбаться, она слушала ароматы, которые шептали в ее гудящей голове.

*Voyons, la main sur la conscience, est-ce vrai? (208). – Ну, признавайтесь положила **руку на сердце**, правду я говорю?*

Je te le déclare, en mon âme et conscience, la conquête du pouvoir ou d'une grande renommée littéraire me paraissait un triomphe moins difficile à obtenir qu'un succès auprès d'une femme de haut rang, jeune, spirituelle et gracieuse (217, с. 89). – Заявляю тебе, что душой и совестью я считал завоевание власти или Большой литературной известности менее трудным достижением, чем успех у высокопоставленной, молодой, остроумной и изящной женщины.

Milady, qui se leva, se pencha brusquement sur une chaise, la tête baissée en arrière, ses beaux cheveux lâches et lâches, sa gorge à moitié nue sous des dentelles froissées, une main pressée contre son cœur et l'autre suspendue (220, с.189). – Миледи, которая встала, резко откинулась в кресле, откинув голову назад, ее прекрасные волосы распущены, ее горло наполовину обнажено под смятыми кружевами, одна рука прижата к сердцу, а другая свисает

Бале ...- Амонов аз бари миз хеста, дар рӯйи фариши гилӣ каме қадам зад ва боз ба ҷояш омада, аз қуттии пеши чароғ дона папирос гирифт. Баъд онро дар байни ангуштонаш тоб додаву мулоим карда, ба сухан давом намуд: - Аз ҳисоби комсомолонат чанд касро ҳамроҳ гирифта метавонӣ? - Панҷ-шаи нафар ҷангдида ҳастанд, лекин силоҳ надоранд. Файр аз ин баъзе аз онҳо пойи пиёда (213, с. 10). – Да ... Амонов встал со стала, прошёлся по коври несколько раз, затем взял сигарету. Поиграв сигаретой, продолжил: - Сколько

у тебя комсомольцев, готовых пойти с тобой? Пять-шесть человек, одна у них нет оружия. И к тому же у некоторых нет коней.

- Каму беиш, - сар чунбонд Анвар, беихтиёр ба ғилофи наган даст бурда. – Тирандозии ўро ман борҳо санҷидаам, - гуфт Каримов, мўйлаби гули зардчатобаширо қаноатманд сила карда. – Аз ин ҷиҳат осуда бошед, беҳато мезанад (213, с. 10).

Только иногда, - кивнул Анвар, взяв на руки наган. – его стрельбу я наблюдал много раз, - сказал Каримов, погладивая свои рыжие усы. На этот счёт будьте спокойны, он хорошо стреляет.

Эмоциональные кинемы вступают в разнообразные отношения с речевыми элементами высказывания, подчеркивая их. Поэтому взаимодействия вербальных и невербальных элементов высказывания объясняют тенденцией к речевой экономии, к импликации; но если ситуационная обусловленность диалога ведет к импликации, то его неподготовленность, спонтанность, наоборот, вызывает тенденцию к экспликации – повторению, усилению.

Как и все явления объективной действительности, паралингвизмы, в том числе эмоциональные кинемы, могут быть описаны средствами языка. При этом следует различать стандартные, нестандартные, эксплицитные, имплицитные и свернутые (конденсированные) номинации эмоциональных кинем.

К нестандартным имплицитным номинациям в двух языках относятся свободные словосочетания: *expression de dégoût* – выражение отвращения; *geste nerveux* – нервный жест; *искаженное лицо* – *visage déformé*; *сияющее лицо*; *тень на лице*:

- Рост, одамизод ба танаиш отаиш афтод, шиноварӣ карда метавонад ё не, ҷониби дарё метозад, - гуфт Амонов, папиросаширо даргиронда. Баъд боз ба Анвар нигарист. Ин даъфа қадре кушода буд чеҳрааш. Чашмони калон-калони ӯ дар зерӣ абрувони сиёҳи зафсаи равшан ва хеле зинда метофтанд. Хулоса, мо қарор додем, ки ба таъҷиби аскарони сурх нигоҳ

карда нашишта, чун солҳои пешин ... ба меҳмонони нохонда худамон машгул шавем. Чӣ гуфти? (213, с. 10). – Правда, такова человеческая природа ... как только нагрянет беда, не важно умеет плавать или нет, бросается в реку, - сказал Амонов, зажигая сигарету. Затем снова посмотрел на Анвара. На этот раз его лицо сияло. Его большие чёрные глаза из-под густых бровей сверкали и были полны жизни. Вывод такой, мы решили, не дождавшись красной армии, как в былые времена, ... самим заняться незванными гостями. Что скажешь?

Бинобар ин, ҷояи ояд, аввал чӣ будани ҳукумати коргару деҳқонро ба онҳо дуруст фаҳмонед, фаҳмонед, ки мо барои чӣ ин қадар қурбониҳо дода, инқилоб кардем. – Ҳатман, то метавонем... – Агар нафаҳманду дар қасди ҷонатон бошанд..... аз худ домангир шаванд. Шумо ҳам дил доред, ҳис доред, тиру туфанг доред (213, с. 11). – Поэтому, в первую очередь объясните им, что такое государство рабочих и крестьян, каким образом мы рискуем своей жизнью ради революции... - Мы сможем... если не поймут и захотят вам отомстить... думайте о себе. И у вас есть сердце, есть оружие!

Интересно заметить, что в приведенном отрывке внутреннее состояние персонажа в таджикском языке передаётся многоточием. Однако переводчик использует конструкцию *тень легла на его лице*, чтобы точнее передать состояние героя.

Son visage indiquait un sentiment de répulsion voisin de l'horreur (217, с. 98). – На её лице было написано **отвращение**, чуть ли не ужас.

Procureur du roi! fit avec stupéfaction le président, sans remarquer le bouleversement qui se faisait sur la figure de Villefort; procureur du roi! (220, с.12). – Королевский прокурор! - изумленно повторил председатель, не замечая **искажившегося лица** Вильфора.

Quand elle se releva, les poignets cassés, la face contractée par une souffrance, tout son mépris de l'homme était remonté dans le regard noir qu'elle lui jeta (243, с. 30). – Когда она поднялась, с онемелыми руками, со страдальчески

искаженным лицом все ее презрение к мужчинам вылилось в мрачном взгляде, который она бросила на Октава.

Son visage exprimait la torture du triomphe sinistre (208). – Зловещее торжество мучительной гримасой **исказило** его лицо.

Le trafiquant saisit machinalement un paquet de Karo, les sans-filtre locales, et en sortit une (208). – Наркомоторговец **нервным жестом** схватил пачку «Каро» – турецких сигарет без фильтра.

Эти описания создаются в текстах и содержат лишь намек на коммуникативное движение, выполняющий его орган незван.

К стандартным эксплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся устойчивые словочетания: *лагат задан* – ударить ногой; *cracher sur* – воротить носом; качать головой; *hausser les épaules* – пожать плечами; *piétiner de colère* – топтаться в гневе, топтать ногами, *Il piétinait de colère* – он топтался в гневе:

Дилаш хунук нагашта ўро мезад. Мехрубон пеши пойҳои Александр, рӯи хона мегелид. Аз лингаи кашола карда, дари оишонаро кушода ва ўро ба он ҷо дароварда рӯи фарш партофта, дарро ба рӯи саҳт нӯшида ва барои насти нишондани газабаи буд, ки лагаде аз нас ба дар зад, гур-гур кард, боз чи суҳанҳои қабаҳе ба забанои омад, гуфт. Ва бо ҳамон дараҷаи кину газабе, ки дар дил пайдо намуда буд, ба сари он мард, ки дами дар дароз мехобиду хуни лабу даҳонашро бо рӯймолча пок мекард омад (210, с. 221). – Он жестоко избивал его. Мехрубон валялся у ног Александра. Заташив его на кухню, плотно закрыл (в гневе) дверь и гневно пробурчал что-то. В состоянии гнева подошел к нему и протер нос платком. Дари ҳавлиро ба мисли харрӯза оҳиста, боодобона накушод, ба лагат зад табақаҳои дарвозаро. Аз миени ҳавлӣ боз ба осмон аз автомат тир андохт. Модаркалон ва завҷаи бемораи садои даҳшатноки тирро шунида аз хона тарсону ларзон берун дави (210, с. 225). – Он не открыл дверь во двор медленно и спокойно, как обычно, а пнул дверные панели. С середины двора он снова выстрелил в небо из автомата. Бабушка и его больная

жена выбежали из дома, услышав страшный звук выстрела. Барои чӣ ин хел меғӯӣ? Се рӯз боз моро меҳӯронад.... – Ҳамааш аз тарс. Вагарна дар ҷойи нону он ба косаат санги сепарра меандозад. Аз **афташ маълум, аз чашмони бозигараш** маълум. Ғайр аз ин сарулибосаш чӣ? Бой бошад ҳам, аз ғӯлаҳии Пешовар бадтар. Ё ту надидӣ? – Хайр шуд, – гуфт **бо оҳанги норозӣ** Курбон ва боз ба кӯҳҳои Боботағ рӯй овард, ки аз канори водии Гардон, бисёр хира ва .. чун дар тасарруфи туман хокистаранг метофт (213, с. 16). – Почему ты так говоришь? Вот уже три дня, как он нас кормит. А что если вместо еды, они принесёт тебе камни? Видно по его лицу, по его играющим глазам. И к тому же ... а его одежда? Если и богат, то он хуже топки Пешавар. Или ты не видел? – Ну, все! – сказал недовольным голосом Курбон и снова перевёл взгляд в сторону гор Боботаг, которые были покрыты туман, пришедшей с долины Гардон.

Quand elle sortit, reculant d'un pas, sans le quitter, il haussa les épaules, mâchant à travers ses dents une obscénité que personne n'avait entendue (242, с. 108). – Когда она вышла, отступив на шаг, не сводя с него глаз, он пожал плечами, пережевывая сквозь зубы непристойность, которую никто не услышал.

Il y en a même qui n'ont jamais goûté de venaison chez eux, à moins qu'ils n'aient braconné, et qui font fi de la cuisse de daim la plus grasse qu'on puisse avoir ici (243, с. 89). – Даже оболтусы, в жизни не пробовавшие другой дичи, кроме той, которую им удавалось убить тайком в барском лесу, и **те нос воротят** от самых жирных окороков.

Эти описания воспроизводятся в текстах. Выполняющий коммуникативное движение орган назван, обозначено и само движение.

К стандартным имплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся нераспространенные и распространенные устойчивые словочетания: *échanger des vues* – обменяться взглядами; *faire des grimaces* – делать гримасы:

*Tous deux échangèrent un regard. Une sueur froide sortit soudain de tous les pores de cette femme (217, с. 97). – Они **обменялись взглядами**, и вдруг она вся покрылась холодным потом.*

*Nous nous arrê tâmes, et, à travers les trous de leurs masques, la camériste et l'amant se jetèrent des regards de feu comme pour se dire: — Le tuerons-nous s'il s'éveille? (217, с. 67). – Мы замерли, и, сквозь отверстия своих масок, камеристка и любовник **обменялись** огненным **взглядом**, как бы говоря: „Убить его, если он проснется?“*

Elle leva les yeux brouillés par la peur sur le beau visage de la jeune baronne, et ce regard qu'ils échangèrent Brisa immédiatement la glace (240, с. 28). – Она подняла свои затуманенные страхом глаза на красивое лицо молодой баронессы, и этот взгляд, которым они обменялись, сразу же сломал лед.

Эти описания воспроизводятся в текстах, однако их распространители свободно варьируются. Выполняющий коммуникативное движение орган не назван, само движение может быть обозначено / не обозначено. Данный тип был выявлен на материале французского языка.

К нестандартным эксплицитным номинациям эмоциональных кинем относятся свободные словосочетания: *aux visages fermés* – хмурое лицо; *froncer les sourcils* – хмурить брови:

- *Лозим не, - ба абрувони пайваستاи беиштар гирех андохт Усмон Азиз, - худатон хӯред. – Сипас чомааширо, ки лӯнда шуда, дар рӯйи гилем мехобид, чанг зада, қароҳатомез ба пушти болини паҳлуяи партофт. – Вай ҳамин чо? (213, с. 19). – Не нужно, - сказал Усмон Азиз, нахмутив брови. – сами ешьте. – После, взяв свой халат, закинул его за падушку, спросил. – Он здесь?*

*Celui qui marchait le premier, et derrière lequel son compagnon semblait décidé à s'effacer entièrement, était petit, et d'une figure assez maussade (241, с. 56). – Тот, что шел первым и являлся как бы ширмой, за которой, казалось, пытался укрыться его товарищ, был небольшого роста, с довольно **хмурым** лицом.*

*Les employés aux visages fermés veillaient encore, mais cette veille était inutile. – Служащие с **хмурыми лицами** еще дежурили, но их дежурство было бесцельным. Ils froncent les sourcils pour bien souligner leur agacement (240, с. 45). – Они **хмурят брови**, чтобы подчеркнуть свою досаду.*

Эти описания создаются в текстах, выполняющее коммуникативное движение орган назван, само движение не обозначено.

К стандартным конденсированным номинациям эмоциональных кинем относятся лексемы типа: *faire un clin d'œil, cligner de l'œil* *подмигивать*; *claquer vi; frappervi sur, taper vi sur* – *хлопать, топать*, однозначно имплицитные *руки, глаза и ноги*. Выполняющий коммуникативное движение орган не назван, само движение обозначено.

Приведем примеры:

- Мемури?! – ногахон **наъра кашид** Усмон Азиз ва лачомро зуд ба дасти чап гузаронда, дасти росташиро ба гилофи маузер бурд. Асп дар таги пойи ӯ безобита шуда, ёл афшонд, сум кӯфт, гарданак зад. – Охир Дуртар рав! – гуфт Усмон Азиз (213, с. 36). – Тебе сложно, – зарычал Усмон азиз, взяв уздечку в левую руку, а правой рукой схватив маузер. Его лошадь обезумела от состояния своего хозяина и начала бить копытами. – В конце концов. – Убирайся! – сказал Усмон Азиз.

Puis, se tournant vers le conducteur: - Quelle est donc cette mauvaise plaisanterie? lui dit-il non sans un clignement d'oeil que Consuelo observa très-bien (240, с. 34). – Затем, повернувшись к вознице, он сказал ему, **подмигивая** глазом (что прекрасно подметила Консуэло): – Какая глупая шутка!

Elle disparaissait sous les arbres, traversait des nappes de soleil, revenait, essoufflée, tapant des mains (242, с. 20). – Она пряталась за деревья, проходила по солнечным местам, возвращалась обратно, вся запыхавшись, **хлопала** в ладоши.

При сопоставлении двух языков были выявлены универсальные признаки употребления эмоциональных кинем, а именно:

1. Эмоциональные кинемы вербально наиболее адекватно передаются стандартными номинациями – эксплицитными, имплицитными и конденсированными. Нестандартные номинации выделяют признаки этих действий, или передают эти действия наглядно, образно.

2. Номинации эмоциональных кинем в художественных текстах употребляются преимущественно в составе повествовательной авторской речи.

Взаимодействие повествовательной авторской речи с прямой речью персонажей выявляет функциональную характеристику и прагматический тип прямой речи. Например:

- *Ah, c'est comme ça, dit l'étranger en clignant des yeux pour avertir le curé de la paroisse, c'est évidemment le même vieillard qui nous a chanté Porpora?* [241, с. 128]. – *Ах вот как, - сказал незнакомец, моргнув глазом, чтобы предупредить приходского священника, - так это, очевидно, тот самый старец, который пел нам Порпору?*

– *Qu'on ne vienne plus me dire du mal de l'ordinaire de la Bastille, dit-il en clignant les yeux; heureux les prisonniers qui ont par jour seulement une demi-bouteille de ce bourgogne!* [243, с. 206]. – *Какой вздор говорят о плохом довольствии в Бастилии, - сказал он, подмигивая. - Счастливы эти заключенные, если им ежедневно дается даже по полбутылки этого бургундского!*

В приведенных выше предложениях, эмоции радости, лексически выраженные в прямой речи, поддержаны восклицательной формой высказывания и эмоциональными кинемами. Таким образом, коммуникативное намерение выражено однозначно, наблюдается соответствие локутивного и иллокутивного актов. Локутивный акт – сообщение о чем-либо, иллокутивный акт – речевое действие.

Номинации эмоциональных кинем в текстах вызывают своеобразное явление: пропозиция и иллокуция, относящиеся к одному и тому же коммуникативному акту, оказываются разведенными в разные высказывания.

Кинемы многозначны, так *taper vi du pied* – *топать ногами* в зависимости от контекста, может обозначать и радость и гнев. Такие кинемы были выявлены на материале французского языка:

Son oeil s'injectait de sang et devenait terrible, ses traits se contractaient, elle frappait du pied (241, с. 203). – *Ее глаза наливались кровью и становились страшны, лицо перекашивалось, она топала ногой.*

Malgré ses quatre-vingts ans, le vieil homme tapotait si fort avec ses talons que ses lourdes chaussures de fer sculptaient des étincelles dans les silex de la route (243, с. 78). – *Несмотря на свои восемьдесят лет, старик так сильно постукивал каблуками, что его тяжелые железные башмаки высекали искры из кремней дороги.*

На стилистической окрашенности вербального описания кинем их соответствие / несоответствие общепризнанным нормам поведения не отражается. Как *радость, гнев и печаль* могут быть переданы нейтральными единицами:

- *Номат чӣ буд? – Пояширо ба сундуқи синаи ӯ гузошт. Марди чун мурғи чун мурғи нимҷонгашта ҷавоб гуфта натавонист. Бо ишораи Александр ӯро боз зери лат кашиданд, бачаҳои вай то хастаю монда шудан шаттакориаш карданд. Ба дараҷае расид, ки дигар маҷоли ҷунбиданааш намонд. – Ба ҳалочо кашед, баред, лаънатиرو ҷуволакӣ мекунем, фаҳмидед, ҷуволакӣ. Ба ҷонам расонд, айшамонро талх кард. Ҷазояширо бинад, ҷуволакӣ. – Александр ҳукмаширо ба такрор ба забон овард. Сангину як нафари дигар, ки остинҳои куртаашонро то ба оринҷ бар зада, болои сараи меистотанд, паи адои супориш шуданд. Марди ниммурдари ҷониби хочатхона кашиданд* (210, с. 221). – *Как тебя звали? - Он поставил ногу на грудь. Человек, похожий “на полудохлую курицу”, не мог ответить. По знаку Александра его снова избили, дети дразнили его и избивали его до тех пор, пока не устали. Его избили до того, что он не мог двигаться. – Отнесите его в холл, отнеси, черт подери, ты понял, иди. Он испортил мне жизнь. Пусть увидит свое наказание, ублюдок.*

- Александр повторил свою фразу. Сангин и еще один человек, закатал рукава рубашки до локтей, встали над головой избитого, чтобы исполнить приказ Александра. Полумертвого мужчину затащили в унитаз.

Qu'as-tu, ma chère vie ? dit-il en s'asseyant près d'elle et lui prenant la main qu'il baisa (217, с. 56) – *Что с тобой, жизнь моя? - сказал он, садясь возле нее и целуя ее руку.*

– *Ah! Sire, s'écria Saint-Luc en baisant la main du roi, j'ai retrouvé mon maître bien-aimé!* (220, с. 91). – *Ах, государь, – воскликнул Сен-Люк, целуя королю руку, – наконец-то я снова нахожу своего любимого господина!*

Comme je n'ai absolument rien à vous dire, répondit Consuelo d'un ton glacial, vous n'avez pas à m'écouter; et quant à me mettre à genoux, c'est ce que vous n'obtiendrez jamais de moi (217, с. 39) – *Так как мне совершенно нечего вам сказать, – ответила Консуэло ледяным тоном, – вам не придется меня слушать. А встать перед вами на колени... нет, этого вы никогда от меня не добьетесь.*

В художественных текстах вербальное описание эмоциональных кинем оказывается эффективным средством передачи эмоций действующих лиц, то есть имеет место «изображение внутреннего через внешнее».

В речевом акте говорящий стремится выразить свое душевное состояние – эмоциональное отношение к предмету действительности (событиям, лицам, реальным и ментальным объектам). Выражение эмоций адресантом имеет своим последствием индуцирование эмоционального состояния / отношения у адресата. Таким образом, мотивы выражения эмоций не сводимы к эмоциональной реакции на внешний стимул. К ним необходимо отнести также стремление адресанта эмоционально тронуть адресата, чтобы активизировать его, чтобы в результате он совершил / не совершил те или иные действия. Это делает возможным использовать эмоциональные единицы для передачи адресату установок и оценок автора. Эмоциональные кинемы являются

существенными элементами в реализации коммуникативной направленности текста – его воздействия на адресата.

Материал исследования в двух языках свидетельствует не только о сходстве функций эмоциональных кинем, но и их специфике в устном общении и их номинаций в художественных текстах.

Номинация эмоциональных кинем может рассматриваться как факт совмещения языковой формы с элементами структуры события.

3.3. Эмотивный текст и его признаки во французском и таджикском языках

Следует заметить, что текст многие ученые рассматривают как объект лингвистики – науки, занимающейся исследованием языковых закономерностей, которые определяют единство текста. Тот факт, что мы говорим не словами, а целыми предложениями и даже текстами, в настоящее время не вызывает возражения. Любой текст, так или иначе, связан с различными ситуациями, декодирующими смысл слов и предложений [53, с. 45]. Эмотивный текст стал предметом пристального изучения в последние десятилетия.

Объектом пристального внимания ученых становится такая разновидность текста, которая будучи не самостоятельной, но по смыслу и формально отличается от других типов текста тем, что содержит различные эмоции. Следует заметить, что решением проблем эмотивного текста занимаются не только филологи, лингвисты, но также специалисты в сфере психолингвистики, специалисты в области текстолингвистики и др. Данная проблема является актуальной, так как она связана в первую очередь с проблемой эмотивной лакунарности – национально-специфическая черта любого эмотивного текста, которая рассматривается как в теории, так и в практике перевода [158, с. 190].

Согласно точке зрения многих ученых, любое высказывание содержит эмотивный аспект, так как информация о каком-либо факте может повлиять на

психическое состояние реципиента. Данной позиции придерживается Ч. Стивенсон, рассматривающий эмотивный текст как текст, изменяющий чувства и отношения людей [144, с. 67].

Однако данная точка зрения вызывает возражение у ряда ученых. В частности, В.И. Шаховской отмечает, несмотря на то, что текст меняет психическое состояние реципиента, это не является основанием рассматривать такой текст как эмотивный. Сложность определения эмотивного текста заключается в том, что в его содержании не всегда присутствуют формальные эмоциональные знаки, несмотря на то, что в тексте много «реальных эмоций», то есть само содержание текста может быть имплицитно эмотивным [Там же, с. 195].

Согласно С.В. Ионовой, чтобы определить лингвистический статус эмотивного текста, необходимо разграничить эмоциональность – языковая личность автора и эмоциональность текста – его имманентная характеристика [79, с. 23]. Следует заметить, что эмотивность может быть разной в различных функциональных текстах: в научном и профессиональном текстах уровень эмотивности намного ниже, чем в художественном тексте и в СМИ. Важно, чтобы эмотивные элементы присутствовали на всех уровнях организации речевого произведения [152].

Так как объектом нашего исследования в данном параграфе является эмотивность художественного текста, более подробно рассмотрим данный вид текста в разноструктурных языках.

Специфика художественного текста заключается в том, что эмоции присутствуют на всех уровнях его организации, которые определяют динамику его эмотивного содержания. Эмотивность таких текстов является текстуальной, а не узуальной [45]. Исходя из вышеизложенного, эмотивность можно рассматривать как важное средство интерпретации содержания текста [49].

Новые условия коммуникации позволяют акцентировать внимание на новые возможности реализации эмотивности в языке, а также на его скрытые

ресурсы. В этой связи становится необходимым углубленное понимание не только эмоциональной достоверности автора, но и эмотивной достоверности текста [123]. Важно заметить, что эмотивная компетенция авторов художественных произведений является не только способностью использовать эмотивные средства и стилистические приемы данного языка, но и процесс отражения национально-культурных реалий.

Эмотивный текст обладает функциями не только обычного текста, такими как: преобразующая, компенсирующая, нейтрализующая, но и своими собственными функциями, а именно: способностью сделать предметное значение слова контекстуально-коннотативным. Данная функция эмотивного текста при наличии просодических и фонационных элементов безгранична. При этом следует заметить, что названные функции, исходя из специфики семантики языковых единиц эмотивного текста, обладают особой представленностью. Такую специфику можно объяснить взаимодействием значений слов, которые входят в определенный контекст и их влияние друг на друга: в различных текстах одна и та же лексическая единица может по-разному варьировать свою семантику.

Следующий немаловажный аспект исследования эмотивного текста – это интертекстуальное качество эмотивности, которое связывает эмотему многих текстов в эмотивный свертхтекст [158, с. 196]. Эмотивный свертхтекст, как отмечает F. Danes, подлежит узнаванию в каждом новом эмотивном тексте. Подобное узнавание происходит при помощи интертекстуальных формантов и финитивов, таких как: топосы, клише, образы, символы и др. [169, с. 272]. Данные наблюдения позволяют заключить, что литературная культура и транстекстуальность обладают пространственно-временной непрерывностью. При этом главным фактором, позволяющим понять смысл эмотивного текста является межтекстовая компетентность реципиентов [172].

Перекодирование каждого нового текста происходит при помощи специальных средств, так называемых межтекстовых эмоциональных фреймов.

При этом следует заметить, что интертекстуальные фреймы у всех читателей разные. План выражения и план содержания текста видится разными читателями по-разному. Следовательно, этим объясняется множество интерпретации одного и того же текста. Учет эмотивной интертекстуальности необходим, так как без него невозможно адекватное понимание всех смыслов художественного текста [159].

Следовательно, эмотивный текст можно рассматривать как своеобразное «здание», где находятся все «этажи» эмотивности языка. Исследование смысла эмотивного текста позволяет выявить эмотивность в действии: как она «работает», ее различные проявления, взаимодействия с когнитивными значениями единиц эмотивного текста, их экспрессивность и оценочность. Специфика эмотивного текста заключается в соотношении многообразных эмоций различных пластов текста.

Основная черта любого текста – это ситуативность [124]. Следовательно, действительность семантически интерпретируется текстом. Такая интерпретация может быть и эмоциональной, так как именно эмоции выступают «пусковым механизмом» речевого акта.

Основными компонентами эмотивного текста являются: 1) языковые единицы: эмоционально окрашенная лексика, фразеология, эмотивные конструкции; 2) параязыковые единицы: эмоциональная кинесика. Неязыковыми компонентами эмотивного текста являются эмоциональные намерения, эмоциональная позиция участников коммуникации в процессе общения, а также общий эмоциональный настрой [158, с. 202]. Данные компоненты находят свое выражение в лексических средствах, синтаксисе, в стилистических средствах, в просодии, кинесике, выступающих в роли сигналов об эмотивности определенного текста.

По справедливому замечанию Ш. Балли, спецификой разговорной речи является стремление к эмоциональному выражению мысли [24, с. 78]. В.Г. Гак отмечал, что любое высказывание сопровождается эмоциями [49, с. 100]. При

этом следует заметить, что письменный текст менее эмоционален по сравнению со звуковым текстом, благодаря просодии и фонации.

Проиллюстрируем данное положение примерами из художественной литературы на материале таджикского и французского языков:

*Оҳ, ту баробари зудхаимӣ боз берӯю бешарм ҳам будайи! – қоҳ-қоҳ зада механдид Антипатр. – О, ты столь же вспылчив, сколь и бесстыден! - Антипатр засмеялся. Оре, қисму қон ин лаҳза пеши чашмаи мисли кӯҳ омад. Оҳ, кош ин поёни бадбахтии ӯ мебуд. Охир, ӯ рӯзи қиёмат чун зинда шавад, мебинад, ки Лайлӣ дар оғӯши Маҷнун асту **шод мегардад**, ки Худо ошиқонро, ҳамчунон ки ваъда дода буд, ба мақсад мерасонад ва рӯ меорад ба Ширин, дар ҳоле, ки Ширин ӯро намениносаду дар оғӯши Хусрав аз бахт меболад. – Да, тело и душа в этот момент предстали перед его глазами, как гора. О, мне бы хотелось, чтобы это был конец его страданий. Ведь когда он возвращается к жизни в День Воскресения, он видит, что Лайли находится в объятиях Меджнуна, и радуется, что Бог приведет влюбленных к месту назначения, как он и обещал, и обращается к Ширин, а Ширин не узнает его и в объятиях Хосрова счастлива (210).*

*–Je sais qu'il est votre élève, beaucoup plus que celui du professeur que je lui ai donné, répondit le comte en souriant. – Знаю, знаю, что он в большей мере ваш ученик, чем ученик того профессора, которого я ему дал, – улыбаясь, заметил Дзустиньяни. – Не отнекивайтесь, **моя красавица!** (241, с. 20).*

В ходе анализа художественных произведений на материале таджикского и французского языков были выделены два вида эмотивов: эмотивы-стимулы (S 1) и эмотивы-реакции (R 1). Данные эмотивы тесно взаимосвязаны. Исследование взаимоотношений эмотивов – стимулов и эмотивов-реакций выявило одну закономерность: преобладание отрицательной связи в эмотивном высказывании. Суть такой регулярности заключается в том, что при наличии в эмотивном высказывании-стимуле эмотивного компонента с отрицательной коннотацией, компонент со знаком минус будет преобладать также и в эмотиве-

реакции. При наличии в эмотиве-стимуле компонента со знаком плюс, то и в эмотивном тексте-реакции должен присутствовать компонент с положительной коннотацией.

Проиллюстрируем данное положение. Приведем примеры, показывающие, как проявляется закономерность с положительной и отрицательной оценкой.

На материале таджикского языка:

*Дилу бедилон когазро кушод, хаташиро беовоз хонд ва когазро боз чорқат карда ба кисабагалаш монд ва бе ҳеҷ ҳиссиёт гуфт: «ту навқари азизи ӯ будай».. Ва таваққуф кард, ва вақт аз гардиш бозмонд, ва Рӯзимурад гӯё одами зинда не, балки сурати деворе буд; ва Амир лаб кушод: Вай ба мо хиёнат кард, ту бояд **бимири**!»; ва Амир аз ҷояш хест, рӯбарӯи Рӯзимурад истод: «Туро ҳар вақт **куштан** мумкин, алҳол дар ҳамин ҷо бош. Он тарафаширо мебинем...». – Он с неохотой развернул газету, молча прочитал строки, снова сложил бумагу, положил ее в карман и без каких-либо эмоций сказал: «Ты была его дорогой новичком...», но это была картинка на стена; и Амир открыл рот: «Он предал нас, ты должен умереть!»; И Амир встал и встал перед Дуримурадом: «Тебя могут убить в любой момент, оставайся здесь и сейчас. Потом посмотрим, что будет дальше...» (207).*

На материале французского языка:

*Ah! dit Joseph avec une **gaîté triste**, j'aimerais mieux tuer ton comte Albert ou moi-même» (240, с. 67). — Ах! Я предпочел бы **убить** твоего графа Альберта или себя, – с грустной улыбкой промолвил Иосиф.*

*Je **veux donner** la mort à ta passion funeste, et par la vérité je veux te rendre Нем! Я хочу **убить** твою пагубную любовь, а тебя вернуть к жизни, открыв тебе правду!» (241, с. 39). – ответил старик, прижимая руку девушки к своему возмущенному великодушному сердцу. à la vie, répondit-il en serrant le bras de l'enfant contre sa poitrine généreuse et indignée.*

Приведенные примеры иллюстрируют проявление отрицательной закономерности. Как видим, в двух языках она совпадает.

Приведем примеры с положительной коннотацией.

В таджикском языке:

*Шоҳпарак ба ору нигариста: Дугонаи **азизам**, оруҷон, бас будагист ҷамъу гир кардан, **биё каме рақсу бозӣ кунем**, аз охири гулҳо бӯи ширини зиндагӣ бикашем, лаззати машиом диҳем, – гуфт (207).*

– *Дугонаҷон, вақти истироҳат фасли зимистон аст. – Шахпарак посмотрела на пчелу:*

Мой дорогой друг, мечтай, давай соберемся, немного потанцуем и поиграем, почувствуем сладкий запах жизни от последних цветов, насладимся вечером, - сказал он. - Друзья, настала зимняя пора отдыха.

На материале французского языка:

– *Ah! dit Anzoleto avec un profond soupir, tu mets le doigt sur ma plaie, **pauvre Consuelo!** (241, с. 67). – Ах, Консуэло, **дорогая**, как ты растрavляешь мою рану, – тяжело вздыхая, проговорил Андзолето.*

*Il répéta tout bas, plusieurs fois de suite: - **Chère, chère, chère** Any. (241, с. 56). – Он тихо-тихо повторил несколько раз: – **Дорогая, дорогая, дорогая** моя Ани!*

Следующая особенность эмотивного текста заключается в том, что эмотивные элементы не встречаются в нейтральных текстах, когда намерения коммуникантов нейтральны, то и сам текст – неэмоционален.

Однако, как показал анализ фактического материала, если ситуация – неэмоциональна, но в ней присутствуют эмотивные элементы, то они характеризуют либо речь персонажа, либо имеют фактическую цель – общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения.

Исследование позволило выявить специфические признаки эмотивного текста на материале таджикского и французского языков. Так, если во

французском языке в эмотивных текстах присутствуют клишированные эмотивные конструкции, которые тяготеют к эмотивным высказываниям, то в таджикском языке используются главным образом лексические единицы с положительной и отрицательной коннотацией.

Проиллюстрирует данное положение. Приведем примеры клишированных эмотивных структур во французском языке:

Ah!, c'est bon, dit Annette, en respirant à pleine gorge (208) – Ах, – как хорошо! – глубоко дыша, сказала Аннета.

– C'est cela, dit Marguerite en sautant comme une enfant, nous allons souper. – Ах как хорошо! (210, с. 97) — сказала Маргарита, подпрыгивая, как ребенок. — Мы поужинаем.

Et tous deux, sous la chaleur du soleil calmée par l'air marin, devant le vaste et doux horizon d'eau bleue moirée d'argent, pensaient en même temps: «Comme il aurait fait bon ici, autrefois» (208). – И, греясь на солнце, зной которого умерялся морской прохладой, любясь широким, безмятежным простором и голубой, отливающей серебром гладью вод, оба они одновременно думали – "Как хорошо нам было бы здесь в прежние времена".

В таджикском языке как было указано выше, используются лексические единицы с положительной и отрицательной коннотацией.

Например:

Бо вучуди ин Барот муштаиро гиреҳ карда ба пеш дароз мекунаду аз миён болояиро аз тиреза бароварда бо овози баланд, то шоҳидон шунида бошанд, сиёсат мекунад: – Аблаҳи ахмақ, ту худат Ёфтаки Боймад, – ва барои эҳтиёт саросема худро пас кашида тирезаро боз мепошаду пардаашро низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад (207). – Несмотря на это, Барот сжимает кулаки и тянется вперед, высовывая голову из окна и громко говоря, чтобы свидетели могли услышать: - Глупый дурак, ты оказался богатым, - и, чтобы быть осторожным, он поспешно отстраняется, снова

закрывает окно и задергивает шторы, чтобы больше никакой шум не доходил до его ушей.

Таънаи янга Падару модараш акнун пир шуда буданд ва янгааш худро хуљаини мутлаки хона дониста, гоњ-гоњ ба Назокат бењурматї мекард. Боре янгааш писарчаашро берањмона лату кӯб кард, Назокат кӯдакро аз зери дасти модари золимаш кашида гирифта келинро, ки шогирди собикаш буд, сарзаниш намуд: -Э садкаи номи модар шавї **ту беинсоф**, кӯдаки бечораро зада мекушї?! -Кори ту чї, **мекушамаш**, мехӯрамаш, бачаи худам, аввал шӯ ёфта якта зой, баъд ба ман маслињат дењ,-фарёд зад келин (207). – Невестка упрекала старых родителей, и она считала себя абсолютной хозяйкой дома и иногда не уважала Назокат. После того, как ее молодой человек безжалостно избил ее мальчика, Назакат вырвала ребенка из-под рук деспотичной матери и отругала невестку, бывшую свою ученицу: «Ты недостойна быть матерью, ты нечестна, вы забили бедного ребенка до смерти?!» - Какое тебе дело, я его убью, я съем его, сын мой, сначала выйди замуж и заведи ребенка, потом давай мне свои советы, - кричала невестка.

Анализ языкового материала также позволили выделить следующую специфику эмотивного текста в таджикском языке – «плотность эмотивов». В широких текстах, имеющих размер фразового единства, не выражается одна изолированная эмоция – одна эмоция вызывает другую, то есть эмоции выступают в комплексе. В таких случаях наблюдается конвергенция эмотивов, чем их больше, тем плотнее становится эмотивность текста.

Приведем пример из Национального корпуса таджикского языка (207):

Агар имрӯз чашми хирад бикшоему аз дариҷаи ақл назаре ба таълиму тарбияи волидонӣ худ биандозем, аз тарбияи эшон қаноатманд мешавем? Дар ҳоле, ки падар пеши фарзандон бо телефон суҳбат мекунад ва дурӯғ мегӯяд, модар пайваста пайи кинаву озори ҷамсои суҳан мекунад, падар бо даҳони ифлосу забони қабех “эй сагера” ва ё “эй падарлањнат” фарзандро садо мекунад, ҷамсари худро пеши фарзандаш бо зишттарин суҳаноне, ки аз доираи

инсоният берун аст, дашном медиҳад ва амсоли ин боз дигару дигар... Имрӯзҳо дар хонадони аксари кӯдаки хурдсол аст, вале афсӯс, ки бархе аз волидон на он тарбияро, ки фарзандро ба сӯйи камолот раҳнамун созад, медиҳанд – Если сегодня мы “откроем глаза мудрости” и посмотрим на образование и воспитание детей родителями, будем ли мы удовлетворены их образованием? Пока отец разговаривает по телефону и врет при детях, мать постоянно говорит назло и раздражает своих соседей, отец нецензурной лексикой называет ребенка «ты, собака» или «черт тебя побери», а свою супругу при своем ребенке оскорбляет неприятными словами, и так далее... В наше время это распространено в домах, где много маленьких детей, но, к сожалению, не все родители дают своим детям достойное образование.

Исследование эмотивных текстов показало, что определенные эмотивные компоненты употребляются в определенных коммуникативных типах предложений. Например, если эмотивные единицы, выражающие **удивление, возмущение, радость** встречаются главным образом в восклицательных или в вопросительно-восклицательных предложениях, то лексические единицы, выражающие **грусть, печаль** встречаются в повествовательных предложениях. Данный факт обусловлен лингво-психологическими закономерностями.

Кодированность языковых единиц, выражающих различные эмоции, сигнализирует о различных эмоциональных состояниях и отношениях в эмотивном тексте. Далее рассмотрим примеры, использования эмотивных клише в качестве эмотивного сигнала.

Бо вучуди ин Барот мушташиро гиреҳ карда ба пеш дароз мекунаду аз миён болоширо аз тиреза бароварда бо овози баланд, то шоҳидон шунида бошанд, сиёсат мекунад. – Аблаҳи ахмақ, ту худат Ёфтаки Боймад,– ва барои эҳтиёт саросема худро пас кашида тирезаро боз менӯшаду пардаашро низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад...Тасдиқ (207). – Несмотря на это, Баро сжимает кулаки и тянется вперед, высовывая голову из окна и громко говоря, чтобы свидетели могли услышать. - Глупый дурак, ты оказался

богатым,- и, чтобы быть осторожным, он поспешно отстраняется, снова закрывает окно и задерживает шторы, чтобы больше не было слышно шума...

Подтверждение

*Que veux-tu dire, **imbécile** ? demanda d'Artagnan, qu'est-il donc arrivé ? (220, с. 56) – Что ты хочешь этим сказать, **дурак**? – спросил д'Артаньян. – Что здесь произошло?*

Как видим, эмотивное клише не всегда может быть экспрессивным по смыслу для участников коммуникации. Они экспрессивны лишь по своим формальным сигналам определенного намерения отправителя, которые вызывают определенный настрой у реципиентов.

Следующая особенность эмотивных текстов по сравнению с нейтральными текстами – это дистрибуция неэмотивных языковых единиц. Сравним: *il en sait beaucoup – много он знает и beaucoup il en sait – он знает много:*

*Sans doute il cherche Albert, ou il vient l'attendre; preuve, ma pauvre enfant, qu'il ne sait pas plus que nous où il est! (208). – Верно, он ищет Альберта или ожидает его? Вот вам доказательство, дорогая, что **он** не **больше** нашего **знает**, где находится Альберт.*

*Ман бо ҳамин васила дили худро ба дарёву парасту ва дар пораи баъдина ба аспи чувоз монанд кардаам, ки умре бо чашии баста кундаи чувозро мегардонад. Ва ҳар бор бо саволи «Раҳи ту аз кучо то бар кучо, дил» **донистан мехоҳам**, ки қисмати дил ба чӣ ранг аст! Ҳамин тавр, агар мақсади муаллиф дуруст пай бурда нашавад, мисраи гурези «Раҳи ту аз кучо то бар кучо, дил?» беҷо менамояд (207). – Таким образом, я сравнил свое сердце с рекой и пастухом, а в более поздней части — с лошадьё, которая с закрытыми глазами переворачивает пень. И каждый раз я хочу узнать, какого цвета часть сердца с вопросом «Откуда и куда ты идешь, сердце!» Таким образом, если замысел автора понятен неправильно, бегущая строка «Откуда твой путь, куда, сердце?» это выглядит неуместно.*

Или, например: *Ман донистан мехоҳам / Ман мехоҳам донам.*

Как видим, трансформация эмотивного предложения в нейтральное в первом предложении приводит к потере эмоциональной информации, а фактуальная информация изменяется на противоположную. Во втором высказывании фактуальная информация сохраняется, сопровождаясь репрезентацией эмоции. Из этого следует, что эмоции способны не только изменить грамматическую структуру высказывания, но даже разрушить его. Следовательно, эмотивные высказывания могут иметь свой синтаксис, специфичный для каждого языка, как мы видим, из приведенных выше примеров на материале таджикского и французского языков.

Нами также была выявлена еще одна закономерность эмотивного высказывания, удачно выраженная Г.К. Честертоном: «Мы не умеем разнообразить хвалу так, как мы разнообразим порицание» [156, с. 137]. Следует заметить, что наиболее частотным является микрополе «неодобрение». Анализ лексикографических источников таджикского языка по сравнению с французским языком выявил преобладание эмотивов неодобрения.

Одним из важных свойств эмотивного текста является то, что в нем редко употребляется одна изолированная эмоция. Обычно эмоции выступают в комплексе. Такую специфику эмоций К. Изард называет «выражением эмоции в континууме» [81]. Этим можно объяснить тот факт, что эмотивы в текстах редко выступают в чистом виде; наблюдается их сплетение в одном «пучке». Как отмечает В.Н. Телия: «Чем плотнее эмотивность высказывания, тем интенсивнее его прагматика» [146, с. 34].

Эмотивная семантика высказывания обычно притягивают компоненты, которые усиливают его эмотивное содержание.

Например, во французском языке:

Ce n'est pas un bon père, c'est un porc dégoûtant, c'est une bête sanguinaire, c'est une bête sanguinaire. – Он не добрый отец, он - грязная свинья, кровожадная скотина повёрнутый на себе кретин!

un crétin mégalomane, un uniforme plein de merde! – Он - чёртов солдафон, полный дерьма! (208).

Значение эмотива в первом предложении строится эмоциональными компонентами *c'est un porc dégoûtant, c'est une bête sanguinaire – отвратительная свинья, кровожадный зверь*. Данное предложение было бы менее эмоциональным, если не было бы разложено говорящим на перечисленные доли. Сама конструкция **un** + **A** + **A** является языковым эмотивом, кроме местоимения **un**, являющееся контекстуальным эмотивом из-за своей дистрибуции и эмоциональной роли.

Аналогичное выявлено нами в таджикском языке. Однако структура эмотивного высказывания иная: **N+N**

В таджикском языке:

«Аблаҳи ахмақ, ту худат Ёфтаки Боймад, – ва барои эҳтиёт саросема худро нас кашида тирезаро боз меӯшаду пардаашро низ мекашад, ки садое дигар ба гӯшаи нарасад... Дар вақти дар редаксиаи газетаи вилоятии «Роҳи ленинӣ» кор кардан бо ҳайати корие фаъолият доштем, ки ҳамагӣ шахсиятҳои шинохта ва чехраҳои эътирофғаштаи вилояту ҷумҳур буданд» (207). – Глупый дурак, это ты нашел Боймада, - и, чтобы быть осторожным, он поспешно ретируется, снова закрывает окно и задергивает шторы, чтобы шум больше не доносился до его ушей... Во время работы в редакции журнала областная газета «Рохи Ленини», мы работали с рабочей группой, в которую вошли только известные личности и признанные лица региона и страны.

Таким образом, можно отметить, что художественная литература – это своего рода депозитарий эмоций. В ней описываются различные эмоциональные ситуации, средства и способы коммуникаций эмоций.

Выводы по третьей главе

Результаты проведенного исследования позволяют отметить следующее. Сведение воедино всех переводов лексики исходного языка и их системное

рассмотрение предоставляет в распоряжение исследователя интересные данные, свидетельствующие о характере отражения семантического отражения лексемы исходного языка в язык перевода. Анализ отражения семантики таджикских слов во французском языке и французских слов в таджикском дает основания для корректировки некоторых статей двуязычных словарей по линии дополнения существующих списков эквивалентов новыми, которые выявлены в результате анализа переводов выборки и могут рассматриваться поэтому как объективные.

Двойственная природа эмоций состоит в сопряженности внутренних психо-физиологических процессов с их внешним проявлением, поэтому номинации эмоциональных кинем являются одним из распространенных выразительных средств художественной литературы. С помощью таких номинаций внутреннее состояние человека передается посредством описания его поведения.

Исследование разноцветной палитры вариантов универсальных эмоций в разных национальных культурах (таджикском и французском языках) позволяет нам говорить о возможности исследования эмоций конкретной лингвокультуры.

Анализ эмотивного текста позволяет отметить, что эмоции проникают во все уровни системы языка, однако пока сложно установить точное соответствие между эмотивными высказываниями и интерпретациями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования огромного фактического материала позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования.

Проблема репрезентации человеческой эмоции сегодня представляет собой тот исследовательский фокус, где перекрещиваются такие парадигмы современной лингвистики как: коммуникативно-когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая и т.д. Такая полипарадигмальность лингвистики эмоций – это результат развития психологически ориентированной лингвистики, установившей, что эмоции охватывают всю ментальную сферу человека, эмоциями пронизана вся вербальная и невербальная деятельность человека.

Позиция Э. Сепира (учёный отмечал, что если эмотивный компонент не входит в семантическую структуру слова, то, следовательно, эмотивность не представляет никакого интереса), которая долгое время считалось в лингвистике авторитетной, в настоящее время не отвечает требованиям науки о языке. Эмотиология начала активно развиваться ещё в 70 годы прошлого столетия. С тех пор написано огромное количество работ, посвященных эмотивности языка, роли эмоции, об эмоциональной языковой личности, а также много исследований, посвященных эмоциональным концептам.

Огромное количество работ, которые посвящены данным проблемам, позволяют установить широкий спектр метаязыка, такие как: эмоциональная коцептосфера; эмоциональный дейксис; эмоциональная вербалика / авербалика; эмоциональная картина мира; эмоциональный фактор и др.

В современной лингвистике эмоции рассматриваются как основа сознания и языкового поведения. Фактически человек говорит и чувствует одновременно. Эмоции счастья, радости, успеха возможны лишь в условиях коммуникации. Именно этим фактом объясняется исследование вопросов

теории и семиотики эмоций, концептуализации и вербализации данного феномена [6-А].

Важным для нашего исследования является положение о том, что категория эмотивности свойственна всем языкам на всех уровнях языковой системы: лексическом, лексико-фразеологическом, синтаксико-стилистическом, текстовом и др.

Весьма полезными оказались результаты исследований эмоций в психологии, установившие эмотивность языка и отсутствие эмотивно нейтральных языковых единиц. Следовательно, любое высказывание эмотивно маркировано (эксплицитно или имплицитно), характеризуясь особой градацией силы и чувственной выразительностью говорящего. Именно эта интегральность является доказательством существования эмотивного кода у любого естественного языка[2-А].

Была установлена связь когниции и эмоции: если эмоции мотивируют когниции, то когниции облачаются эмоциями; эмоции не только возникают в определенных ситуациях, но и сами способны порождать конкретные ситуации. Эмоции тесно связаны с языком, следовательно, они исследуются посредством языка, и именно язык – это и элемент и инструмент исследования эмоций.

Исследования показали, что базовые эмоции в системе разноструктурных языков можно легко обнаружить в лексической системе языка (таджикского и французского) и они способны семантизироваться даже вне художественного пространства, так как эмотивный компонент уже заложен в семантической структуре базовых эмоций[2-А]. Такие лексические единицы в лингвистике определяются как эмотивные, а в семиотике – кодировано эмотивные. Эмотиология сегодня рассматривается как фундаментальная область исследований в лингвистике и смежных науках.

Подробный анализ фактического материала позволил нам установить, что эмоции всегда возникают в специфичных и абстрактных ситуациях, которые вслед за В.И. Шаховским, мы назовём категориальной ситуацией. Так, в

частности, несправедливость может вызвать гнев, предательство – ярость и т.п[1-А].

Эмоциями пронизана вся коммуникативная деятельность человека. При этом следует заметить, что нормы репрезентации эмоций – не универсальны для представителей разных лингвокультур, эпох, социальных классов.

Художественное пространство – это депозитарий эмоций; оно описывает эмоциональную категориальную ситуацию; вербальное и невербальное поведение человека; эмоциональный и индивидуальный опыт человека также запечатлены в художественном тексте. В этом смысле художественная литература – это бесценный учебник по развитию культуры эмоционального общения[4-А].

В результате сопоставительного исследования таджикско-франкоязычных базовых эмоций были определены существенные особенности, выявлены общее и специфическое в формировании и функционировании базовых эмоций в сравниваемых лингвокультурах[3-А].

Базым эмоциям отводится важное место в таджикской и французской языковых картинах мира. Человеческое представление, знания находят отражение в языке. Языковую картину мира мы рассматриваем как совокупность понятий, концептов, человеческие знания, которые оформляются определенными языковыми знаками. Наряду с языковой картиной мира, мы выделяем также эмоциональную языковую картину мира, представляющее собой сложное структурно-смысловое образование. Фрагменты языковой картины мира оязыковлены и отображены в человеческом сознании.

Языковое выражение базовых эмоций составляет значительную часть языковой картины мира[7-А]. Эмоции знаково оформлены. Их знаковая экспликация может быть представлена не только вербально (посредством языковых средств), но и невербально (при помощи жестов, мимики).

Лексические единицы являются основным способом репрезентации эмоций, так как именно они наиболее чётко отражают объективную действительность. Основными языковыми средствами выражения эмоций являются прямые, вторичные (метафорические) номинации. Первичные номинации сформированы небольшим количеством лексических единиц, которые номинируют разные эмоции и чувства индивида (радость, печаль, гнев и т.д.). Вторичные номинации значительно превосходят первый тип количественно. Вторичный тип представляет собой результат переноса наименований объектов действительности, как по смежности, так и по ассоциациям.

Также были выявлены специфические способы реализации базовых эмоций в двух языках. Детальное описание базовых эмоций осуществляется при помощи метафор, персонификации. Наиболее продуктивными в таджикском языке являются конструкции *чашмони барқзо – глаза,метающие искры* (состояние полного гнева); *чашмони газаболуд – гневные глаза*. Во французском языке отсутствует сочетание гневные глаза, эквивалентом данной конструкции выступают прилагательные – *irrité, courroucé – раздраженный, разгневанный*: *Sois bonne, ne me regarde pas de tes yeux irrités. Aide-moi à retrouver mon coeur. – Будь же добра, не гляди на меня такими гневными глазами (гневно), помоги мне возродить мое сердце.*

Во французском языке *печаль* может ассоциироваться с «тысячами иглами», с болью и криком.

На материале таджикского языка были выявлены контексты, в которых состояние персонажей (чувства радости, печали) даны в контексте с природой, что является отражением специфики таджикской ментальности.

В двух языках *страх* выражается при помощи прямой номинации или метафор. Во французском языке *страх* связан с *морозом, холодом*, при этом «мороз пробегает по лопаткам». Однако в таджикском языке *страх* не ассоциируется с *морозом* – *ба ларза афтодан – тряпись от страха.*

В таджикском языке *гнев* рассматривается как «*плохой советчик*», во французском языке *гнев* выступает синонимом *зла* и противопоставлен *добру*[5-А].

Базовые эмоции, функционирующие в художественном тексте, обнаруживают не только универсальные свойства, но расхождения, которые заключаются в коммуникативных регистрах, включающие образно-оценочные, ассоциативно-ценостные смыслы[4-А].

Анализ кинесических средств выражения эмоций позволил выявить следующие способы их взаимодействия: 1) кинемы наслаиваются на эмотивную интонацию (то есть употребляются одновременно); 2) предшествуют фразам с просодическими рисунками; 3) следуют за высказываниями с определенными просодическими рисунками[8-А].

Многоаспектный анализ неязыковых средств репрезентации базовых эмоций позволяет сделать вывод о лексико-грамматических и функциональных особенностях параязыка в системе двух языков.

Исследуя эмотивное значение необходимо также рассматривать оценочные категории. Общеизвестно, что оценочное понятие является общепризнанной категорией. Содержательная структура понятия включает в себя такие составляющие, как: семантика, модальность, сигнификативное значение. А оценка, как известно, является компонентом модальности. Примерами лексических единиц, которые отражают оценочные понятия, выступают в таджикском языке: *разил* – *низкий, подлый, презренный, номард* – *малодушный, трусливый, подлый, низкий; негодяй, подлец*. Во французском языке: *gredin* – *мерзавец; coquin* – *злодей, нигодяй, бездельник, мошенник; hypocrite* – *лицемер*.

Оценочные отношения могут быть и эмоциональными, так как в результате сигнификации эмоции играют очень важную роль. При этом следует заметить, что данные маркеры эмоции существуют в сознании носителей того

или иного языка и репрезентируются в конкретных текстах речевой коммуникации.

Результаты исследования также показали совмещение противоположенных значений в семантической структуре слова. Многие французские слова, которые заканчиваются на *eux* совмещают непереходные и фактитивные значения, например: *lacrimosus* имеет значения *полный слез* и *плачущий* или *вызывающий слезы*.

Анализ языкового материала также позволили выделить следующую специфику эмотивного текста в таджикском языке – «плотность эмотивов». В широких текстах, имеющих размер фразового единства, не выражается одна изолированная эмоция – одна эмоция вызывает другую, то есть эмоции выступают в комплексе. В таких случаях наблюдается конвергенция эмотивов, чем их больше, тем плотнее становится эмотивность текста.

Исследование эмотивных текстов таджикского языка показало, что определенные эмотивные компоненты употребляются в определенных коммуникативных типах предложений. Например, если эмотивные единицы, выражающие *удивление*, *возмущение*, *радость* встречаются главным образом в восклицательных или в вопросительно-восклицательных предложениях, то лексические единицы, выражающие *грусть*, *печаль* встречаются в повествовательных предложениях. Данный факт обусловлен лингво-психологическими закономерностями.

Особенность французских эмотивных текстов по сравнению с нейтральными текстами – это дистрибуция неэмотивных языковых единиц.

Общими признаками эмотивных текстов таджикского и французского языков является следующее: эмотивная семантика высказывания обычно притягивает компоненты, которые усиливают его эмотивное содержание.

Эмотиология, имея богатую историю, в настоящее время все ещё находится на стадии развития. В лингвистике эмоций много неясного: расплывчатость категорий, полиморфизм понятий, недостаточно чётко

обозначены языковые маркеры. Эмоциональная речь обладает фантастическим разнообразием средств, что свидетельствует о полистатусной природе категории эмотивности[6-А].

Вышеперечисленные проблемы – далеко не всё, что предстоит учёным разработать в сфере эмотиологии. В настоящее время многие учёные, занимающиеся проблемами эмоциональной коммуникации, едины во мнении о том, что эмоции своим «скользким характером» бросают ей серьёзный вызов.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе изучения и обзора использования языковых и неязыковых средств репрезентации базовых эмоций человека во французской и таджикской языковых картинах мира (на материале художественной литературы) предлагаются следующие рекомендации по внедрению результатов исследования:

1. Результаты исследования могут быть использованы для определения восприятия эмоций и его классификации в языкознании;
2. Данный материал может быть применен при изучении отражения эмоций в языке и художественном тексте на примере таджикских и французских текстов;
3. Результаты исследования могут быть использованы для выявления лексико-грамматических аспектов эмоций в таджикском и французском языках;
4. Полученный материал может быть применен при определении употребления эмоций и их специфических особенностей на примере художественных текстов на французском и таджикском языках;
5. Результаты исследования могут быть использованы при переводе материалов с французского языка на таджикский и наоборот, в том числе в случае художественных текстов;

6. Данный материал может быть использован при разработке учебно-методических пособий и специализированных словарей по таджикскому и французскому языкам;

7. Результаты исследования могут быть использованы студентами-филологами, обучающимися по специальности «Французский язык», при преподавании дисциплин «Устная и письменная речевая практика французского языка», «Стилистика», «Лексикология», «Грамматическая сочетаемость таджикского и французского языков», «Перевод устных и письменных текстов».

I. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А) На русском языке:

1. Абрамова, Н.Т. Несловесное мышление / Н.Т. Абрамова [Текст]. – М.: ИФ РАН, 2002. – 236 с.
2. Азарова, Н. М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст) / Н.М. Азарова [Текст]. – М.: Гнозис /Логос, 2010. – 496 с.
3. Айданова, Ю. Ф. Интертекстуальные знаки советского прототекста в современной российской прозе и стратегии их перевода на английский язык: автореф. дис. ... филологических наук: 10.02.20 / Ю.Ф. Айданова [Текст]. — Омск, 2012. — 21 с.
4. Алексикова, Ю. В. Концептуальная метафора как способ формирования эвфемизмов в современном английском языке / Ю. В. Алексикова // Вестник ТГУ [Текст]. - № 3 (71), 2009. – С. 148-154.
5. Алексикова, Ю. В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке / Ю. В. Алексикова // Вопросы когнитивной лингвистики [Текст]. - №3 (24), 2010. - С. 126-132.
6. Аминова, Ф. Ш. Этнопсихокогнитивный анализ концепта «Страх» в таджикской и английской языковых картинах мира[Текст]: авторефе. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Аминова. – Душанбе, 2022. – С. 13.
7. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов): уч. пособие для студ. фак. иностр. яз. Вузов [Текст] / Е.Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003.
8. Апресян, В. Ю. Эмоции: современные американские исследования / В.Ю. Апресян // Семиотика и информатика [Текст]. Вып. 34. - М.: Всероссийский институт научной и технической информации РАН, 1994. – С. 82—97.
9. Апресян, В. Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, дрейфить, робеть, трепетать, дрожать, трястись [Текст]/ В.Ю. Апресян // Новый

- объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 15-20.
10. Апресян, В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке [Текст]: дис. д-ра. филологических наук: 10.02.01 / В.Ю. Апресян. – М., 2015. – С. 45.
 11. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. С. 37—67.
 12. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
 13. Аренс, У.Ф. Бове К.Л. Современная реклама [Текст] / У.Ф. Аренс. – М.: Издательский дом «Довгань», 1995. – 704 с.
 14. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
 15. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 911 с.
 16. Арутюнова, Н.Д. Истина. Добро. Красота: Взаимодействие концептов [Текст] // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 5—30.
 17. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка: количественный аспект [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – 676 с.
 18. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – Едиториал УРСС, 2004. – 422 с.
 19. Бабаева, Е. Э. Современная лексикография о структуре многозначности прилагательного простой [Текст] // Языковая картина мира и системная лексикография / Е.Э. Бабаева. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 761—844.

20. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
21. Багана, Ж. Судьба Французского языка в Африке: социолингвистические и лингвокультурологические особенности: монография [Текст] / Ж. Багана. — М. : Инфра-М, 2013. — 148 с.
22. Багдасарова, Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур [Текст] : автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.19 / Н.А. Багдасарова. – М., 2004. – 24 с.
23. Базылев, В. Н. Российская лингвистика XXI века: Традиции и новации [Текст] / В.Н. Базылев. – М.: Изд. СГУ, 2009. – 379 с.
24. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
25. Бернадская, Ю.С. Текст в рекламе: учебн. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Реклама» [Текст] / Ю.С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
26. Блинова, А.В. Структурно-семантический анализ невербальных средств коммуникации и их отражение в языке и речи [Текст] : автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / А.В. Блинова. – М., 1994. – 16 с.
27. Богуславская, О. Ю. Храбрый, смелый, отважный, мужественный, бесстрашный, неустрашимый [Текст] / О.Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 394-400.
28. Бодалев, А.А. Психология общения [Текст] / А.А. Бодалев. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 367 с.
29. Брагина Н. Г. Красота: энергия влечения и образ власти [Текст] // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. - М.: Индрик, 2004. - С. 487—503.

30. Болдырев, Н. Н. Язык и структура сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. № 24. – М.: ИЯз РАН, 2016. – С. 25—32.
31. Брагина, Н. Г. Красота: энергия влечения и образ власти [Текст] // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Н.Г. Брагина. – М.: Индрик, 2004. – С. 487—503.
32. Будагов, Р.А. Типы несоответствия между значениями слов в родственных языках [Текст] / Р.А. Будагов // Филологические науки. – 1982, №5. – С. 19.
33. Быкова, Г.В. Внутриязыковые лакуны в системе языка [Текст] / Г.В. Быкова. – Благовещенск, 1999.
34. Вайгла, Э.А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы ее перевода (на русско-эстонском материале) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Э.А. Вайгла. – М., 1978. – 24 с.
35. Вакуров, В.Н. Развитие эмоциональных значений и полиэмоциональность фразеологических единиц [Текст] / В.Н. Вакуров // Филологические науки. – 1991. – № 6. – С. 74-83.
36. Васильева, Н. В. Антропонимическая самоидентификация в двух лингвокультурах [Текст] / Н.В. Васильева // Жизнь языка в культуре и социуме: материалы конф., 26—27 мая 2017 г. – М.: Канцлер, 2017. - С. 46—47.
37. Васильева, Н. В. Прагматический потенциал русской формулы имени [Текст] / Н.В. Васильева // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конф. Т. 1. – УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017б. С. 33—38.
38. Виноградов, В.В. Вопросы языкознания [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – №1. – С. 70-87.

39. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
40. Винокур, Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц [Текст] / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1980. – 237 с.
41. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи [Текст] / Л. Виссон. — М.: Р. Валент, 2011. — 191 с.
42. Воинова, В.В. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе[Текст]: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.04 / В.В. Воинова. – СПб., 2006. – 230 с.
43. Волек, Б. Типология эмотивных знаков [Текст] / Б. Волек // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С.15.
44. Волов, В. В. Инновационный подход к исследованию базовых механизмов эмоционального интеллекта [Текст] / В.В. Волов // https://elibrary.ru/download/elibrary_28803647_86382119.pdf.
45. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
46. Вострикова, И.Ю. Особенности проявления национальной специфики минигрупп «Трудовая деятельность, направленная на разрушение», в русском и английском языках [Текст] / И.Ю. Вострикова // Сопоставительные исследования. – Воронеж, 2018. – С. 19-22.
47. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Наука, 1977. – С. 45.
48. Гак, В. Г. Молчание и чувство [Текст] / В.Г. Гак // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. - С. 178—183.
49. Гак, В.Г. Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность / В.Г. Гак. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 20-31.
50. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: URSS. – 2018. – С. 78.

51. Галичев, А.И. Кинесический и проксемический компоненты речевого общения [Текст] / А.И. Галичев. – М.: МВИ, 1987. – 125 с.
52. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 448 с.
53. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. –138 с.
54. Ганиева, Н.Р. Семантический анализ глаголов речи микрополя «говорить» в русском, таджикском и узбекском языках[Текст]: автореферат дис. ... канд. филологических наук. – Душанбе, 2004. – С. 10.
55. Германова, Н. Н. История нормирования английского языка: лингвокультурные основания британской нормативной грамматики [Текст] / Н.Н. Германова. – М.: URSS: ЛЕНАНД, 2014. – 358 с.
56. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
57. Горбачевский, А. А. Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях[Текст]: автореф. дис. ... д-ра филологических наук: 10.02.20 / А.А. – Екатеринбург, 2001. — 44 с.
58. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект [Текст] / Д. Гоулман. – М.: АСТ, 2008. – 544 с.
59. Гоулман, Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта [Текст] / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 266—269.
60. Грайс, П. Логика и речевое общение [Текст] / П. Грайс // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217-237.
61. Григорьева, С. А. Словарь языка русских жестов [Текст] / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. - М.—Вена: Языки русской культуры, 2001. – 151 с.

62. Дарвин, Ч. Выражение эмоций у человека и животных [Текст] / Ч. Дарвин. — СПб.: Питер, 2001. — 384 с.
63. Джигоева, А. А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка [Текст] / А.А. Джигоева. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 151 с.
64. Девкин, В.Д. О неродившихся немецких и русских словарях [Текст] / В.Д. Девкин // Вопросы языкознания. — №1. — 2001. — С. 87.
65. Делл, Д. Учебник по рекламе. Как стать известным, не тратя деньги на рекламу [Текст] / Д. Делл, Т. Линда / Пер. с польск. Н.В.Бабиной — Мн.: ИООО «Современное слово», 1997. — 320 с.
66. Дмитриева, Е.Г. Характерологическая функция эмотивной гла-гольной лексики в житийном тексте[Текст]: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Е.Г. Дмитриева. — Волгоград, 2005. — 25 с.
67. Додонов, Б.И. Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности [Текст] / Б.И. Додонов // Вопросы психологии. — 1975. — № 6. — С. 21-33.
68. Дронов, П. С. Очерки по культурным трансферам по фразеологии [Текст] / П.С. Дронов. — М.: ИЯз РАН, 2018. — 102 с.
69. Дронов, П. С. Глаза из орбит и глаза на лоб: об одном симптоматическом движении во фразеологии [Текст] / П.С. Дронов // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020: материалы международной конференции. — М.: ИЯз РАН, 2020. — С. 13—19.
70. Дьяченко, Ю.А. Жест как ручная речь и его роль в художественном тексте (на материале прозы Е.И. Носова) [Текст] / Ю.А. Дьяченко // Курское слово. Выпуск 10. — Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. — С. 53-58.
71. Залевская, А.А. Роль теории в экспериментальных психолингвистических исследованиях лексики [Текст] / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. — Калинин, 1987. — С. 34-49.

72. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
73. Зализняк, А. А. Шмелев А. Д. Лъстить: семантическая эволюция и актуальная полисемия [Текст] / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 388—394.
74. Зеленский, А.Л. Сопоставительная типология основных европейских языков [Текст] / А.Л. Зеленский. – М.: Юрайт, 2022. – 265 с.
75. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: Ч. 2. [Текст]/ В.А. Звегинцев. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. — 332 с.
76. Зуева, Е.А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы[Текст]: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.04 / Е.А. Зуева. – Белгород, 2005. – 162 с.
77. Ежова, Н.Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л.Н Толстого «Анна Каренина» [Текст]/ Н.Ф. Ежова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – №. 2. – С. 10-21.
78. Иванова, Ю.В. Паралингвистические элементы художественного текста[Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю.В. Иванова. – 79. Смоленск, 2009. – 357 с.
79. Иванова, Ю.В. Три уровня функционирования жестов в художественной речи [Текст] / Ю.В. Иванова // Риторика. Лингвистика, 2019. – С. 96-100.
80. Иванян, Е. П., Кудлинская Х., Никитина И. Н. Деликатная тема на разных языках: монография и словарь эвфемизмов деликатной темы [Текст] / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская, И.Н. Никитина. — Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2012.

81. Изард, К. Психология эмоций [Текст]/ К. Изард. – СПб., Питер, 1999 // <http://www.libok.net/writer/3949/kniga>.
82. Иоанесян, Е. Р. Семантика русских противительных союзов но и только [Текст] / Е.Р. Иоанесян // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сборник научных трудов ИЯз РАН. – Вып. 6, 2014. – С. 33—111.
83. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре [Текст] / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
84. Кабакова, Г. И. Роды / Г.И. Кабакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – С. 450—452.
85. Казакова, Н. В. Формирование институциональных особенностей научно-учебного дискурса: на материале английских грамматик XVI-XIX вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.19 / Н.В. Казакова. – Ижевск, 2012. – 23 с.
86. Калимуллина, Л.А. Современные трактовки эмотивности [Текст] / Л.А. Калимуллина // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-81.
87. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры [Текст] / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2013. — 318 с.
88. Каратаева, Л.В. Сопоставительный анализ рекламной лексики в текстах русской и немецкой прессы: Функционально-семантический и словообразовательный аспект[Текст]: автореф. дис. ... канд. филологических наук. – Майкоп, 2003. – С. 16.
89. Кедрова, Е.Я. Вербальное обозначение жестов персонажей при передаче прямой речи в художественном тексте: на материале прозы А.П. Чехова[Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Я. Кедрова. – Ростов-наДону, 1980. – 190 с.

90. Кобзева, О.В. Вербальная репрезентация кинемы в художественном тексте: семантика и прагматика[Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Кобзева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 190 с.
91. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов [Текст] / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007.
92. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры [Текст]/ М.Л. Ковшова. – М.: УРСС, 2012. – 456 с.
93. Кодухов, В.И. Общее языкознание [Текст]/ В.И. Кодухов. – М., 2008. – 302 с.
94. Колшанский, Г.В. Паралингвистика [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2010. – 96 с.
95. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М.: Наука. 1986. – С.20.
96. Комова, Т. А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию [Текст] / Т.А. Комова. – М. : URSS : КРАСАНД, 2010. – 124 с.
97. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М. Копыленко. – Воронеж, 1989.
98. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык [Текст] / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
99. Крылов, С. А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения [Текст] / С.А. Крылов // Логический анализ языка: Космос и хаос. – М.: Индрик, 2003. - С. 302-319.
100. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика [Текст] / Л.П. Крысин. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28—49 // <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>.
101. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

102. Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога: к прагмалингвистической теории драмы [Текст] / В.И. Лагутин. — Кишинев: Штиинца, 1991. — 97 с.
103. Леонтьев, А. А. Табу [Текст] / А.А. Леонтьев // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
104. Ло, Ш. Языковая репрезентация телодвижений и поз как коммуникативных жестов в художественной литературе [Текст] / Ш. Ло // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия Гуманитарные и социальные науки: научный журнал. — 2015. — № 3 (66). — С. 134-137.
105. Ло, Ш. Элементы параязыка в художественной прозе курских писателей[Текст]: дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Ш. Ло. — Белгород, 2016. — 218 с.
106. Логинова, Е. Г. Полиmodalный потенциал текста пьесы [Текст] / Е.Г. Логинова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. Взгляд в будущее: Новые перспективы когнитивных исследований языка // Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 2 ноября 2018 года. — Москва — Тамбов, 2018. — С. 151—158.
107. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 2005. — С. 10—42.
108. Магидова, И. М. Введение в английскую филологию [Текст]/ И.М. Магидова. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — 138 с.
109. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: на материале таджикского и английского языков[Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. Мамадназаров. — Душанбе, 1986. — 193 с.
110. Маслечкина, С.В. Выражение эмоций в языке и речи [Текст]/ С.В. Маслечкина // Вестник Брянского государственного университета, 2015. — №3. — С. 231-236.

111. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. — 202 с.
112. Маслова, А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие[Текст] / А.Ю. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 147 с.
113. Мелерович, А. М. О структуре и функциях фразеологических символов [Текст] / А.М. Мелерович // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 94—101.
114. Мещеряков, Б.Г. Большой психологический словарь [Текст] / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 632 с.
115. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнит-ист. риторике: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов [Текст] / А.К. Михальская. – М.: Academia, 1996. — 190 с.
116. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии [Текст]/ М.И. Михельсон. – СПб.:Брокгауз-Ефрон, 1912. – 103 с.
117. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц [Текст]/ В.М. Мокиенко, Т.Г.Никитина, Е. К.Николаева. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
118. Молчанова, Г.Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика [Текст]/ Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. – №2. – С. 13-30.
119. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования [Текст]/ В.П. Москвин // Вопросы языкознания, 2001. – №3. – С. 58—70.
120. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка [Текст] / В.П. Москвин. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – 262 с.

121. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков [Текст]: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / М. Назирова. – Душанбе, 2009. – 25 с.
122. Носова, О.Е. Стратегические ресурсы молчания [Текст] / О.Е. Носова // Вестник челябинского государственного университета. – 2009. – №7. – С. 89-95.
123. Нурматов, Д. Национальная специфика и универсальные свойства глаголов со смысловой основой отношения в таджикском и русском языках: сопоставительный аспект [Текст]: автореф. дис. ... канд. филологических наук / Д. Нурматов. – Душанбе, 2006. – 24 с.
124. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
125. Пеньковский, А. Б. Очерки по русской семантике [Текст] / А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.
126. Пикулева, Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Ю.Б. Пикулева. — Екатеринбург, 2003. – 22 с.
127. Пименова, М. В. Концептуальные исследования: введение: учебное пособие: [для студентов филологических факультетов по специальности 031001 и 031000.68 - "Филология"] / М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 174 с.
128. Пинягин, В.И. Аспекты сопоставительного исследования языков [Текст] / В.И. Пинягина. – Пермь, 1988.
129. Рахимова, Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках [Текст]: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / Ш.Б. Рахимова. – Душанбе, 2010. – С. 16.

130. Резников, Л.Д. Понятие и слово [Текст] / Л.Д. Резников. – Л., 1987. – 124 с.
131. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1998. – 705 с.
132. Русина, Е.А. Сравнительный анализ параязыковых явлений в русских и английских художественных текстах [Текст]: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Е.А. Русина. – Курск, 2002. – 215 с.
133. Рябцева, Н. К. Измененные состояния сознания по данным языка [Текст] / Н.К. Рябцева // Сублогический анализ языка. – М.: ИЯз РАН, 2011. – С. 361—371.
134. Савенко, А. С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы [Текст] / А.С. Савенко. – М.: URSS : Ленанд, 2012. — 198 с.
135. Сепир, Э. Речь как черта личности [Текст] / Э. Сепир. – М., 1993. – 285 с.
136. Сдобников, В.В. Теория перевода [Текст] / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ, 2006. – 448 с.
137. Солихов, Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предложения и способы его выражения в разносистемных языках [Текст]: на материале английского, русского и таджикского языков: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Солихов. – Душанбе, 2015. – 26 с.
138. Соболев, А. Н. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Том I: Homo balcanicus и его пространство [Текст] / А.Н. Соболев. – Наука – Санкт-Петербург, Verlag Otto Sagner – München, 2013. – 310 с.
139. Солодилова, И.А. К вопросу о соотношении понятий «Эмоция» и «Когниция» [Текст] / И.А. Солодилова // Вестник Башкирск. ун-та, 2009. – №4. – С. 134.
140. Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев [Текст]. – М., 1984. – С. 10.

141. Спивак, Л. И., Спивак Д. Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология [Текст]/ Л.И. Спивак // Сознание и физическая реальность. Т. 1, № 4, 1996. – С. 48—55.
142. Степанов, Ю. С. Публичное изготовление концепта... (новый жанр) [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докладов международного научного семинара. – М.: Азбуковник, 2009. – С. 217—220.
143. Стернин, И.А. Толерантность и коммуникация [Текст] / И.А. Стернин // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург. – 2003. – 135 с.
144. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения [Текст] / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной литературе. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 129.
145. Тарасова, К.С. Возрастные и гендерные особенности социо-эмоциональной компетентности младших школьников [Текст] / К.С. Тарасова // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4(60). – С. 188-202.
146. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка [Текст] / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13-25.
147. Томаселло, М. Истоки человеческого общения [Текст] / М. Томаселло. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 323 с.
148. Урысон, Е. В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира [Текст] / Е.В. Урысон // Путь: Международный философский журнал. – 1994. – № 6 С. 219—231.
149. Урысон, Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания, № 3, 1995. – С. 3—16.

150. Урысон, Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1996. – №4. – С. 25—38.
151. Файзиева, С.А. Семантические классы глаголов эмоционального ощущения в таджикском и русском языках [Текст]: автореф канд. филологических наук: 10.02.20 / С.А. Файзиева. – Душанбе, 2009. – 25 с.
152. Филимонова, О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие [Текст] / О.Е. Филимонова. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – 448 с.
153. Хакимова, М.М. Табу и эвфемизмы в таджикском и английском языках [Текст] / М.М. Хакимова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – Худжанд, 2016. – № 1 (42). – С.5-10.
154. Халикова, З.К. Семантический анализ глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках: на материале глаголов семантического класса «любовь и ненависть» [Текст]: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20 / З.К. Халикова. – Душанбе, 2010. – 24 с.
155. Хомякова, Е. Г. Лингвокультурология. Английские миниатюры [Текст] / Е.Г. Хомякова. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. — 286 с.
156. Честертон, Г. К. Несколько слов о простоте [Текст] / Г. К.Честертон // Собрание сочинений в 5т. Т. 5. – СПб: Амфора, 2000. – С. 283-284.
157. Чоршанбиева, З.А. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект [Текст]: автореф. канд. филологических наук: 10.02.20. – Душанбе, 2020. – 25 с.
158. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987.–208 с.

159. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
160. Шаховский, В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2013. – С. 64-69. 49.
161. Шаховский, В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учебное пособие [Текст] / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.
162. Экпан, П. Психология эмоций [Текст] / П. Экпан. – Издательство: Питер. – 2021. – 336 с.
163. Эмотивный код языка и его реализация[Текст]. – Волгоград. – 2003.
164. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика[Текст] / Р. Якобсон. – М.: Наука. – 1975. – С. 67.

Б) На французском и английском языках:

165. Argyle, M. The Psychology of Interpersonal Behavior / M. Argyle. – Longman, 1967. – 23 p. (Аржил, М. Психологияи рафтори байнишахсӣ / М. Аржил. – Лонгмен, 1967. – 23 с.)
166. Arnold, M.B. Emotion and Personality / M.B. Arnold. – New York: Columbia University Press, 1960. – p.63. (Арнолд, М.Б. Эмошн энд персоналити / М.Б. Арнолд. – Нью-Йорк: Колумбия Юниверсити Пресс, 1960. – 63 с.)
167. Arnold, M.B. Feelings and emotions / M. B. Arnold. – N.Y., 1970. – 423 c. (Арнолд, М.Б. Фелинг энд эмошн / М.Б. Арнольд. - Нью-Йорк, 1970. -423 с.)
168. Black, M. Models and Metaphors / M. Black. – Ithaca, 1962. (Блек, М. Модел энд Метафор / М. Блейк. – Итака, 1962.)
169. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction / F. Danes. – Berlin, 1987. – P. 272-291. (Данес, Ф. Когнишн энд Эмошн ин дискурс интерекшн/ Ф. Данес. – Берлин, 1987. – С. 272-291)

170. Duffy, E. Activation and behavior / E. Duffy. – New York: John Wiley, 1962. – P.73. (Даффи, Е. Эктивейшн энд беҳавиор / Е.Даффи. – Нью Йорк: Чон Вилей, 1962)
171. Ekman, P. Emotion in the Human Face / P. Ekman. – New York: Cambridge University Press, 1982. – P. 3-41. (Екмен, П. Эмошн шт зе Хумен Фейс / П. Экмен. - Нью Йорк: Кембрич, 1982. – С. 3-42)
172. Fehr B, Russel J.A. Concept of emotion viewed from a prototype perspective / B. Fehr, J.A. Russel // Journal of Experimental Psychology. – General, 1984. – V. 113. – P. 464-46. (Фер, Б., Рассел, Ч.А. Мафхуми эҳсосот аз нуқтаи назари прототипӣ / Б. Фер, Ч.А. Рассел // Маҷаллаи психологияи таҷрибавӣ. – Умумӣ, 1984. – Ҷ. 113. – С. 464-46.)
173. Goleman, D. The Emotional Intelligence / D. Goleman. – Bentam Books, 1997. (Големан, Д. Зеҳни эҳсосӣ / Д. Големан. – Бентам Букс, 1997.)
174. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon, 1977. (Кербра-Ореккиони, С. Конотатсия / С. Кербра-Ореккиони. – Лион, 1977.)
175. Kittay, E. Metaphor: Its cognitive force and linguistic structure / E. Kittay-Oxford. – Oxford, England: Oxford University Press, 1987. (Киттей, Э. Метафора: Қувваи маърифатӣ ва сохтори забони он / Э. Киттей. – Оксфорд, Англия: Нашриёти Донишгоҳи Оксфорд, 1987.)
176. Kovences, Z. Emotion Concepts / Z. Kovences. – N.Y., 1990. – P. 3-74. (Ковенчес, З. Мафҳумҳои эҳсосот / З. Ковенчес. – Нью-Йорк, 1990. – С. 3–74.)
177. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago – London, 1980. – P. 183-215. (Лейкоф, Г., Чонсон, М. Метафораҳое, ки мо бо онҳо зиндагӣ мекунем / Г. Лейкоф, М. Чонсон. – Чикаго – Лондон, 1980. – С. 183–215.)
178. Language, thought and culture. – USA: University of Michigan Press. – 1987. –158 P. (Забон, тафаккур ва фарҳанг. – ИМА: Нашриёти Донишгоҳи Мичиган, 1987. – 158 с.)

179. Nichik, R. Betrayal psychohistorically / R. Nichik . – Tubungen, 1992. – P. 189. (Ничик, Р. Хиёнат аз нигоҳи психоисторикӣ / Р. Ничик. – Түбинген, 1992. – С. 189.)
180. Plutchik, R. Emotion: Theory, Research, and Experience. Volume 1: Theories of emotion / R. Plutchik, H. Kellerman. – New York: Academic Press, 1980. – P. 235. (Плутчик, Р. Эҳсосот: Назария, тадқиқот ва таҷриба. Ҷилди 1: Назарияҳои эҳсосот / Р. Плутчик, Ҳ. Келлерман. – Нью-Йорк: Академик Пресс, 1980. – С. 235.)

В) На таджикском языке:

181. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]. – Душанбе: Дониш, 1986. – Ҷ. 2 : Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
182. Зеҳни, Т. Санъати сухан [Матн] / Т. Зеҳни. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 396 с.
183. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Х. Карим [Матн] / Б. Камолиддинов. – Душанбе : Ирфон, 1967. – 321 с.
184. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён [Матн] / Б. Камолиддинов. – Душанбе : Маориф, 1989. – 291 с.
185. Капранов, В. А. Луғати мухтасари синонимияи русӣ-тоҷикӣ [Матн] / В. А. Капранов, И. Л. Николаев. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 319 с.
186. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ [Матн] . – Душанбе : Ирфон, 1988. – 250 с.
187. Мачидов, Ҳ. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик [Матн] / Ҳ. Мачидов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – № 4. – С. 63-77.
188. Маъсумӣ, Н. Забони адабии тоҷики дар ибтидои қарни XX [Матн] / Н. Маъсумӣ // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 2. – С. 25-42.
189. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик [Матн] / Н. Маъсумӣ. – Сталинабад : Нашр. дав. Тоҷ., 1959. – 294 с.
190. Муҳаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ [Матн] / М. Муҳаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1993. – 233 с.

191. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷики [Матн] / Ш. Ниёзӣ. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 186 с.
192. Нуоров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ [Матн] / А. Нуоров. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 233 с.
193. Рустамов, Ш. Ш. Забон ва замон [Матн] / Ш. Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 231 с.
194. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форси миёна [Матн] / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
195. Саймиддинов, Д. Тафовути ғӯишҳои забони толишии Гилон [Матн]/ Д. Саймиддинов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 3. – С. 15-32.
196. Ҳалимов, С. С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик [Матн] / С. Ҳалимов.- Душанбе: Ирфон, 1974. – 231 с.
197. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ [Матн] / А. Шоҳаҳмад. – Душанбе: Маориф, 1996. – 368 с.
198. Шукуров, М. Ҳар сухан ҷоеву ҳар нуқта мақоме дорад [Матн] / М. Шукуров. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 187 с.

Г) Словари:

199. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Матн] / зери таҳрири М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошим, Н.А. Маъсумӣ. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
200. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ [Матн] / Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. – Душанбе, 2006.
201. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик [Матн] / Под ред. М. Фозилова. – Душанбе, 1963. – Ҷ. 1-2.
202. Психологический словарь [Текст].–СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.–672 с.
203. Словарь синонимов французского языка (<http://dictionnaire-synonymes.com>).
204. Словарь лингвистических терминов – М.: Либроком, 2010.
205. Толковый словарь французского языка (<http://www.larousse.fr>).

206. Философский словарь [Текст] / А.И. Абрамов и др. / Под ред. И.Т. Фролова. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

Д) Электронные ресурсы:

207. Национальный корпус таджикского языка [эл. ресурс]. URL: <http://tajik-corpus.org/>
208. Национальный корпус французского языка [эл. ресурс]. URL: <https://wiki.frantext.fr/bin/view/Main/>

Е) Литературные источники:

209. Камоли Хучандӣ. Мунтахабот [Матн] / Камоли Хучандӣ . – Душанбе, 1960.
210. Кароматуллоҳи Мирзо. Дар орзуи падар [Матн] / К. Мирзо . – Душанбе: Адиб, 2009.
211. Муҳаммадиев Ф. Сози Мунаввар [Матн] / Ф. Муҳаммадиев . – Душанбе, 1969.
212. Носири Хисрав. Сафарнома [Матн] / Носири Хисрав. – Душанбе, 1970.
- Панду ҳиматҳо. – Душанбе, 1960.
213. Саттор Турсун. Се рӯзи як баҳор [Матн] / Турсун Саттор. – Душанбе : Маориф, 2009.
214. Саттор Турсун. Ишқи аввал [Матн] / Турсун Саттор. Тҷб. – Истиқбол, 2006.
215. Улуғзода Сотим. Халқи худро шинос [Матн] / Сотим Улуғзода. – Душанбе: Маориф, 2019.
216. Aragon, L. Les beaux quartiers / L. Aragon. – Gallimard, 1978. (Арагон, Л. Маҳаллаҳои зебо / Л. Арагон. – П.: Галлимар, 1978.)
217. Balzac, Honore de. Autre etude de femme / Honore de. Balzac. – Санкт-Петербург: Лань, 2013. (Бальзак, Оноре де. Тафсири дигар аз зан / Оноре де Бальзак. – Санкт-Петербург: Лань, 2013).
218. Bazin, H. Vipère au poing / H. Bazin. – М.: Editions du Progrès, 1979. (Базен, Э. «Мори дар мушт» / Э. Базен. – М.: Нашриёти Прогресс, 1979).

219. Cooper, James Fenimore. Le lac Ontario / James Fenimore Cooper . – Нобель Пресс, 2012. – 82 с. (Купер, Чеймс Фенимор. «Кӯли Онтарио» / Чеймс Фенимор Купер. – Нобель Пресс, 2012. – 82 с.)
220. Dumas, Alexandre. La Reine Margot / Alexandre Dumas. – Нобель Пресс, 2014. – 348 с. (Дюма, Александр. «Малика Марго» / Александр Дюма. – Нобель Пресс, 2014. – 348 с.).
221. Flaubert, G. Madame Bovary / G. Flaubert. – Wordsworth, 2012 . – 128 с. (Флобер, Гюстав. «Хонум Боварй» / Г. Флобер. – Вордсворт, 2012. – 128 с.)
222. Flaubert, G. Herodias / G. Flaubert. – Нобель Пресс, 2024 - 116 с. (Флобер, Гюстав. «Херодия» / Г. Флобер. – Нобель Пресс, 2024. – 116 с.).
223. Gamarra, P. Les amours du potier / P. Gamarra . – Les editeurs francais reunis, 1970. (Гамарра, Пол. «Ишқҳои кӯзагар» / П. Гамарра. – Нашриёти муттаҳиди фаронсавӣ, 1970).
224. Druon, M. Rendez-vous aux enfers / M. Druon. – Rene Juillard, 1951. – 440р. (Друон, Морис. «Мулоқот дар дӯзах» / М. Друон. – Рене Жюийяр, 1951. – 440 с.).
225. Duras, M. L'amant / M. Duras. Les editions de minuit, 1984. - 142 р. (Дюра, Маргерит. «Ошиқ» / М. Дюра. – Нашриёти "Минюи", 1984. – 142 с.)
226. Exbrayat Les filles si tranquilles. – Librairie des Champs-Élysées, 1970. – 157 р. (Эксбрая, Шарл. «Духтарони он қадар ором» / Ш. Эксбрая. – Китобфурӯшии Шанз-Элизе, 1970. – 157 с.)
227. Exbrayat Les menteuses. – Librairie des Champs-Élysées, 1970. – 186 р. (Эксбрая, Шарл. «Дурӯғгӯён» / Ш. Эксбрая. – Китобфурӯшии Шанз-Элизе, 1970. – 186 с.)
228. Icor, R. Le semeur de vent / R.Icor . – Albin Michel, 1960. – 314 р. (Икор, Робер. «Корандаи бод» / Р. Икор. – Албин Мишел, 1960. – 314 с.)
229. Maupassant, G. Une vie / G. Maupassant. – Каро, 2023 . – 384 с. (Мопассан, Ги. «Як ҳаёт» / Г. Мопассан. – Каро, 2023. – 384 с.)

230. Maupassant, G. Contes et nouvelles choisis / G. Maupassant . – М.: Editions du Progrès, 1976. (Мопассан, Ги. «Ҳикояҳо ва навғониҳои интихобшуда» / Г. Мопассан. – М.: Нашриёти Прогресс, 1976.)
231. Maupassant, G. Fort comme la mort / G. Maupassant. – Livre de Poche, 2023. (Мопассан, Ги. «Қавӣ мисли марг» / Г. Мопассан. – Ливр де Поч, 2023.)
232. Maurois, A. Une carrière et autres nouvelles / A. Maurois. – М.: Editions du Progrès, 1981. (Мороа, Андре. «Як касб ва дигар ҳикояҳо» / А. Мороа. – М.: Нашриёти Прогресс, 1981.)
233. Mérimée, P. Nouvelles / P. Mérimée. – М.: Editions du Progrès, 1986. (Мериме, Проспер. «Ҳикояҳо» / П. Мериме. – М.: Нашриёти Прогресс, 1986.)
234. Mirbeau, Octave. Le journal d'une femme de chambre / Octave Mirbeau. – Нобель Пресс, 2012. – 580 с. (Мирбо, Октав. «Рӯзномаи як хонуми хидматгор» / О. Мирбо. – Нобель Пресс, 2012. – 580 с.)
235. Japrisot, S. Compartiment tueurs / S. Japrisot. – Эпоё1, 1986. – 230 р. (Жаприсо, Серж. «Ҳучраи кушандагон» / С. Жаприсо. – Эпоё1, 1986. – 230 с.)
236. Japrisot, S. La dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil / S. Japrisot . – Denoel, 1966. – 307 р. (Жаприсо, Серж. «Зан дар мошин бо айнак ва туфанг» / С. Жаприсо. – Деноэл, 1966. – 307 с.)
237. Japrisot, S. L'ete meurtrier / S. Japrisot. – Эпоё1, 1977. – 344 р. (Жаприсо, Серж. «Таърихи хунин» / С. Жаприсо. – Эпоё1, 1977. – 344 с.)
238. Mauriac, F. Le mistere Frontenac / F. Mauriac. – Grasset, 1933. – 256 р. (Моряк, Франсуа. «Мистерияи Фронтенак» / Ф. Моряк. – Грассе, 1933. – 256 с.)
239. Sabatier, R. Le chinois d'Afrique / R. Sabatier. – Albin Michel, 1966. – 412р. (Сабатъе, Робер. «Чинӣ аз Африка» / Р. Сабатъе. – Албин Мишел, 1966. – 412 с.)
240. Sand, George. Consuelo / George Sand. – Paris,1959. – Tome III. (Санд, Жорж. «Консуэло» / Жорж Санд. – Париж, 1959. – Ҷилд III.)

241. Sand, George. Consuelo / George Sand . – Нобель Пресс, 2011. – 374 с.
(Санд, Жорж. «Консуэло» / Жорж Санд. – Нобель Пресс, 2011. – 374 с.)

242. Zola, Emile. L'Assommoir / Emile Zola. – Pocket Livre, 2023. – 373 с.
(Зола, Эмиль. «Ассумоар» / Эмиль Зола. – Покет Ливр, 2023. – 373 с.)

243. Zola, Emile. La Faute de l'Abbe Mouret / Emile Zola. – Livre de Poche, 2024. – 345 с. (Зола, Эмиль. «Гунохи аббе Муре» / Эмиль Зола. – Ливр де Поч, 2024. – 345 с.)

II. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

А) В журналах, рекомендованных ВАК при Президенте Республики

Таджикистан:

[1-А]. Сафялоева, Л.С. Репрезентация эмоции радости и печали параязыковыми средствами (на материале таджикского и французского языков) [Текст] / Л.С. Сафялоева // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2022. – № 4 (99). – С. 56-61. ISSN 2219-5408

[2-А]. Сафялоева, Л.С. Невербальные средства выражения эмоций в контексте разных культур (на материале таджикского и французского языков) // Вестник педагогического университета [Текст]/ Л.С. Сафялоева. – Душанбе, 2022. – №5 (100). - С. 97-101. ISSN 2219-5408

[3-А]. Сафялоева, Л.С. Языковые средства выражения эмоции в таджикском и французском языках: сравнительный аспект [Текст]/ Л.С. Сафялоева // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2023. – №4 (105). – С. 67-72. ISSN 2219-5408

[4-А]. Сафялоева, Л.С. Функционирование параязыковых средств, репрезентирующих базовые эмоции, в художественном тексте на материале таджикского и французского языков) [Текст]/ Л.С. Сафялоева, Ф.М. Турсунов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2023. - №6. – С. 96-101. ISSN 2413-516X

[5-А]. Сафялоева, Л.С. Анализ семантического поля «эмоции» (“ғам” (грусть), “андух” (печаль)) в таджикском языке [Текст] / Л.С. Сафялоева // Вестник

университета языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2025. – №1(57). – С. 141-145. ISSN 2226-9355

Б) Публикации в других изданиях:

- [6-А]. Сафялоева, Л.С. Исследование эмоций в лингвистике [Текст] / Л.С. Сафялоева, М.М. Раджабалиева // Материалы международной научно-практической конференции на тему “Восточная филология: лингвистические исследования, литературные связи и переводоведение (08.12.2023). – Душанбе, 2024. – С. 196-204.
- [7-А]. Сафялоева, Л.С. Эмоции как объект исследования [Текст] / Л.С. Сафялоева // Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, докторантов, магистрантов и студентов Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзода на тему “Приоритетные направления исследований в области гуманитарных и точных наук в условиях глобализации”, посвящённую дню таджикской науки (22.04.2024-27.04.2024). – Душанбе, 2024. – С. 493-498.
- [8-А]. Сафялоева, Л.С. Эмоциональные кинемы в таджикском и французском языках [Текст] / Л.С. Сафялоева // Материалы республиканской научно-практической конференции “Актуальные вопросы сравнительного языкознания европейских языков и их изучение в современных условиях”. – Душанбе, 2024. – С. 29-31.
- [9-А]. Сафялоева, Л.С. Образования отглагольных производных во французском и русском языках [Текст] / Л.С. Сафялоева, М.М. Раджабалиева // Материалы международной научно-практической конференции на тему “Актуальность изучения романо-германских языков в процессе глобализации и состояние их изучения в Таджикистане”. – Душанбе, 2025. – С. 493-498.